
КСЕНОФОНТ
АНАБАСИС
КСЕНОФОНТ АНАБАСИС

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ΞΕΝΟΦΩΝΤΟΣ
ΚΥΡΟΥ ΑΝΑΒΑΣΙΣ

XENOPHONTIS
EXPEDITIO
CYRI

КСЕНОФОНТ

АНАБАСИС

ПЕРЕВОД,
СТАТЬЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
М. И. МАКСИМОВОЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА И. И. ТОЛСТОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА–ЛЕНИНГРАД
1951

Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР
по изданию научно-популярной литературы
и серии «Итоги и проблемы современной науки»

Председатель Комиссии Академии Наук СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*

Зам. председателя член-корреспондент Академии Наук СССР
П. Ф. ЮДИН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
академик И. И. ТОЛСТОЙ

АНАБАСИС

КНИГА I[1]

Глава I

(1) У Дария и Парисатиды было два сына: старший Артаксеркс и младший Кир.[2] Когда Дарий захворал[3] и почувствовал приближение смерти, он потребовал к себе обоих сыновей. (2) Старший сын находился тогда при нем, а за Киром Дарий послал в ту область, над которой он поставил его сатрапом,[4] назначив его также начальником всех войск, местом сбора которых была долина Кастолы.[5] И вот Кир отправляется вглубь страны, взяв с собой Тиссаферна,[6] как друга, и 300 эллинских гоплитов[7] с их начальником Ксением из Паррасия. (3) А когда Дарий скончался и Артаксеркс был посажен на царство, Тиссаферн наклеветал брату на Кира, будто тот злоумышляет против него. Артаксеркс поверил и приказал схватить Кира, чтобы предать его смерти; но мать вымолила его у царя и отослала обратно в подвластную ему область.[8]

(4) Когда Кир уехал, познав опасность и претерпев бесчестие, он принял решение впредь никогда больше не отдавать себя во власть брата, но, если это окажется возможным, сменить его на престоле. Мать помогала Киру, так как она любила его больше, чем царствующего Артаксеркса. (5) Со всеми приезжавшими к нему приближенными царя Кир обходился таким образом, что когда он отпускал их

домой, они оказывались более преданными ему, чем царю. А что касается до состоявших при нем варваров,[9] то Кир заботился не только об их надлежащей военной подготовке, но и о том, чтобы они были к нему расположены.

(6) Эллинское войско он собирал в глубочайшей тайне, стремясь застигнуть царя[10] как можно более неподготовленным.

Набор войска производился следующим образом. Начальникам всех гарнизонов, сколько их ни было у него в городах, Кир приказал набрать самых лучших солдат пелопоннесцев, под тем предлогом, что Тиссаферн задумал недоброе против городов. Дело в том, что ионийские города [11] первоначально были отданы царем Тиссаферну, но в это время все они, кроме Милета, передались Киру; (7) а в Милете Тиссаферн, предвидя там точно такие же намерения в пользу перехода к Киру, одних казнил, а других изгнал из города. Кир принял изгнанников и, собрав войско, осадил Милет с суши и с моря, пытаясь возвратить обратно изгнанных. Это, опять-таки, служило ему лишним предлогом для набора войска. (8) Отправляя посольства к царю, он просил его, как брата, отдать ему эти города и не оставлять их под властью Тиссаферна, и мать содействовала ему в этом. Таким образом, царь не замечал враждебных замыслов, но полагал, что Кир тратится на войско ради войны с Тиссаферном, и нисколько не огорчался их распрей, ибо Кир отсылал царю дань с тех городов,[12] которыми раньше владел Тиссаферн.

(9) Другое войско следующим образом набиралось для него в Херсонесе, что находится против Абидоса. Лакедемонянин Клеарх [13] был изгнанником. Приблизив его к себе, Кир полюбил его и подарил ему 10 000 дариков.[14] Тот принял золото, набрал на эти деньги войско, выступил из Херсонеса и стал вести войну с фракийцами, живущими по ту сторону Геллеспонта, помогая эллинам. Города, расположенные у Геллеспонта, охотно доставляли ему средства для содержания солдат. Таким образом, и это войско втайне было наготове для Кира.

(10) Аристипп-фессалиец был связан с Киром узами гостеприимства.[15] Теснимый восставшими против него на родине врагами, он приходит к Киру и просит тысячи две наемников и трехмесячное для них жалованье, чтобы таким образом одолеть восставших. Кир дает ему около 4000 наемников и жалованье за 6 месяцев и просит Аристиппа не прекращать военных действий, не посоветовавшись с ним. Таким образом, и это войско в Фессалии втайне готовится для Кира.

(11) Проксену-беотийцу,[16] связанному с ним узами гостеприимства, Кир приказал взять с собой как можно больше солдат и притти к нему под предлогом предстоящего похода на писидийцев,[17] беспокоящих область Кира.

Стимфалийцу Софенету[18] и ахейцу Сократу, также связанным с ним узами гостеприимства, он приказал притти к нему с возможно бо́льшим количеством солдат, под предлогом предстоящей войны с Тиссаферном, совместно с милетскими изгнанниками. Они так и поступили.

Глава II

(1) Когда Кир решил, что пришло время двинуться вглубь страны, он сделал это под предлогом полного изгнания писидийцев из его области; ведь он и собирал войско как варварское, так и эллинское якобы ввиду похода против них. В это время Кир дает знать Клеарху, чтобы тот присоединился к нему, взяв с собой всех своих солдат, и Аристиппу приказывает замириться со своими врагами на родине и отослать к нему все свое войско; Ксению из Аркадии, который командовал его наемниками в городах, он приказывает притти к нему, захватив всю воинскую силу, кроме отрядов, необходимых для охраны акрополей.[19]

(2) Он вызвал также осаждавших Милет и просил изгнанников сопутствовать ему в походе, обещая им в случае удачного завершения того предприятия, ради которого он начи-

нает войну, не прекращать военных действий до водворения их обратно на родину. Они с радостью повиновались, так как верили ему; захватив с собой оружие, они явились в Сарды. (3) Итак, Ксений прибыл в Сарды с отрядами из городов в количестве примерно 4000 гоплитов. Проксен явился, имея при себе около 1500 гоплитов и 500 гимнетов,[20] [а Софенет из Стимфалы — 1000 гоплитов], Сократ-ахеец примерно с 500 гоплитов, а Пасий из Мегары пришел с 300 гоплитов и 300 пельтастов;[21] последний, так же как и Сократ, был из тех, что осаждали Милет. Вот кто явился к Киру в Сарды.

(4) Но Тиссаферн, узнав об этом и считая военные приготовления более значительными, чем если бы имелся в виду поход против писидийцев, изо всех сил спешит к царю в сопровождении примерно 500 всадников. (5) И когда царь услышал от Тиссаферна о военных приготовлениях Кира, он, в свою очередь, стал готовиться к войне.

Кир с вышеназванными войсками выступает из Сард [22] и проходит по Лидии в три перехода 22 парасанга до реки Меандра, шириной в 2 плетра;[23] на ней был мост, наведенный на 7 судах. (6) Переправившись через реку, он проходит по Фригии (Великой) в один переход 8 парасангов до многолюдного, богатого и большого города Колосс. Там он пробыл 7 дней и к нему здесь присоединился Менон-фессалиец с 1000 гоплитов и 500 пельтастов, долопами, энианами и олинфянами.[24] (7) Отсюда в три перехода он проходит 20 парасангов до фригийского города Келен, города густо населенного, обширного и богатого. Здесь у Кира был дворец и большой парк,[25] полный диких зверей, на которых он охотился верхом, когда считал нужным поупражнять самого себя и своих коней. Посреди парка протекает река Меандр, но истоки ее находятся во дворце; она протекает также через город Келены. (8) В Келенах находится также укрепленный дворец великого царя у истоков реки Марсия под акрополем; эта река также протекает через город и вливается в Меандр. Ширина реки Марсия равняется 25 футам.[26] Там, говорят, Аполлон снял кожу

с Марсия,[27] одержав над ним победу в музыкальном соревновании, и повесил ее в пещере, откуда берут свое начало истоки; по этой причине река называется Марсием. (9) Рассказывают, будто Ксеркс, возвращаясь из Эллады после понесенного там поражения,[28] построил этот дворец и акрополь Келен. Кир пробыл там 30 дней; к нему присоединился здесь Клеарх, лакедемонский изгнанник, с 1000 гоплитов, 800 фракийских пельтастов и 200 критских лучников. В то же время явился Сосис-сиракузянин с 300 гоплитов и аркадец Софенет с 1000 гоплитов. Здесь, в парке, Кир произвел смотр и подсчет эллинскому войску, и оказалось, что всего налицо имеется 11 000 гоплитов, а пельтастов около 2000.

(10) Отсюда он прошел в два перехода 10 парасангов до многолюдного города Пельт. Там он пробыл 3 дня. В течение этих дней аркадец Ксений, совершив жертвоприношение, отпраздновал Ликеи и устроил агон; наградой были золотые стленгиды.[29] Кир также присутствовал на агоне. Отсюда в два перехода он проходит 12 парасангов до Базара Керамы, города многолюдного и расположенного у самой границы Мисии.

(11) Оттуда он прошел в три перехода 30 парасангов до многолюдного города Кастропедиона. Там он пробыл 5 дней. Солдатам следовало получить жалованья больше, чем за 3 месяца, и они много раз приходили к его дверям и требовали денег. А Кир обнадеживал их, отсылал обратно и, видимо, был огорчен, так как не в его характере было иметь и не давать. (12) Сюда к Киру приехала Эпиакса, жена Сиеннесия, киликийского царя. Говорят, она подарила Киру много денег. Тогда Кир заплатил войску жалованье за 4 месяца. Киликиянка имела при себе охрану из киликийцев и аспендийцев. Кир, говорят, сошелся с киликиянкой.

(13) Оттуда Кир проходит в два перехода 10 парасангов до многолюдного города Тимбрия. Там, около дороги, находился источник, носящий имя Мидаса, царя фригийцев; здесь, говорят, Мидас поймал сатира, смешав воду источника с вином.[30] (14) Оттуда Кир в два перехода прошел 10 парасангов до

многолюдного города Тириейона. Там он пробыл 3 дня. Говорят, будто киликиянка просила Кира показать ей войско; охотно соглашаясь на это, он произвел смотр эллинам и варварам на равнине. (15) Кир приказал эллинам построиться и стоять в принятом у них боевом порядке,[31] причем каждый начальник должен был построить свой отряд. Они выстроились по четыре человека в глубину: на правом фланге находился Менон со своим войском, на левом — Клеарх и его солдаты, середину же занимали другие стратеги.[32] (16) Кир сперва произвел смотр варварам; они проходили перед ним построенными по эскадронам и полкам. Затем он смотрел эллинов, проезжая вдоль рядов на колеснице, а киликиянка — в закрытой повозке. На всех эллинах были медные шлемы, пурпурные хитоны и кнемиды,[33] а щиты были вынуты из чехлов. (17) Объехав все войско, он остановил колесницу перед центром фаланги и отправил переводчика Пигрета к эллинским стратегам с приказом обнажить оружие и двинуться в атаку всей фалангой. Те передали приказ солдатам. И вот, по трубному сигналу, эллины подняли оружие и пошли в наступление. Затем они с громкими криками ускорили шаг, который сам собой перешел в бег по направлению к палаткам. (18) И тут варварами овладел ужас: киликиянка бежала в своей повозке, а варвары, находившиеся на базаре, побросали свои товары и скрылись. А эллины со смехом приблизились к палаткам. Киликиянка удивлялась блеску и стройности войска, а Кир радовался, наблюдая страх варваров перед эллинами.

(19) Отсюда Кир в три перехода прошел 20 парасангов до Икониона, пограничного города Фригии. Там он пробыл 3 дня. Оттуда он прошел по Ликаонии в пять переходов 30 парасангов. Он позволил эллинам грабить эту страну, как страну враждебную. (20) Оттуда Кир отослал киликиянку в Киликию кратчайшим путем; вместе с ней он отправил Менона с его отрядом.[34] А Кир с остальным войском прошел по Каппадокии в четыре перехода 25 парасангов до многолюдного, большого и богатого города Даны. Там он пробыл 3 дня; в эти дни Кир

казнил перса Мегаферна, царского порфироносца,[35] и некоего другого вельможу [из подвластных правителей], обвинив их в заговоре против него.

(21) Оттуда они попытались вторгнуться в Киликию.[36] Туда вела проезжая дорога, очень крутая и непроходимая для войска в случае противодействия с чьей-либо стороны. А по слухам, Сиеннесий находился в горах и охранял вход в страну; поэтому Кир в течение одного дня оставался на равнине. На следующий день прибыл вестник, который сообщил, что Сиеннесий покинул вершины, когда узнал, что войско Менона уже находится в Киликии, по ту сторону гор, а также по причине дошедших до него слухов о следовании из Ионии в Киликию Тамоса с триэрами лакедемонян[37] и самого Кира. (22) Итак, Кир поднялся на горы, не встретив сопротивления, и он видел палатки на том месте, где раньше стояли на страже киликийцы. Оттуда Кир спустился в обширную и прекрасную долину, обильно орошенную и поросшую деревьями различных пород и виноградом; равнина приносит также много кунжута, гречихи, пшена, пшеницы и ячменя. Со всех сторон она окружена тянущимися от моря и до моря крутыми и высокими горами. (23) Спустившись с гор, Кир прошел по этой долине в четыре перехода 25 парасангов до Тарса, большого и многолюдного города Киликии, где находятся дворцы Сиеннесия, царя киликийцев. Посредине города протекает река по имени Кидн, шириной в 2 плетра. (24) Жители этого города, кроме содержателей харчевен, ушли вместе с Сиеннесием в укрепленное место на горах; остались на местах только жители прибрежных городов Сол и Исс.[38]

(25) Эпиакса, жена Сиеннесия, прибыла в Тарс 5 днями раньше Кира; но при переходе через горы в долину погибли два лоха[39] Менона. Одни рассказывали, будто они были изрублены киликийцами во время какого-то грабежа, другие — что они отстали от своих, не смогли найти ни товарищей, ни дороги и, в конце концов, заблудились и погибли. (26) Этот отряд состоял из 100 гоплитов. Остальные солдаты, придя

в Тарс, в гневе за гибель товарищей разграбили город и находившиеся в нем дворцы. Когда Кир прибыл в город, он вызвал Сиеннесия к себе. Тот сперва ответил, что и прежде он никогда не давался в руки сильнейшему и теперь не желает итти к Киру, но потом жена убедила его, и он получил залоги верности.[40]

(27) Когда они после этого встретились, Сиеннесий дал Киру много денег для войска, а Кир одарил Сиеннесия такими дарами, которые считаются наиболее почетными у царя, а именно: конем с золотой уздой, золотой гривной, браслетом, золотым акинаком и персидским платьем, и обещал больше не грабить его страну; а тех людей, которые уже были отведены в рабство, он обещал, в случае, если они найдутся, возвратить обратно.[41]

Глава III

(1) Кир и его войско пробыли там 20 дней. Солдаты отказывались итти дальше; они, ведь, уже подозревали, что идут на царя, а нанимались они, — таковы были их слова, — не с этой целью. Сперва Клеарх стал принуждать своих солдат итти вперед, но, при попытке выступить в поход, солдаты принялись бросать камни в него и в его вьючный скот. (2) Клеарх тогда едва избег побития камнями, а потом, поняв, что насилие ни к чему не приведет, он созвал своих солдат на собрание. Сперва он долго стоял и плакал, а солдаты смотрели, удивлялись и молчали. (3) Затем он сказал примерно следующее: «Воины, не удивляйтесь тому, что я так удручен создавшимся положением. Дело в том, что я связан с Киром узами гостеприимства, и когда я бежал из отечества, он сделал мне много добра и, между прочим, подарил мне 10 000 дариков. Приняв деньги, я не отложил их для себя и не промотал на развлечения, но израсходовал на вас. (4) Сперва я воевал с фракийцами, и мы с вами помогали Элладе, выгоняя фракийцев из Херсонеса, так как они хотели отнять землю у живущих там эллинов. Когда Кир призвал

меня, я отправился в путь, захватив вас с собой и имея в виду помочь ему из признательности за оказанные мне благодеяния, если он в этом будет нуждаться. (5) Но раз вы не хотите итти с ним в поход, то мне придется либо изменить вам и продолжать пользоваться дружбой Кира, либо оказаться перед ним обманщиком и остаться с вами. Я не знаю, правильно ли я поступлю, но я выберу вас и вместе с вами претерплю все, что выпадет на нашу долю. Никто никогда не вправе будет сказать, что, приведя эллинов к варварам, я предал эллинов и предпочел им дружбу варваров. (6) Раз вы не хотите мне повиноваться, я последую за вами и претерплю все, что бы мне ни пришлось испытать. Ведь вы являетесь для меня и отечеством, и друзьями, и соратниками, и, не разлучаясь с вами, я буду в почете, где бы я ни находился, а без вас, думается мне, я не буду в состоянии ни оказать услуги другу, ни отомстить врагу. Итак, знайте, я буду с вами, куда бы вы ни пошли».

(7) Так он говорил, а солдаты, как его собственные, так и другие, услышав, что он говорит, будто не пойдет на царя, одобряли его. Больше 2000 солдат Ксения и Пасия с оружием и обозом расположились лагерем у палатки Клеарха. (8) Кира это повергло в недоумение и тревогу, и он послал за Клеархом. Тот отказался пойти, но втайне от солдат отправил к нему вестника с советом не беспокоиться, так как все устроится, как должно. Он также просил Кира послать за ним, а сам заявил, что не пойдет к нему.

(9) После этого, собрав своих собственных солдат, а также перешедших к нему и всех желающих из других отрядов, он сказал примерно следующее: «Воины, совершенно ясно, что Кир находится сейчас в таком же положении по отношению к нам, в каком мы находимся по отношению к нему. Ведь мы уже не являемся его солдатами, поскольку мы больше не следуем за ним, а он уже не состоит нашим нанимателем. (10) Я знаю, он считает себя обиженным, поэтому, хотя он и посылал за мной, я не хочу итти к нему, главным образом из-за

стыда, так как всячески сознаю себя обманщиком перед ним, но также и из-за страха наказания, которому он мог бы, схватив меня, меня подвергнуть за нанесенную ему обиду. (11) Я думаю, сейчас не время нам успокаиваться и быть беспечными. Необходимо посоветоваться о том, что предпринять ввиду создавшегося положения. Итак, пока мы здесь, нам следует, как мне кажется, подумать о том, чтобы пребывать в возможно большей безопасности, а когда мы решим выступить в обратный путь, то надо тоже итти, находясь в полной безопасности и располагать продовольствием; без продовольствия, ведь, нет никакого толка ни от стратега, ни от простого солдата. (12) А Кир — человек бесценный для друзей и очень страшный для врагов, так как он обладает вооруженной силой не только пешей, но и конной, а также флотом, и это мы все достаточно хорошо видим и знаем, поскольку мы, кажется, находимся довольно-таки близко от него. Итак, пришло время каждому высказаться, как по его мнению лучше поступить». На этом он кончил.

(13) Тогда начали выступать, одни по личному побуждению с изложением собственных мыслей, другие — подстрекаемые Клеархом. Последние указывали на то, в каком затруднительном положении они окажутся, лишившись расположения Кира, — как оставшись на месте, так и решившись уйти. (14) А один из выступавших, притворяясь, будто он спешит поскорее отправиться в Элладу, даже предложил немедленно избрать других стратегов, если Клеарх откажется отвести их назад; закупить продовольствие — базар [42] имелся в варварском войске — и собираться в поход; затем, придя к Киру, просить у него кораблей для обратного пути; если же он не даст таковых, просить у него проводника, который провел бы войско через страну, как страну дружественную; если же Кир откажет и в проводнике, то надо как можно скорее построиться в боевой порядок и выслать вперед отряд для занятия горных вершин, «. . . дабы нас, — говорил он, — не предупредили в этом отношении Кир или киликийцы, много людей

и богатств которых захвачено нами путем грабежа». Так говорил этот человек.

(15) После него Клеарх сказал только следующее: «Пусть никто из вас не говорит, что я буду предводительствовать в этом походе. Существует много причин, по которым мне не следует этого делать. Но того стратега, которого вы изберете, я буду всячески слушаться, чтобы вы видели, что я умею повиноваться не хуже всякого другого». (16) После этого выступил другой оратор и указал на глупость того человека, который советовал просить кораблей, как будто сам Кир тоже отправится в обратный поход. Он отметил также, что нелепо просить проводника у человека, делу которого мы наносим вред: «Если мы способны довериться тому проводнику, которого нам даст Кир, то что может помешать Киру также приказать занять раньше нас горные вершины? (17) Я, по крайней мере, не решился бы взойти на корабль, предоставленный нам Киром, опасаясь, чтобы он не потопил нас при помощи этих триэр, и я побоялся бы следовать за его проводником, который мог бы завести нас туда, откуда нет выхода. Уходя от Кира против его воли, я предпочел бы скрыть свой уход, а это невозможно. (18) Но, впрочем, все это, по моему мнению, чепуха; я предлагаю нескольким, подходящим для этого лицам отправиться вместе с Клеархом к Киру и спросить его, на что он думает нас употребить, и если настоящее предприятие окажется сходным с теми, для которых он и прежде употреблял наемников, то нам надо последовать за ним и постараться быть не хуже тех, кто раньше совершал с ним походы. (19) Если же выяснится, что дело, предпринятое им теперь, значительнее прежних, труднее и опаснее, то надо просить Кира либо убедить нас итти, и тогда взять нас с собой, либо отпустить нас дружелюбно, самому убедившись в законности наших желаний. Таким образом, сопутствуя Киру, мы пошли бы за ним добровольно и в качестве его друзей, а в случае ухода от него, удалились бы в безопасности. Ответ Кира пусть объявят здесь, а мы выслушаем его и будем совещаться».

(20) Это было принято. Выбрав послов, направили их с Клеархом к Киру, и они задали ему вопросы, согласно постановлению войска. Он ответил, что до него доходят слухи, будто Аброком, ненавистный ему человек, находится на Евфрате на расстоянии 12 переходов от них. Против него-то он, по его словам, и намеревается итти. И если Аброком окажется там, то он при помощи солдат отомстит ему должным образом, а если Аброком убежит, то «. . . мы там обсудим это на месте». (21) Выслушав эти слова, посланные передали их солдатам. У тех, правда, остались подозрения в том, что Кир ведет их против царя, но все же они решили последовать за ним. Они попросили прибавки жалованья. Кир обещал платить им в полтора раза больше, чем они получали до сих пор, а именно, вместо 1 дарика, 3 полударика в месяц на каждого солдата. А о том, что их ведут против царя, никому и тогда не было объявлено, по крайней мере, открыто.

Глава IV

(1) Оттуда Кир проходит в два перехода 10 парасангов до реки Псары шириной в 3 плетра. Оттуда он проходит в один переход 5 парасангов до реки Пирама шириной в 1 стадий.[43] Оттуда он проходит в два перехода 15 парасангов до Исс, крайнего города Киликии, расположенного у моря, города большого и богатого. (2) Там он пробыл 3 дня. К Киру сюда прибыло 35 кораблей из Пелопоннеса под начальством наварха лакедемонянина Пифагора.[44] Но из Эфеса их вел египтянин Тамос вместе с 25 другими кораблями Кира, при помощи которых Тамос осаждал Милет, когда этот город был на стороне Тиссаферна, а он воевал на стороне Кира. (3) Кроме него, на этих кораблях прибыл вызванный Киром лакедемонянин Хирисоф с 700 гоплитов, которыми он командовал, состоя на службе у Кира.[45] Корабли встали на якорь у палатки Кира. Здесь же пришли к Киру 400 гоплитов — эллин-

ских наемников, отпавших от Аброкома, и присоединились к походу против царя.

(4) Отсюда он проходит в один переход 5 парасангов к «воротам» из Киликии в Сирию.[46] «Ворота» состояли из двух стен, из которых одна — внутренняя, расположенная со стороны Киликии, — охранялась Сиеннесием и киликийской стражей, а внешняя, расположенная со стороны Сирии, охранялась, по слухам, отрядом царских войск. Между этими стенами протекает река по имени Карс, шириной в плетр. Все пространство между этими стенами равняется 3 стадиям. А пробиться силой, минуя стены, невозможно, так как проход узок и стены доходят до моря, а над ними поднимаются обрывистые скалы и на обеих стенах возвышаются башни. (5) Ради этого прохода Кир и вызвал корабли с целью высадить гоплитов [по сю и] по ту сторону «ворот» и оттеснить врагов, если они будут охранять сирийские «ворота», а Кир предполагал, что эта задача возложена на Аброкома и многочисленное войско. На самом деле Аброком не выполнил этого, но, услышав, что Кир в Киликии, повернул обратно из Финикии и отправился к царю, имея при себе, как передавали, трехсоттысячное войско.

(6) Отсюда Кир проходит по Сирии[47] в один переход 5 парасангов до Мирианды, приморского города, населенного финикийцами. Это место служило торговым портом и там стояло много грузовых судов. (7) Там он пробыл 7 дней. Ксений-аркадец [стратег] и Пасий из Мегары, взойдя на корабль и погрузив на него ценные вещи, отплыли. По мнению большинства, они поступили таким образом из уязвленного самолюбия, потому что Кир разрешил их солдатам, перешедшим к Клеарху, — ради возвращения в Элладу, а не для того, чтобы итти против царя, — остаться у Клеарха.[48] Когда они скрылись из виду, распространился слух, будто Кир преследует их на триэрах. Некоторым хотелось, чтобы их, как трусов, поймали, другие же горевали о возможной их поимке.

(8) А Кир созвал стратегов и сказал им: «Ксений и Пасий оставили нас. Но пусть они, по крайней мере, знают, что им

не удалось скрыться, ибо я знаю, куда они отправились; и они не ушли от нас, так как у меня имеются триэры для поимки их корабля. Но, клянусь богами, я не стану их преследовать, чтобы никто не мог сказать, будто я использую людей, пока они состоят при мне, а когда они захотят меня покинуть, хватаю их, причиняю им зло и отнимаю имущество. Итак, пусть себе уходят, сознавая, что они хуже поступили с нами, чем мы с ними. И хотя их дети и жены, находящиеся под стражей в Траллах, в моих руках, — покинувшие нас не лишатся их: они будут возвращены им во имя прежних заслуг передо мной». Таковы были его слова. (9) Что же касается эллинов, то, если среди них и были лица, настроенные враждебно по отношению к походу вглубь страны, узнав о великодушии Кира, они охотнее и с бо́льшим рвением последовали за ним.

Отсюда Кир проходит в четыре перехода 20 парасангов до реки Гала, шириной в плетр, полной больших ручных рыб, которых сирийцы почитают богами и не дозволяют истреблять[49] [так же как и голубей]. Деревни, в которых они расположились лагерем, были отданы Парисатиде «на пояс».[50] (10) Оттуда он проходит в пять переходов 30 парасангов до истоков реки Дардана, ширина которой равняется плетру. Там находились дворцы Велесия, правителя Сирии, и очень большой парк, красивый и полный всего, что произрастает во все времена года. Кир срубил его и сжег дворцы. (11) Отсюда он проходит в три перехода 15 парасангов до реки Евфрата,[51] шириной в 4 стадия. Там находится большой и богатый город по имени Тапсак. Здесь он пробыл 5 дней. Созвав эллинских стратегов, Кир объявил им, что они пойдут на великого царя в Вавилон,[52] приказал передать это солдатам и убедить их следовать за ним. (12) Стратеги созвали сходку и объявили об этом. Солдаты рассердились на стратегов и говорили, будто те давно знали в чем дело, но скрывали от них. Они заявили, что не пойдут за Киром, если им не дадут столько же денег, сколько получали участники прежнего похода Кира вглубь страны к отцу, похода, предпринятого, к тому же,

не с военными целями, а по вызову Кира отцом.[53] (13) Стратеги оповестили об этом Кира. Он обещал дать каждому солдату 5 серебряных мин,[54] когда они дойдут до Вавилона, и, кроме того, выплачивать полное жалованье вплоть до того времени, когда он отведет эллинов обратно в Ионию. Таким образом, бóльшая часть эллинского войска согласилась итти.

А Менон еще прежде, чем выяснилось, как поступят другие солдаты, последуют ли они за Киром или нет, собрал свое войско отдельно от других отрядов и сказал: (14) «Воины, если вы послушаетесь меня, то, не подвергаясь опасности и без труда, добьетесь у Кира предпочтения перед другими солдатами. Итак, что я советую вам сделать? Сейчас Киру нужно, чтобы эллины последовали за ним против царя. И вот, я предлагаю вам перейти Евфрат прежде, чем выяснится, какой ответ дадут остальные эллины. (15) Ведь, если они постановят следовать за Киром, то вас, как первых, осуществивших переправу, сочтут причиной этого постановления, и Кир почувствует к вам благодарность как к наиболее ревностным воинам, несомненно выкажет ее на деле и сумеет это сделать лучше всякого другого. А если другие отряды отвергнут предложение Кира, то мы все вместе уйдем обратно, но вас, как единственных послушных и самых верных ему солдат, Кир будет назначать фрурархами и лохагами,[55] и в остальном, о чем бы вы его ни просили, вы всегда, я в этом уверен, получите от него все, как от друга». (16) Выслушав это, солдаты повиновались и перешли реку прежде, нежели остальные дали ответ. Когда Кир узнал о переправе войска, он обрадовался и через посланного Глуса [56] передал ему: «Сейчас, воины, я благодарю вас, а о том, чтобы и вы были мне благодарны, позабочусь я сам; в противном случае не зовите меня больше Киром». (17) Солдаты, исполненные великих надежд, молились о его здравии, а Менону он, говорят, прислал щедрые дары. Совершив это, Кир стал переправляться через реку, и остальное войско в полном составе последовало за ним.[57] При переходе через

реку вода доходила людям только до груди. (18) Жители Тапсака говорили, будто эту реку никто никогда, кроме данного случая, не мог перейти вброд, и переправа совершалась всегда при помощи лодок, которые Аброком мимоходом сжег, дабы помешать переправе Кира. Это было принято за непреложное божественное знамение: решили, что река отступила перед Киром как перед будущим царем.

(19) Отсюда он проходит по Сирии в девять переходов 50 парасангов и достигает реки Аракса. Там находилось много деревень, полных хлеба и вина. Они пробыли там 3 дня и пополнили свои запасы.

Глава V

(1) Отсюда Кир проходит по пустыне Аравии,[58] имея Евфрат по правую руку, в пять переходов 35 парасангов. В этом месте земля представляет собой равнину, плоскую, как море, и заросшую полынью. Встречавшиеся там те или иные растения — кустарники или тростники — все прекрасно пахли, словно благовония. (2) Там нет ни одного дерева, а животные разнообразны: встречалось много диких ослов и больших страусов. Попадались также драхвы и газели. Всадники нередко гонялись за этими животными. Ослы, когда их преследовали, убегали вперед и останавливались, так как они бегали гораздо быстрее лошадей. Когда лошади приближались, они опять проделывали то же самое, и не было никакой возможности их настигнуть, разве только в том случае, если всадники становились в разных местах и охотились поочередно. Мясо пойманных ослов похоже на мясо оленей, но несколько нежнее его. (3) Но никто не поймал ни одного страуса, а те всадники, которые пускались за ними в погоню, быстро прекращали ее: убегая, страус отрывался далеко вперед, пользуясь во время бега и ногами и поднятыми, как паруса, крыльями. Но драхву можно было словить, если быстро ее вспугнуть, так как она

летает недалеко, как куропатка, и скоро устает. Мясо у нее чрезвычайно приятное на вкус.

(4) Проходя по этой области, они прибыли к реке Маску, шириной в плетр. Здесь был большой, но безлюдный город, по имени Корсота, обтекаемый рекой Маском. Там они пробыли 3 дня и пополнили свои запасы. (5) Оттуда Кир проходит по пустыне, имея Евфрат с правой стороны, в тринадцать переходов 90 парасангов и прибывает в Пилы.[59] На этих переходах от голода погибло много вьючного скота, ибо там не было травы, совершенно отсутствовали деревья, и вся местность была голая. А местные жители существуют тем, что выкапывают у реки жерновые камни и обделывают их. Они везут их в Вавилон, продают и покупают на эти деньги продовольствие. (6) Между тем, у солдат кончился хлеб, и купить его было негде, кроме как на Лидийском базаре в варварском войске Кира по цене 4 сикля за капифу пшеничной муки или ячменя. Сикль же равняется $7^1/_2$ аттическим оболам, а капифа вмещает в себе 2 аттических хойника.[60] Поэтому солдаты жили, питаясь мясом. (7) Некоторые из этих переходов Кир очень растягивал, особенно когда он хотел дойти до воды или до травы.

Однажды, когда показался узкий проход и болото,[61] трудно проходимые для повозок, Кир с окружавшими его самыми знатными и богатыми персами остановился и приказал Глусу и Пигрету взять отряд из варварского войска и протащить повозки. (8) Когда же ему показалось, что они работают слишком медленно, он рассердился и приказал окружавшим его знатным персам привести в движение повозки. Тут можно было видеть пример образцовой дисциплины. Где бы кто из них ни находился, персы скидывали с себя пурпурные кафтаны, бросались вперед, иногда даже с обрыва, словно они состязались в беге, причем на них были роскошные хитоны и пестрые анаксириды,[62] а у некоторых даже гривны на шее и браслеты на руках. В этом одеянии они прыгали прямо в болото и скорее, чем можно было ожидать, вывезли повозки на руках. (9) Вообще же в течение всего пути Кир, видимо,

спешил и останавливался только ради пополнения запасов, или если случалась какая-либо иная неизбежная задержка, полагая, что чем скорее он придет, тем менее готовым к битве окажется царь, а чем медленнее он будет двигаться, тем многочисленнее будет собранное царем войско. Наблюдательный человек мог бы заметить, что государство царя сильно обширными пространствами и множеством людей,[63] но слабость его заключается в протяженности дорог и разбросанности сил в случае внезапного нападения.

(10) По ту сторону реки Евфрата, в переходах по пустыне встретился большой и богатый город по имени Харманда. Там солдаты закупали продовольствие, переправляясь туда на плотах следующим образом: имевшиеся у них кожаные покрышки они наполняли сеном, затем связывали и сшивали их, чтобы сено не промокло.[64] На них они переправлялись и забирали продовольствие, вино, приготовленное из плодов пальмы, и хлеб из проса, так как эти продукты имеются в той стране в изобилии.

(11) Здесь же несколько солдат Менона поспорили из-за чего-то с солдатами Клеарха, и разбиравший это дело Клеарх несправедливо решил, что солдат Менона неправ, и нанес ему удары. Придя к своим, солдат рассказал об этом. Товарищи, выслушав его, пришли в негодование и сильно рассердились на Клеарха. (12) В этот самый день Клеарх, прибыв к переправе через реку и осмотрев там базар, проезжал верхом с небольшой свитой через войско Менона к своей палатке. Кир в это время еще не прибыл в лагерь, а только подходил к нему. Один из солдат Менона, коловший дрова, увидел проезжавшего Клеарха и запустил в него топором. Он не попал, но затем один за другим многие солдаты с громкими криками стали кидать камни. (13) Клеарх спасся бегством к своему войску и тотчас же призвал его к оружию. Гоплитам он приказал стоять на месте, держа щиты приставленными к ноге, а сам, захватив с собой фракийцев и всадников, которых в его войске было больше 40 человек, в большинстве тоже фракий-

цев, направился против войск Менона, так что те, включая и самого Менона, испугались и побежали вооружаться, а некоторые стояли и находились в нерешительности. (14) Проксен же, который вместе со следовавшим с ним отрядом гоплитов опоздал приходом в лагерь, прямо провел своих солдат в середину между обоими враждовавшими отрядами, приказал им остановиться и просил Клеарха не делать этого. Но Клеарх даже рассердился на то, что в то время как он едва избег побития камнями, Проксен так легко говорит о происшедшем, и приказал ему очистить промежуточное пространство. (15) В это время прибыл Кир и узнал о происходящем. Он тотчас же взял в руки копья и вместе с бывшими при нем приближенными въехал в середину войск и сказал: (16) «Клеарх и Проксен и другие присутствующие здесь эллины, вы не понимаете, что творите. Если вы вступите друг с другом в бой, то, можете быть уверены, я буду умерщвлен в тот же день, а вы немного позже меня, ибо, как только наши дела примут дурной оборот, все эти варвары, которых вы видите, станут более враждебны нам, чем те, которые находятся у царя». (17) Услышав эти слова, Клеарх пришел в себя, и обе стороны сложили оружие по местам и прекратили ссору.

Глава VI

(1) Когда они пустились оттуда в дальнейший путь, то им стали попадаться конские следы и помет. Следы были примерно от 2000 лошадей. Мимоходом всадники (царя) жгли траву и все, что могло оказаться пригодным Киру. Между тем, перс Оронт, родственник царя и, по слухам, один из наиболее искусных в воинском деле персов, задумал изменить Киру, так как он и раньше враждовал с ним, хотя потом и помирился. (2) Он сказал, что если Кир даст ему 1000 конных воинов, то он либо уничтожит едущих впереди всадников-поджигателей, устроив им засаду, либо захватит многих из них живьем и помешает остальным жечь и, во всяком случае,

добьется того, что они, как обнаружившие войско Кира, не смогут оповестить о нем царя. Выслушав его, Кир счел дело полезным и приказал Оронту взять по отряду у каждого предводителя. (3) Оронт, полагая, что всадники готовы последовать за ним, пишет царю письмо и сообщает ему о своем приходе с возможно бо́льшим количеством конницы и просит его также приказать своим собственным всадникам принять его, как друга. В письме заключались также напоминания о прежней дружбе и верности. Это письмо он дает надежному, по его мнению, человеку, а тот, взяв письмо, передает его Киру. (4) Прочитав письмо, Кир берет Оронта под стражу и созывает в свою палатку знатных персов — семь приближенных к нему человек,[65] — а эллинским стратегам приказывает привести гоплитов и расставить их с оружием в руках вокруг его палатки. Они исполнили это и привели около 3000 гоплитов.

(5) Но Клеарха он позвал в палатку на совместное совещание, так как, по мнению самого Кира и других, тот пользовался наибольшим уважением среди эллинов. Выйдя оттуда, Клеарх рассказал друзьям, как произошел суд над Оронтом, ибо это не было запрещено. (6) Он сказал, что Кир следующим образом начал свою речь: «Я призвал вас, друзья, с целью восстановить справедливость согласно божеским и человеческим законам и соответственно поступить вот с этим Оронтом. Мой отец сперва подчинил его мне. Но когда он, согласно собственному признанию, повел против меня войну по наущению моего брата и удерживал акрополь Сард, то я, воюя с ним, добился прекращения военных действий, причем я пожал его правую руку и дал ему пожать свою». (7) После этого Кир спросил: «Оронт, совершил ли я против тебя какую-нибудь несправедливость?». Тот ответил отрицательно. Снова Кир спросил его: «Следовательно потом, с чем ты и сам согласен, ты, не претерпев от меня никакой обиды, изменил мне в пользу мисийцев и, по мере сил, стал причинять вред моей стране?». Оронт подтвердил и это. «И разве, — сказал Кир, — когда ты осознал собственное бессилие, ты не пришел к алтарю

Артемиды, не раскаялся и, убедив меня, вновь не дал мне клятв верности и не получил таковых от меня?». Оронт согласился и с этим. (8) «Какое же зло, — сказал Кир, — претерпел ты от меня, что оказался в третий раз изменником?» Когда Оронт сказал, что он не испытал ничего дурного, Кир спросил его: «Согласен ли ты с тем, что оказался виновным по отношению ко мне?». — «Необходимо с этим согласиться», сказал Оронт. Тогда Кир снова спросил его: «Может быть, ты еще и теперь станешь врагом моему брату, а мне другом и верным слугой?». Он же ответил: «Если я и стану твоим другом, о Кир, то ты уже не признаешь меня таковым». (9) Тогда Кир сказал присутствующим: «Вот что сделал этот человек, и вот каковы его слова. Из вас ты первый, Клеарх, выскажи свое мнение, как ты считаешь нужным поступить». Клеарх сказал: «Я советую немедленно уничтожить этого человека, чтобы впредь не нужно было его остерегаться, и у нас была бы возможность делать добро тем, которые в данных обстоятельствах оказываются преданными людьми». (10) То же самое мнение, по его словам, было высказано и другими.

После этого, по приказу Кира, они дотронулись до пояса Оронта, обрекая его тем самым на смерть, причем все встали, в том числе и родственники Кира. Затем его вывели те, кому это было поручено. А когда его увидели люди, прежде падавшие перед ним ниц,[66] они исполнили это и теперь, хотя и знали, что его ведут на смерть. (11) После того, как он был введен в палатку Артапата, самого доверенного из скиптроносцев[67] Кира, никто никогда больше не видел Оронта ни живым, ни мертвым, и никто также не мог достоверно рассказать о роде его смерти, предположения же высказывались разные. Даже могила его никогда не была обнаружена.[68]

Глава VII

(1) Отсюда Кир проходит по вавилонской земле в три перехода 12 парасангов. На третьем переходе Кир произвел смотр эллинам и варварам на равнине среди ночи: он предполагал, что

с наступлением утра придет царь с войском, чтобы дать сражение. Кир приказал Клеарху командовать правым крылом, а [фессалийцу] Менону — левым, и сам построил свои войска. (2) После смотра с рассветом прибыли перебежчики из войска великого царя.

Кир созвал эллинских стратегов и лохагов, совещался с ними, как дать сражение, и сам следующим образом ободрял их, возбуждая в них мужество: (3) «Эллины, я веду вас с собой в качестве союзников не по недостатку в людях [варварах]. Я потому присоединил вас к своим силам, что считаю вас доблестнее и сильнее большого количества варваров. Итак, будьте мужами, достойными той свободы, которой вы добились, свободы, которая, по моему мнению, составляет ваше счастье. И знайте — я не променял бы свободы на все, чем владею, и даже на большее. (4) А для того, чтобы вы знали, какая вам предстоит битва, я, как человек осведомленный, расскажу вам об этом. Войско царя — огромная толпа, и наступает она с громким криком, но если вы устоите, то в дальнейшем мне и самому стыдно сказать, какими окажутся перед вами люди этой страны. Если вы будете мужественны, и дела мои сложатся благоприятно, то тому из вас, кто пожелает вернуться домой, я устрою возвращение на зависть его землякам, но я надеюсь убедить многих из вас отдать предпочтение службе у меня, а не возвращению на родину».

(5) Тогда Гавлит, присутствовавший там самосский изгнанник и доверенный Кира, сказал: «И все же, Кир, некоторые говорят, будто ты много обещаешь сейчас, потому что находишься в таких обстоятельствах [в виду опасности]; если же все обернется к лучшему, ты не вспомнишь своих слов. А другие говорят, что, даже если ты будешь о них помнить и останешься при прежних намерениях, ты не в состоянии будешь выполнить своих обещаний». (6) Выслушав это, Кир сказал: «Воины, но ведь наше отцовское царство так велико, что оно простирается на юг до тех мест, где люди не могут жить из-за жары, а на север — до областей, в которых нельзя обитать

из-за холода; всеми странами, расположенными между этими областями, управляют друзья моего брата. (7) В случае нашей победы мы обязаны дать нашим друзьям власть над этими странами. И я боюсь не того, чтобы в случае успеха у меня нехватило даров для всех моих друзей, но того, что у меня не окажется достаточного количества друзей, которых я мог бы одарить. Каждому из вас, эллинов, я также дам по золотому венку».[69] (8) Слышавшие эти слова сами стали гораздо более ревностными и передали эти слова остальным эллинам.

Тогда же к нему приходили [стратеги] и другие эллины и просили сказать им, какая их ждет награда в случае победы. (9) Он отпускал их, удовлетворив желание каждого. Все беседовавшие с ним убеждали его не принимать личного участия в сражении, но остаться позади войск.

В это время Клеарх задал Киру примерно такой вопрос: «Думаешь ли ты, Кир, что твой брат вступит с тобой в битву?». «Клянусь Зевсом, — ответил Кир, — поскольку он сын Дария и Парисатиды и мой брат, я не овладею этим царством без боя».

(10) Здесь число эллинов в строю оказалось равным 10 400 воинов со щитами — гоплитов — и 2500 пельтастов, а число следующих за Киром варваров было 100 000 и около 20 колесниц с серпами.[70] (11) Вражеское же войско, по слухам, состояло из 1 200 000 человек [71] и 200 колесниц с серпами. Кроме того, там имелось 6000 всадников, которыми командовал Артагерс; они выстраивались впереди самого царя. Начальников царского войска [стратегов и вождей] было четверо (Аброком, Тиссаферн, Гобрий и Арбак) и у каждого начальника было по 300 000 солдат. (12) Из этих сил в сражении участвовало 900 000 человек и 150 колесниц с серпами, ибо Аброком, идя из Финикии, опоздал к сражению на 5 дней. (13) Так сообщали Киру перебежчики от неприятеля [со стороны великого царя] до битвы, и те враги, которые были взяты в плен после битвы, подтверждали это.

(14) Затем Кир прошел в один переход 3 парасанга. Причем все его войско как эллинское, так и варварское находи-

лось в строю. Он полагал, что в этот день произойдет битва с царем, тем более, что на середине этого перехода был выкопан большой ров шириной в 5 оргий и глубиной в 3 оргии.[72] (15) Ров тянулся вверх по равнине примерно на 12 парасангов, вплоть до Мидийской стены.[73] [Здесь же проходят каналы, проведенные от реки Тигра; их четыре, каждый шириной в плетр, и все они очень глубокие, так что по ним плавают даже суда с хлебом; они впадают в Евфрат, отстоят друг от друга на 1 парасанг, и на них есть мосты]. У Евфрата находится узкий проход между рекой и рвом, шириной примерно в 20 футов. (16) Этот ров сооружен был великим царем вместо укрепления, когда он узнал, что Кир идет на него войной. Кир с войском прошел здесь [через проход] и оказался по ту сторону рва. (17) Итак, в этот день царь не вступил в битву, но ясно были видны следы многочисленных отступающих людей и лошадей. (18) Поэтому Кир вызвал прорицателя Силана из Амбракии и дал ему 3000 дариков за то, что за 11 дней перед тем тот совершил жертвоприношение и сказал ему, что царь не даст сражения в течение ближайших 10 дней. В то время Кир сказал: «Он, ведь, и вовсе не будет сражаться, если не вступит в бой в эти дни. Если твои слова оправдаются, то я обещаю тебе 10 талантов». Это золото он и отдал ему теперь, когда миновали те 10 дней. (19) А когда царь не оказал сопротивления при переходе Кира и его войска через ров, то как Кир, так и другие решили, что царь отказался от битвы, и потому на следующий день Кир шел вперед достаточно беззаботно. (20) А на третий день он совершал поход, сидя на колеснице, в строю перед ним находился лишь небольшой отряд, а главная часть войска шла вольно, и много солдатского вооружения везли на повозках и вьючных животных.

Глава VIII

(1) Уже наступил тот час, когда на базаре становится многолюдно (полдень), и стоянка, где Кир предполагал сделать

привал, была недалеко, когда показался Патесий, знатный перс из приближенных Кира, несущийся во весь опор на взмыленном коне и кричащий всем встречным на варварском и греческом языках, что приближается царь с большим войском, готовый вступить в бой.[74] (2) Тогда настало большое смятение. Эллины, да и все вообще, тотчас же решили, что им грозит нападение, пока они еще не построились к бою. (3) Кир, сойдя с колесницы, надел панцырь, сел на коня, взял в руки копья и приказал всем полностью вооружиться и занять свое место в строю. (4) Войска очень поспешно построились, причем Клеарх поместился на правом фланге у реки Евфрата, Проксен примыкал к нему, остальные к Проксену, а Менон находился на левом фланге эллинского войска. (5) Из варварского войска около тысячи человек пафлагонских всадников находились у Клеарха на правом фланге, так же как и эллинские пельтасты, а на левом фланге стоял Арией,[75] главный помощник Кира, и остальное варварское войско. (6) Кир со своей конницей, в количестве примерно 600 человек, вооруженной, за исключением Кира, панцырями, набедренниками и шлемами, находился в середине строя; Кир же пошел в битву с непокрытой головой. [Говорят, будто и другие персы отваживаются сражаться с непокрытой головой]. (7) На всех конях [в отряде Кира] были налобники и нагрудники; у всадников имелись также эллинские мечи.

(8) Уже наступил полдень, а неприятель еще не показывался. После полудня появился столб пыли, похожий на светлое облако, а несколько времени спустя на равнине, на далеком расстоянии, выросла как бы черная туча. Когда неприятель несколько приблизился, то засверкали какие-то медные части и наконечники копий и можно было разглядеть полки. (9) На левом фланге неприятеля находились всадники в белых панцырях; говорили, что ими командовал Тиссаферн. Рядом с ними шли отряды, вооруженные легкими плетеными щитами, а рядом с последними — гоплиты с деревянными щитами, доходившими до ступни. Говорили, будто это египтяне.

Были там также разного рода всадники и стрелки. Все это войско шло, разделенное по народностям и построенное в форме насыщенного людьми каре.[76] (10) Перед ним расположены были на большом расстоянии друг от друга так называемые серпоносные колесницы. Серпы у них насажены вкось на оси колес и повернуты под колесницами лезвием к земле для того, чтобы разрезать на части все встречающееся на пути. План персов состоял в том, чтобы вклиниться в ряды эллинов и расколоть их на части. (11) А что касается до слов Кира, сказанных на собрании эллинов, когда он увещевал их не бояться криков варваров, то в этом отношении Кир ошибся: без крика, в полном, насколько это было возможно, безмолвии, спокойно и медленно двигались они вперед, сохраняя ровную линию фронта.

(12) В это время сам Кир, проезжавший с переводчиком Пигретом и тремя или четырьмя другими всадниками, приказал Клеарху вести войско на неприятельский центр, так как там находится царь. «Если, — говорил он, — мы одержим над ним победу, то все будет кончено». (13) Но Клеарх видел, что неприятельский центр очень плотен, и узнал от Кира, что царь находится за левым крылом эллинов, — ибо войско царя настолько превосходило войско Кира своей численностью, что его центр помещался за пределами левого крыла Кира, — и поэтому он не хотел отрывать правый фланг от реки, так как боялся окружения. Киру же он ответил, что сам позаботится о том, чтобы все было в порядке.

(14) В это время варварское войско приближалось размеренным шагом, а эллинское еще стояло на месте и строилось вбирая в себя подходившие части. Кир разъезжал немного впереди своего войска и смотрел в ту и другую сторону, наблюдая врагов и друзей. (15) Заметив его из эллинского войска, Ксенофонт-афинянин подъехал к нему на близкое расстояние и спросил, не будет ли от него какого приказания. Придержав коня, Кир вступил в разговор и приказал оповестить всех о том, что жертвы и знамения благоприятны.[77] (16) Отдав это приказание, он услышал шум в рядах войска и спросил, что

там такое. Ксенофонт ответил, что передают пароль, который уже во второй раз обходит войско. Кир удивился, кто дал пароль, и спросил, каков он. Ксенофонт ответил: «Зевс-Спаситель [78] и победа». (17) Услышав это, Кир сказал: «Я принимаю его, и да будет так!». Затем он удалился к своему месту.

Расстояние между обеими фалангами было уже меньше 3 или 4 стадий, когда эллины запели пэан [79] и пошли на неприятеля. (18) При наступлении часть фаланги несколько выдвинулась вперед, и отставшие перешли на бег. И тут все подняли крик в честь бога Энниалия и побежали вперед. Рассказывают, будто некоторые солдаты также ударяли щитами о копья, пугая коней. (19) Варвары дрогнули прежде, нежели стрелы и копья стали долетать до них, и побежали.[80] Тогда эллины пустились преследовать их изо всех сил, причем они криками призывали друг друга не бежать и следовать в строю. (20) Колесницы понеслись — одни сквозь ряды самих же неприятелей, а другие, лишенные возниц, сквозь ряды эллинов.[81] Но эллины, замечая их, всякий раз расступались. Были и такие солдаты, которыми овладевал ужас, как на гиппodроме,[82] но даже из них, говорят, никто тогда не пострадал и вообще никто из эллинов в этом сражении ничего не претерпел, если не считать одного человека на левом фланге, который, как передавали, был ранен стрелой.

(21) Видя, что эллины победили стоявших против них врагов и преследуют их, Кир возрадовался, а окружавшие его уже начали кланяться ему до земли, как царю.[83] Тем не менее, он не увлекся преследованием, но, сдерживая строй своих 600 всадников, стал наблюдать за действиями царя. Он знал, что тот находится в центре персидского войска. (22) Да и все военачальники варваров управляют своими войсками, оставаясь в их центре, полагая, что таким образом они, защищенные с двух сторон воинской силой, будут в полной безопасности, а если им понадобится отдать какое-либо приказание, то оно

дойдет до войска вдвое скорее. (23) Царь, находившийся в это время в центре своих войск, все же оставался вне пределов левого фланга Кира. А так как никто не шел ему навстречу, чтобы вступить в бой с ним или с войсками, построенными впереди него, то он согнул линию фронта полукругом, как бы намереваясь произвести окружение.

(24) Тогда Кир, опасаясь, чтобы эллинское войско не было обойдено с тыла и уничтожено, бросился навстречу врагу. Произведя атаку со своими 600 всадников, он победил и обратил в бегство шеститысячный отряд, прикрывавший царя с фронта, и, как говорят, сам собственной рукой убил его предводителя Артагерса. (25) Но когда началось бегство, шестисотенный отряд, бросившись в погоню, рассеялся за исключением очень немногих, не покинувших Кира, почти только одних так называемых его сотрапезников.[84] (26) Оставшись с ними, Кир увидел царя с его многочисленным окружением и сразу же, не удержавшись, воскликнул: «Я вижу его!», — и ринулся на Артаксеркса, поразил его в грудь и ранил сквозь панцырь, как рассказывает врач Ктесий,[85] который сам, по его словам, лечил рану.

(27) В то время как он поражал царя, кто-то со страшной силой бросил в него копьем и попал пониже глаза. О том, сколько сподвижников царя было убито во время разгоревшейся битвы между царем и Киром и их соратниками, рассказывает Ктесий, который находился при царе. Сам Кир погиб и восемь человек из самых знатных его приближенных полегли вместе с ним. (28) Артапат, самый доверенный из его скиптроносцев, при виде убитого Кира, как рассказывают, соскочил с коня и пал на тело Кира. (29) Одни передают, будто царь приказал кому-то заколоть его в то время, как он лежал на теле Кира, другие рассказывают, что он умертвил самого себя, обнажив акинак, так как он носил золотой акинак; у него также имелись гривна, браслеты и другие украшения, какие носят знатные персы; Кир почитал его за преданность и верность.

Глава IX

(1) Так умер Кир, по мнению всех близко его знавших, самый способный и самый достойный занять царский престол из числа всех персов, живших после Кира Старшего.[86] (2) Когда он еще был ребенком и воспитывался вместе с братом и другими мальчиками, то во всем превосходил их. (3) Дело в том, что все сыновья высокопоставленных персов воспитываются при дворе царя.[87] Каждый может научиться здесь благонравию, и ничего недостойного нельзя там ни видеть, ни слышать. (4) Мальчики видят и слышат, кому царь выказывает уважение и кому неудовольствие. Таким образом, еще в детском возрасте они научаются как повелевать, так и повиноваться. (5) Кир там, во-первых, считался самым скромным из своих сверстников и более послушным по отношению к старшим, чем те, которые были ниже его по происхождению, и в то же время самым большим любителем лошадей, прекрасно умевшим с ними справляться. Считался он также самым любознательным и самым старательным в военном деле, стрельбе из лука и метании копья. (6) А когда он достиг соответствующего возраста, то стал также и самым страстным и отважным охотником.[88] Так, однажды, когда на него напала медведица, он не испугался и, хотя был сшиблен с коня и ранен, отчего у него даже остались рубцы, он все же, в конце концов, убил зверя. А первого, пришедшего к нему на помощь, он одарил так щедро, что многие сочли его счастливцем.

(7) Когда отец послал Кира на должность сатрапа Лидии, великой Фригии и Каппадокии, назначив его также начальником всех войск, которым надлежало собираться в Кастольской равнине, он сразу объявил, что выше всего он ставит отсутствие обмана при заключении договора и союза, а также когда дается какое-либо обещание. (8) Поэтому подвластные города верили ему, верили и частные лица. Даже враг и тот, если Кир заключал с ним договор, был уверен, что ему не

придется испытать ничего противоречившего условиям договора. (9) Поэтому, когда он воевал с Тиссаферном, все города, кроме Милета, добровольно предпочли Кира Тиссаферну,[89] а милетяне боялись его, вследствие его отказа выдать изгнанников. (10) Он говорил и доказал это на деле, что никогда не предаст их после того, как они стали его друзьями, даже если их число сократится и положение их еще ухудшится.

(11) Он славился своим стремлением превзойти всех, как делавших ему добро, так и причинявших ему зло. Рассказывали даже о его желании жить до тех пор, пока, отдав им должное, он не отплатит с лихвой тем, кто хорошо или дурно с ним поступил. (12) И оттого многие только ему одному из всех современников стремились отдать и свое достояние, и города, и даже самую жизнь. (13) И, тем не менее, никто не мог бы сказать, будто он позволяет злодеям и дурным людям насмехаться над собой, так как он наказывал их более беспощадно, чем другие. Часто можно было видеть вдоль больших дорог людей без ног, без рук или глаз. И во владениях Кира всякий эллин или варвар, не сделавший ничего дурного, мог безопасно ездить со своим имуществом куда хотел.

(14) Согласно общему мнению, он особенно отличал людей — храбрых на войне. Сперва он воевал с писидийцами и мисийцами. Самолично совершив поход в эти страны, он назначал начальниками покоренных областей тех лиц, в которых заметил готовность подвергаться опасности, а затем чтил их и другими дарами. (15) Таким образом, храбрые оказывались достойными самых больших богатств, а трусы должны были стать их рабами. Поэтому у него не было недостатка в людях, готовых подвергнуться опасности, если, по их мнению, этот факт станет известен Киру. (16) Если кто-либо выделялся своей справедливостью, то, желая показать пример, он доставлял ему возможность жить богаче, чем жили те, которые достигли богатства путем несправедливым. (17) Поэтому он и вообще имел в своем распоряжении дельных помощников и, в частности, обладал надежным войском. Дело в том, что стратеги

и лохаги, которые прибывали к нему ради обогащения, понимали, что выгоднее хорошо служить Киру, чем просто получать месячное жалованье. (18) В случае удачного выполнения его поручения, он никогда не оставлял усердия без вознаграждения. Поэтому, как говорят, самые лучшие помощники в каждом деле были у Кира.

(19) Если он замечал хорошего хозяина, справедливо управлявшего вверенной ему областью и увеличивающего доходы путем удачных мероприятий, он никогда ничего у него не отнимал, но, наоборот, всегда увеличивал его богатства. Поэтому люди охотно трудились и смело обогащались и, если накопляли богатства, то меньше всего скрывали их от Кира: он не завидовал тем, которые открыто богатели, но старался воспользоваться припрятанными богатствами.

(20) О тех друзьях, которые, по его мнению, были искренно к нему расположены и способны стать его помощниками в любом задуманном им предприятии, он, по общему мнению, умел особенно хорошо заботиться. (21) Полагая, что ему самому друзья нужны для того, чтобы иметь в своем распоряжении помощников, он, в свою очередь, старался стать самым действенным помощником своих друзей, если замечал у них в чем-либо недостаток. (22) Я думаю, сам Кир получал подарков по разным поводам больше любого другого человека;[90] и все это он преимущественно отдавал своим друзьям, наблюдая за образом жизни каждого из них и сообразуясь с его потребностями. (23) И сколько ему ни присылали украшений воинских или других, он, говорят, и тут высказывался в том смысле, что столько драгоценностей не уместится на его собственной особе, а, согласно его мнению, хорошо одетые друзья — лучшее украшение мужчины. (24) Нет ничего удивительного в том, что он намного превосходил своих друзей размерами оказываемых благодеяний, так как он был гораздо их могущественнее, но то обстоятельство, что он превосходил их также в заботах и в готовности услужить им, кажется мне особенно достойным удивления. (25) Часто, когда Кир получал особенно

хорошее вино, он посылал друзьям до половины наполненные сосуды и передавал им при этом, что в течение долгого времени ему не попадалось более приятного вина: «Посылаю его тебе и прошу распить сегодня в обществе тех, кого ты больше всего любишь». (26) Нередко он посылал половину гуся, половину хлеба и другое в том же роде, приказывая посланному сказать: «Кир ел это блюдо, и он хочет, чтобы и ты его отведал». (27) Когда случался недостаток в сене, и он сам, располагая многочисленными слугами и возможностями, мог сделать запас, он посылал сено друзьям и приказывал отдать его их верховым лошадям, чтобы его друзей не возили голодные лошади. (28) Во время путешествий, когда многие стремились его увидеть, он призывал своих друзей и говорил с ними о важных делах, чтобы все видели, кого он почитает. Поэтому я, основываясь на имеющихся у меня сведениях, думаю, что ни один эллин или варвар не был так сильно любим столь большим количеством людей. (29) Доказательством этому может служить и следующее: когда Кир был вассалом, ни один перс не ушел от него к царю, кроме пытавшегося это сделать Оронта. Но и относительно этого человека, которого царь считал верным себе, он скоро убедился, что тот более расположен к Киру, нежели к нему. А от царя многие перешли к Киру, когда они стали врагами, и это сделали именно те, которые особенно сильно о себе заботились, так как они полагали, что, став приближенными Кира, они будут в большем почете, чем оставаясь у царя. (30) Но самое сильное доказательство доблести Кира и его способности правильно судить о верных, расположенных к нему и надежных людях заключается в обстоятельствах его смерти. (31) Ведь когда он умер, все его приближенные, друзья и соратники, кроме Ариейя, погибли, сражаясь за Кира. Арией же находился на левом фланге и предводительствовал конницей. Узнав о гибели Кира, он убежал вместе со всем войском, которым командовал.

Глава X

(1) У Кира тогда отрубили голову и правую руку. А царь [и его отряд] при преследовании ворвался в лагерь Кира. Войска Ариейя не устояли, но побежали через свой лагерь до той стоянки, из которой они вышли [утром]; говорят, что длина пути равнялась 4 парасангам. (2) Царь и его люди разграбили бóльшую часть лагеря и между прочим взяли в плен фокеянку, наложницу Кира,[91] которая, по слухам, была умна и прекрасна. (3) Схваченная людьми царя милетянка была моложе и она без верхней одежды убежала к тем эллинам, которые были вооружены и находились при обозе и, сопротивляясь неприятелю, убили многих грабивших, причем погибло и несколько эллинов. (4) Они, однако, не бежали и спасли как милетянку, так и имущество, а также бывших там людей. В это время царь и эллины находились на расстоянии примерно 30 стадий друг от друга, и одни преследовали тех, с которыми вели бой, словно они были победителями, а другие грабили, как будто полная победа была на их стороне.

(5) Когда эллины узнали, что царь со своим войском находится в обозе, а царь услышал от Тиссаферна, что эллины победили своих противников и, преследуя их, двигаются вперед, тогда Артаксеркс снова собрал свое войско и начал выстраивать его в боевом порядке, а Клеарх призвал Проксена, который был к нему ближе других, и совещался с ним — послать ли часть войска для оказания помощи лагерю, или итти туда всем. (6) Тут вновь показался царь, наступающий на них, как казалось, с тыла. Тогда эллины произвели поворот и приготовились, предполагая, что царь идет на них и им придется вступить с ним в бой. Но царь не повел своего войска в эту сторону, но пошел там же, где он двигался при наступлении, т. е. мимо левого крыла войска Кира, уведя с собой перебежавших во время сражения [к эллинам,] а также Тиссаферна с его отрядом. (7) Дело в том, что Тиссаферн не бежал во время первого столкновения, но пробился к реке

и к эллинским пельтастам. Проходя мимо эллинов, он никого не убил, а расступившиеся эллины рубили персов и поражали их дротиками. Пельтастами командовал Эписфений из Амфиполя, который, как говорили, хорошо знал свое дело.

(8) Тиссаферн, войско которого понесло потери, удалился, но не повернул обратно, а придя в лагерь эллинов, встретился там с царем, и, соединив свои войска, они снова выступили. (9) Но когда они оказались против левого крыла эллинов, то последние испугались нападения на фланг и уничтожения путем охвата. Они решили развернуть крыло, чтобы иметь реку позади себя. (10) Пока они совещались, царь, проходя мимо них, построил свое войско в том же самом порядке, в каком оно стояло в начале сражения. Когда эллины увидели перед собой, и притом близко, их ряды, они тотчас же запели пэан и напали на них гораздо смелее, чем в первый раз.

(11) Варвары снова не выдержали и побежали, когда эллины еще находились на бо́льшем расстоянии от них, чем при первом столкновении, а эллины преследовали их до какой-то деревни. (12) Там эллины остановились, так как за этой деревней возвышался холм, куда свернуло войско царя. Пехоты там не было, но холм до такой степени наполнился всадниками, что нельзя было понять, что там происходит. Говорят, будто там видели царский штандарт — золотого орла, насаженного на древко копья.[92] (13) Но когда эллины двинулись туда, всадники покинули и этот холм и уже не все вместе, а врассыпную. Холм очистился от всадников, и, наконец, все они удалились. (14) А Клеарх не поднялся на холм, но остановил войско у его подножья и послал Ликия из Сиракуз и еще одного человека на вершину холма, приказав им сообщить о том, что они увидят по ту его сторону. Ликий поскакал и, произведя осмотр, донес, что враги бегут изо всех сил. (15) Примерно в это время зашло солнце.

Там эллины остановились, сняли оружие и передохнули. (16) В то же время они удивлялись тому, что нигде не видно Кира и что никто не приходит от него. Они ведь не знали о его

гибели, но предполагали, что он либо удалился, преследуя врагов, либо прошел вперед по другой причине. (17) Эллины стали совещаться, следует ли им остаться на данном месте и подтянуть сюда обоз или вернуться в лагерь. Решили уйти и прибыли к палаткам примерно ко времени ужина. Так окончился этот день. (18) Эллины застали имущество по большей части разграбленным, в том числе и хранившиеся там припасы и питье, а также полные пшеничной муки и вина повозки, которые были заготовлены Киром для раздачи эллинам в случае наступления сильного голода. (19) Говорят, этих повозок было 400. Их тоже тогда разграбили солдаты царя. Таким образом, большая часть эллинов осталась без ужина, а между тем, некоторые из них не успели и пообедать, так как царь показался прежде, чем солдаты были отпущены на обед. Так провели они эту ночь.

КНИГА II

Глава I

(1) [О том, как Киром было собрано эллинское войско, когда он пошел войной на своего брата Артаксеркса, какие события случились во время наступления, как произошла битва, как погиб Кир и как эллины, придя в лагерь, расположились на отдых, считая, что они одержали полную победу и Кир жив, — обо всем этом рассказано в предыдущей книге].

(2) На заре стратеги, сойдясь, выражали свое удивление по поводу того, что Кир не присылает никого с приказом о дальнейших действиях, а также и сам не появляется. Они решили собрать оставшееся имущество и в полной боевой готовности итти вперед, на соединение с Киром. (3) С восходом солнца, когда они уже были готовы выступить, прибыли Прокл, правитель Тевфрании, потомок лаконца Демарата,[1] и Глус, сын Тамоса. Они рассказали о гибели Кира и о том, что Арией, вместе с остальными варварами, бежал и находится на той стоянке, откуда он вышел накануне; они сообщили о его намерении в течение данного дня поджидать эллинов, на случай, если те захотят притти к нему, а на следующий день направиться в Ионию, туда, откуда он пришел. (4) Услышав эту весть, стратеги, а также и другие эллины, когда они об этом узнали, были в большом горе. Клеарх сказал: «О, если бы Кир

был жив! Но он умер, и поэтому передайте Ариейю, что мы победили царя и, как видите, никто с нами больше не сражается. Если бы не ваш приход, то мы сами напали бы на царя. Мы обещаем Ариейю, в случае, если он придет сюда, посадить его на царский престол; ведь власть должна принадлежать победителям на поле брани». (5) С этими поручениями он отправил гонцов и вместе с ними лаконца Хирисофа и Менона-фессалийца; последний поехал по собственному желанию, как друг Ариейя, связанный с ним узами гостеприимства.

(6) Они удалились, а Клеарх остался ждать. Солдаты, как умели, принялись добывать себе пищу [и питье], закалывая быков и ослов из вьючного скота. Выйдя немного вперед за пределы расположения войска, на то место, где происходила битва, они использовали в качестве дров лежавшие там во множестве стрелы, выброшенные по приказу эллинов перебежчиками от царя, а также плетеные и деревянные египетские щиты. (7) Можно было также подобрать много легких щитов и брошенных повозок. Воспользовавшись всем этим, они сварили мясо и питались им в течение этого дня.

Уже наступил час наибольшего оживления на базаре, когда прибыли послы от царя и Тиссаферна — все варвары, и среди них один эллин Фалин,[2] который состоял при Тиссаферне и был у него в чести, так как выдавал себя за человека, опытного в военной тактике и в искусстве биться в тяжелом вооружении. (8) Приблизившись и собрав предводителей, они объявили приказ царя эллинам: ввиду его победы и смерти Кира, сдать оружие, явиться к дверям царя и там,— если они сумеют этого достигнуть, — снискать себе его милость. (9) Так говорили глашатаи царя. Эллинам тяжело было выслушать это, однако Клеарх сказал только, что победителям не пристало сдавать оружие. «Вы, стратеги, — прибавил он, — дайте им наилучший по вашему мнению и самый достойный ответ, а я сейчас вернусь». Дело в том, что один из слуг позвал его осмотреть вынутые внутренности жертвенного животного, так как в это время Клеарх совершал жертвоприношение.

(10) Тогда Клеанор-аркадянин, как старший из стратегов, ответил, что они умрут, но не отдадут оружия. А Проксен-фиванец сказал: «Что касается до меня, Фалин, то я недоумеваю, требует ли царь наше оружие как победитель или он просит сдать его в порядке дружеского дара. Ведь если он требует как победитель, то почему он просит, а не приходит и не берет его сам? Если же он надеется получить оружие, убедив нас, то поведай нам, что́ получат солдаты, если они поступят согласно его желанию». (11) На это Фалин сказал: «Царь считает себя победителем, потому что он убил Кира. Кто же будет теперь оспаривать у него царство? Он полагает, что вы находитесь в его власти, так как вы оказались в его владениях среди непереходимых рек, и он может повести на вас такие полчища, что, даже при благоприятных условиях, вы не будете в состоянии их перебить». (12) После него афинянин Феопомп[3] сказал: «Фалин, сейчас, как ты и сам видишь, у нас ничего не осталось, кроме оружия и доблести. С оружием в руках мы, думается, сможем проявить нашу доблесть, но, сдав его, мы лишимся и самой жизни. Поэтому не жди, что мы отдадим вам единственное оставшееся у нас благо, при помощи которого мы еще сразимся с вами за все ваши богатства». (13) Выслушав это, Фалин усмехнулся и сказал: «Юноша, ты едва ли не философ, и слова твои не лишены приятности; но знай, — ты безумен, если считаешь, что ваша доблесть сильнее могущества царя». (14) Другие, говорят, выступали, пытаясь смягчить остроту положения, и указывали на то, что они оставались верными Киру и могут теперь стать очень ценными помощниками царя, если он захочет отнестись к ним дружелюбно. Если он пожелает использовать их для какого-нибудь предприятия, например для похода в Египет,[4] то они все сообща подчинятся ему.

(15) В это время пришел Клеарх и спросил, дан ли уже ответ. Фалин взял слово и сказал: «Эти люди, Клеарх, высказывались различно, но ты поведай нам свое мнение». (16) Клеарх сказал: «Фалин, я с радостью увидел тебя, как,

вероятно, и все остальные: ведь ты эллин, — и все мы, те, кого ты видишь перед собой, тоже эллины. Оказавшись в таких тяжелых условиях, мы спрашиваем твоего совета, как поступить в том, что касается твоего предложения. (17) А ты, перед лицом богов, дай нам самый лучший, самый прекрасный, по твоему мнению, совет, и это принесет тебе славу на будущее время, когда будут рассказывать, что Фалин, некогда посланный царем к эллинам с приказом сдать оружие, на совместном совещании посоветовал им то-то. Ты ведь знаешь, что бы ты нам ни посоветовал, в Элладе непременно будут об этом говорить». (18) Клеарх сказал это с задней мыслью, надеясь, что и тот, как царский посол, посоветует не сдавать оружие и эллины тогда почувствуют себя более уверенно. Фалин же хитро уклонился и ответил вопреки его предположению: (19) «Если бы из десяти тысяч возможностей у вас была хоть одна возможность спастись, ведя войну с царем, то я дал бы вам совет не сдавать оружия. Но так как нет никакой надежды на спасение против воли царя, то я предлагаю вам спастись единственным возможным путем». (20) Клеарх ответил: «Это говоришь ты, а от нас передай царю, что, по нашему мнению, если нам предстоит стать друзьями царя, то друзья вооруженные ценнее друзей безоружных; если же нам суждено воевать, то лучше сражаться с оружием в руках, чем отдав это оружие другим». (21) Фалин сказал: «Я, конечно, передам это, но царь приказал сказать вам, кроме того, что, если вы останетесь на месте, он заключит с вами союз, а если вы пойдете вперед или назад, то начнется война. Ответьте также и на этот вопрос, т. е. останетесь ли вы здесь, в каковом случае будет заключен союз, или мне надлежит сообщить от вашего имени о начале военных действий». (22) Клеарх сказал: «Передай по этому вопросу, что мы одного мнения с царем». — «Как это понять?», спросил Фалин. Клеарх ответил: «Если мы останемся, то будет союз, если же мы пойдем вперед или назад — война». (23) Фалин снова спросил: «Должен ли я возвестить союз или войну?». Клеарх опять ответил то же самое:

«Если останемся на месте — союз, если пойдем вперед или назад — войну». Но как он поступит — этого он не открыл.

Глава II

(1) Фалин отбыл вместе со своими спутниками. Прокл и Хирисоф вернулись от Ариейя, а Менон остался у него. Вернувшиеся передали, что, по словам Ариейя, есть много персов знатнее его и те не потерпят возведения его на престол. «Но, — прибавил он (Арией), — если вы хотите отступать вместе с нами, то приходите к нам этой же ночью. Если же вы не придете, то мы уйдем завтра рано утром». (2) Клеарх сказал: «Надо поступить следующим образом: если мы придем, то пусть все будет согласно вашим словам; если же мы не придем, то поступайте так, как вам кажется наиболее для вас выгодным». Что будет им предпринято, он и тут ничего не сказал.

(3) После этого, уже когда стало заходить солнце, собрав стратегов и лохагов, Клеарх сказал: «Эллины, когда я совершал жертвоприношение, вопрошая о походе против царя, то жертвы не были благоприятны. Иначе и быть не могло. Как я теперь узнал, между нами и царем находится судоходная река Тигр,[5] переправиться через которую без судов мы не сможем, а судов у нас нет. Невозможно нам и остаться здесь, ибо тут нельзя достать продовольствия. Но жертвы были весьма благоприятны нашему уходу к друзьям Кира. (4) Следовательно, надо поступить так: разойдясь, поужинать у кого чем найдется; когда протрубят сигнал на отдых, снаряжайтесь в путь; когда протрубят вторично — навьючивайте кладь на вьючных животных; по третьему же сигналу следуйте за передовым отрядом, имея вьючных животных со стороны реки, а тяжело вооруженных с внешней стороны». (5) Выслушав его, стратеги и лохаги удалились и выполнили приказание. И в дальнейшем Клеарх командовал, а те слушались; хотя они и не выбирали его вождем, но понимали, что он один судит, как подобает начальнику, а остальные неопытны.

(6) [Длина пути, пройденного эллинами из Эфеса в Ионии до места сражения, равнялась девяноста трем переходам — 535 парасангам, 16 050 стадиям; а расстояние от места битвы до Вавилона, как говорили, равняется 360 стадиям].

(7) Отсюда, с наступлением ночи, фракиец Мильтокиф со своими всадниками, числом около 40, и пешими фракийцами, числом около 300, перешел на сторону царя.

(8) Клеарх повел остальных, согласно приказу, и они последовали за ним и прибыли к исходной стоянке, к Ариейю и его войску, около полуночи. Войско осталось в строю, а стратеги и лохаги эллинов собрались у Ариейя. Эллины и Арией, а также самые знатные из его приближенных, дали клятву не предавать друг друга и быть союзниками. Варвары, кроме того, поклялись вести войско по правильному пути, без обмана. (9) Они клялись в этом, заклав быка, кабана и барана,[6] над щитом, причем эллины окунали (в кровь) меч, а варвары — наконечник копья. (10) Когда клятвы были даны, Клеарх сказал: «Арией, поскольку поход у нас будет совместным, выскажи свои соображения о предстоящем пути: пойдем ли мы той же дорогой, которой пришли сюда, или ты можешь указать другую дорогу, более удобную?».

(11) Тот сказал: «Если мы будем возвращаться прежним путем, то можем вовсе погибнуть от голода; ведь и сейчас у нас совсем нет продовольствия. Даже когда мы шли сюда, то на протяжении семнадцати последних переходов мы не могли ничего достать в стране, а если где что и было, то во время похода мы полностью все истребили. Теперь мы предполагаем направиться по более длинной дороге, где у нас, однако, не будет недостатка в продовольствии. (12) Первые переходы нам надо сделать очень длинными, чтобы оторваться от войск царя на возможно большее расстояние. Если только мы удалимся от него на два или три дня пути, то царь уже не будет в состоянии догнать нас, так как он не осмелится преследовать с небольшим количеством войска, а ведя за собой огромное мно-

жество людей, он не сможет быстро двигаться вперед. Кроме того, он также будет испытывать недостаток в продовольствии. Таково, — сказал он, — мое мнение».

(13) Подобный стратегический план не мог дать ничего, кроме сокрытия и бегства, но судьба оказалась лучшим стратегом. Когда наступил день, греки и варвары пустились в путь,[7] имея солнце по правую руку. Они рассчитывали к заходу солнца дойти до деревень Вавилонской области, и в этом они не ошиблись. (14) Но еще в сумерках им почудилось, будто они видят вражеских всадников, и те эллины, которые в это время не находились в строю, бегом заняли свои места в рядах, а Арией — ввиду ранения он ехал на колеснице — сошел на землю и стал надевать панцырь, так же как и его приближенные. (15) Пока они вооружались, вернулись высланные вперед разведчики и сообщили, что это не всадники, а пасущийся вьючный скот. И тотчас же всем стало ясно, что царь стоит лагерем где-то поблизости, тем более, что недалеко в деревнях виден был дым.

(16) Клеарх не повел войско против врага, так как знал, что солдаты устали и голодны, и, кроме того, было уже поздно. Он также не отклонился в сторону, остерегаясь того, чтобы его не заподозрили в бегстве, но повел войско в прямом направлении и, идя во главе войска, на заходе солнца расположился лагерем очень близко от деревень, где все, вплоть до деревянных частей построек, было разграблено царскими войсками. (17) Передовые отряды, тем не менее, расположились там в каком-то подобии порядка, но следующие за ними войска, подошедшие в темноте, устроились на ночлег как попало, и, перекликаясь, они подняли громкий крик, так что и враги могли их услышать, и ближайшие из них даже выбежали из палаток. (18) Это выяснилось на следующий день, когда поблизости уже не оказалось ни вьючного скота, ни лагеря, ни дыма. Повидимому, царь также испугался прихода войска. Это он обнаружил своими действиями на следующий день. (19) Однако этой ночью и на эллинов напал страх и произошло

смятение и шум, как это обычно случается при панике. (20) Клеарх приказал бывшему тогда при нем элейцу [8] Толмиду, лучшему из глашатаев, призвать всех к тишине и объявить, что начальники обещают вознаграждение в один талант тому, кто укажет человека, выпустившего осла в лагерь. (21) Когда об этом было объявлено, солдаты поняли, что страх был пустым и их начальники невредимы. На заре Клеарх приказал построиться в боевой порядок, как это делается во время сражения.

Глава III

(1) Что же касается до упомянутого мной страха царя перед приходом эллинов, то он обнаружился следующим образом. Накануне царь отправил послов с приказом сдать оружие, а теперь, с восходом солнца, он послал вестников с предложением союза. (2) Когда те достигли передовых постов, они стали добиваться свидания с начальниками. Стража сообщила об этом, и Клеарх, который в это время производил смотр войскам в строю, приказал передать вестникам, чтобы те подождали, пока он освободится. (3) Построив войско таким образом, что фаланга со всех сторон казалась плотной [9] и совсем не видно было безоружных, он позвал вестников и сам вышел им навстречу, имея при себе всего лучше вооруженных и самых видных из своих солдат, и приказал другим стратегам поступить таким же образом. (4) Подойдя к вестникам, он спросил [сперва], чего они хотят. Они сказали, что явились для заключения союза в качестве лиц, уполномоченных сообщить эллинам условия царя, а царю — ответ эллинов. Клеарх ответил: (5) «Тогда скажите ему, что сперва нам придется сразиться, ибо у нас нечего есть, и нет такого человека, который бы решился говорить с эллинами о союзе, не позаботившись о том, чтобы они были сыты». (6) Услышав это, посланцы удалились и скоро вернулись обратно, откуда и стало ясно, что царь или какое-то другое лицо, которому поручено вести

это дело, находится где-то поблизости. Послы сказали, что царь нашел слова эллинов справедливыми, а сами они пришли с проводниками и в случае, если состоится заключение договора, они поведут эллинов туда, где те получат продовольствие. (7) Клеарх спросил, будет ли договор действителен только в отношении тех, кто пойдет и вернется, или он будет в силе для всех. Послы ответили: «Для всех, до тех пор пока не известят царя о ваших условиях». (8) После этих слов Клеарх удалил послов и созвал совещание. Решили как можно скорее заключить договор, спокойно отправиться за продовольствием и забрать его. (9) А Клеарх сказал: «Я согласен с вами, однако не объявлю об этом теперь же, но промедлю до тех пор, пока послы не начнут опасаться нашего отказа. Я думаю, — прибавил он, — что и наши солдаты будут бояться того же самого». Когда ему показалось, что наступило время, он объявил, что заключит договор и приказал тотчас же вести войско за продовольствием.

(10) Они повели, а Клеарх, хотя он и заключил договор, все же отправился в путь с войском, построенным в боевом порядке, причем сам он находился в арьергарде. По дороге им встречались рвы и каналы,[10] наполненные водой, через которые нельзя было перейти без мостов. Они устраивали переправы из лежавших на земле пальмовых деревьев, а иногда для этой цели и срубали таковые. (11) Надо было видеть, как тут распоряжался Клеарх с копьем в левой и с палкой в правой руке; когда он замечал, что кто-либо из приставленных к этому делу нерадив и выбирает работу полегче, он бил его, и затем, войдя в болото, сам помогал, и поэтому всем было совестно не работать изо всех сил. (12) К этой работе были привлечены солдаты в возрасте до 30 лет, но когда и более старые люди заметили, с каким старанием трудится Клеарх, то и они включились в работу. (13) Клеарх особенно торопился, так как он подозревал, что рвы не всегда до такой степени наполнены водой: ведь еще не наступило то время года, когда орошают равнину. Он подозревал, что царь приказал спус-

тить воду, желая показать эллинам, как много опасностей предстоит им в пути.

(14) Идя дальше, они пришли в деревни, откуда, согласно указанию проводников, им надлежало забрать продовольствие. Там было много хлеба и вина из фиников, а также уксуса, вываренного из тех же фиников. (15) Финики, величиной примерно равные тем, которые можно видеть и у эллинов, откладывались для населения, а для господ откладывались финики отборные, удивительные по красоте и величине, и по цвету нисколько не отличавшиеся от янтаря. Часть из них сушили и предназначали на лакомства. Приготовленный из них напиток приятен на вкус, но вызывает головную боль. (16) Солдаты тогда впервые ели пальмовую капусту, и многие удивлялись ее виду и своеобразному приятному вкусу. Но эта пища также вызывала сильную головную боль. Пальма, из которой изымали капусту, совершенно засыхала.

(17) Там они пробыли 3 дня, и в это время от великого царя прибыли Тиссаферн, брат жены царя и еще три перса; за ними следовало множество рабов. Стратеги эллинов вышли им навстречу, и первым через переводчика произнес слово Тиссаферн: (18) «Эллины, я живу по соседству с Элладой, и когда я увидел, в каком тяжелом, безвыходном положении вы очутились, я был счастлив возможности испросить у царя позволение доставить вас в целости на родину. Думается, и вы и вся Эллада были бы мне за это благодарны. (19) Размышляя таким образом, я обратился с просьбой к царю и сказал, что он поступит справедливо, пойдя мне навстречу, потому что, когда Кир пошел против него, я первым сообщил ему об этом и одновременно явился к нему на помощь с войском, и один из всех, бившихся против эллинов, не бежал, а пробился к царю и соединился с ним в вашем лагере, куда он прибыл, убив Кира. «И я же (говорил я царю) преследовал послушных Киру варваров с тем войском, которое явилось к тебе вместе со мной и которое состоит из самых верных тебе людей». (20) Царь обещал подумать об этом и приказал мне пойти к вам и спросить,

почему вы пошли на него войной. Я советую вам дать скромный ответ и тем облегчить мне возможность добиться для вас у царя благоприятного решения».

(21) Эллины удалились и совещались между собой; они составили ответ, и Клеарх сказал: «Мы собирались не для нападения на царя, равным образом и в поход мы пошли не против него. Как тебе хорошо известно, Кир изобретал всякие предлоги, стремясь застать вас врасплох и привести нас сюда. (22) Когда же мы увидели его в опасности, то постыдились перед лицом богов и людей предать человека, оказавшего нам в прежнее время много благодеяний. (23) Теперь, поскольку Кир умер, нет никаких причин, ради которых мы стали бы сражаться с царем из-за власти или стремиться причинить зло стране царя и убить его самого. Если никто не тронет нас, то мы уйдем домой. Однако за нанесенную нам обиду мы, с помощью богов, сумеем отомстить. При добром к нам отношении постараемся и тут не остаться в долгу». Так он сказал. (24) Выслушав его, Тиссаферн ответил: «Я передам это царю и сообщу вам его ответ. До моего возвращения договор останется в силе, и мы обеспечим вас продовольствием».

(25) На следующий день он не приехал и эллины начали беспокоиться. Но на третий день он прибыл и рассказал, что добился у царя позволения спасти эллинов, хотя многие и возражали против этого, говоря, что несовместимо с достоинством царя позволить удалиться тем, кто пошел на него войной. (26) В конце концов Тиссаферн сказал: «Теперь вам надлежит взять с нас клятву в том, что мы в самом деле проведем вас по стране без военных столкновений и без обмана доставим вас обратно в Элладу, предоставляя вам возможность покупать продовольствие. А там, где ничего нельзя будет купить, мы позволим вам забирать продовольствие из окрестных мест. (27) А вы, в свою очередь, должны поклясться в том, что ваш поход в самом деле будет мирным и там, где нельзя будет ничего купить, вы, никого не обижая, будете забирать пищу и питье, а где это возможно, будете покупать продоволь-

ствие за деньги». Так и порешили. Произнесли клятвы, и Тиссаферн и брат жены царя дали эллинским стратегам и лохагам пожать свою правую руку и сами пожали руки эллинам. После этого Тиссаферн сказал: «Теперь я возвращусь к царю и, закончив свои приготовления, приду и буду готов отвести вас в Элладу и вернуться в подвластную мне область».

Глава IV

(1) Затем эллины и Арией, расположившиеся лагерем поблизости друг от друга, ждали Тиссаферна больше 20 дней. В течение этого времени к Ариейю прибыли его братья и другие родственники, а к его приближенным — несколько персов. Они ободряли их, а кое-кто именем царя даже ручался, что он не будет помнить зла с их стороны, имея в виду как поход против него совместно с Киром, так и другие случаи в прошлом.[11] (2) После этого приближенные Ариейя явно стали хуже относиться к эллинам. Это вызвало неудовольствие многих эллинов, и они, придя к Клеарху, сказали ему и другим стратегам: (3) «Чего мы медлим? Разве мы не понимаем, что царь больше всего хотел бы погубить нас, чтобы и другие эллины побоялись итти войной на великого царя? Сейчас он склоняет нас к ожиданию, так как его войска разбросаны. Но когда он вновь соберет их, то, наверно, нападет на нас. (4) Может быть, он в каком-нибудь месте либо перекапывает дорогу, либо строит поперек нее стену, чтобы сделать ее непроходимой. Ведь никогда по доброй воле он не допустит, чтобы мы, придя в Элладу, рассказали, как наше, столь малочисленное войско победило царя у самых его дверей и как мы ушли, насмеявшись над ним». (5) Клеарх отвечал тем, кто так говорил: «Все это я взвесил и пришел к заключению, что если мы теперь уйдем, то подумают, будто мы уходим с воинственными намерениями и преступаем договор. Тогда никто не предоставит нам возможности закупать продовольствие и нам неоткуда будет его доставать и, кроме того, у нас не окажется

проводника. Если мы поступим таким образом, то Арией тотчас же отпадет от нас и у нас вовсе не останется друзей, а те, которые раньше были нашими друзьями, превратятся во врагов. (6) Мне неизвестно, находится ли на нашем пути еще какая-либо река, но я знаю, что невозможно переправиться через Евфрат при противодействии врагов. А на тот случай, если нам придется сражаться, у нас даже нет поддержки в виде конницы, в то время как вражеская конница многочисленна и очень хороша. Поэтому в случае победы какой урон сможем мы нанести врагу? А в случае поражения никто из нас не спасется. (7) Я не понимаю, почему царю, располагающему такими богатыми возможностями, понадобилось, если он действительно задумал нас погубить, давать клятву и свою правую руку и тем самым оказаться клятвопреступником перед лицом богов и превратить доверие, каким он пользуется у эллинов и варваров, в недоверие». Он многое говорил в этом роде.

(8) Тем временем прибыл Тиссаферн со своим войском, видимо намереваясь итти домой, а также Оронт со своей воинской силой. (9) Он вез с собой также дочь царя, выданную за него замуж. Отсюда они двинулись в путь, причем вел Тиссаферн, и он предоставлял войскам возможность закупать продовольствие. Вместе с Тиссаферном и Оронтом шел и Арией с варварским войском Кира и располагался лагерем вместе с ними. (10) А эллины, относившиеся к ним с подозрением, шли сами по себе, имея своих проводников. И лагерь они всякий раз разбивали вдали от них, на расстоянии парасанга или несколько больше. Обе стороны остерегались друг друга, словно они были врагами, и это тоже возбуждало ненависть. (11) Иногда во время сбора в одном и том же месте дров, корма для скота и других подобных вещей они вступали друг с другом в драку, и это тоже давало пищу вражде.

(12) Сделав три перехода, они подошли к так называемой Мидийской стене[12] и миновали ее. Она построена из обожженных кирпичей, положенных в бетон. Ширина ее рав-

няется 20, высота — 100 футам, а длина, как говорят, — 20 парасангам. Она находится недалеко от Вавилона. (13) Оттуда они прошли в два перехода 8 парасангов и пересекли два канала, один по мосту, другой по семи судам, при помощи которых были соединены оба берега. Каналы проведены от реки Тигра; от каналов по всей стране прорыты рвы, сперва большие, а дальше меньших размеров; под конец идут маленькие канавы, какие можно видеть в Элладе на полях, засеянных просом.

Наконец, они достигли реки Тигра, около которой находится большой и многолюдный город по имени Ситтака, отстоящий от реки на 15 стадий. (14) Эллины разбили палатки у города, близ большого прекрасного парка, густо поросшего деревьями всевозможных пород, в то время как варвары перешли через Тигр, после чего они скрылись из виду. (15) После ужина Проксен и Ксенофонт прогуливались впереди расположения войска, и какой-то человек, подойдя к передовым постам, осведомился, где он может видеть Проксена или Клеарха. О Меноне он не осведомился, хотя и пришел от Ариейя, связанного с Меноном узами гостеприимства. (16) Когда Проксен сказал: «я тот, кого ты ищешь», этот человек сообщил следующее: «Меня послали Арией и Артаоз, люди, верные Киру и расположенные к вам, и они просят вас остерегаться ночного нападения со стороны варваров, так как в близлежащем парке находится многочисленное войско. (17) Они также советуют послать охрану на мост через Тигр, так как Тиссаферн намеревается разрушить его ночью, чтобы лишить вас возможности переправы и тем самым запереть вас между рекой и каналом». (18) Выслушав его, они (Проксен и Ксенофонт) привели этого человека к Клеарху и передали последнему его слова. А Клеарха это известие сильно встревожило и испугало.

(19) Но некий присутствовавший там юноша,[13] поразмыслив, сказал, что оба действия, т. е. нападение (на эллинов) и разрушение моста, взаимно друг друга исключают. Ведь

ясно, что нападающие варвары должны будут либо победить, либо быть побежденными. Если они победят, то зачем им разрушать мост? Ведь, даже при наличии многочисленных мостов, нам некуда тогда будет спасаться бегством. (20) А если победа останется за нами, то в случае разрушения моста им самим некуда будет бежать и из стоящих по ту сторону реки войск, хотя бы они и были очень многочисленны, никто не окажется в состоянии притти к ним на помощь.

(21) Клеарх спросил вестника, велика ли та область, которая находится между Тигром и каналом? Тот ответил, что она пространна и в ней имеются многочисленные и большие деревни и города. (22) Тогда не осталось сомнений в том, что варвары подослали этого человека, боясь, чтобы эллины, перейдя мост, не остались на острове, защищенном с одной стороны Тигром, с другой — каналом; продовольствие они могли бы получать из данной области, которая была велика и богата и где также не было недостатка в рабочих руках. А, кроме того, там мог быть создан плацдарм на тот случай, если бы кто-нибудь захотел напасть на царя.

(23) Затем они предались отдыху. Все же на мост послали охрану. (24) Согласно ее донесению, никто ни с какой стороны не нападал на мост и никто из врагов даже не приближался к нему. С наступлением утра эллины, соблюдая большую осторожность, начали переходить через мост, составленный из 37 судов. Дело в том, что некоторые из состоявших при Тиссаферне эллинов сообщили, будто он собирается напасть во время переправы. Но и это оказалось ложным. Правда, во время переправы появился Глус в сопровождении отряда и следил за тем, действительно ли эллины будут переходить реку, но, убедившись в этом, он удалился.

(25) От Тигра они прошли в четыре перехода 20 парасангов до реки Фуска, шириной в плетр; там имелся мост. В этом месте находится большой город по имени Опис. У этого города эллинам повстречался незаконнорожденный брат Кира и Артаксеркса, который вел из Суз и Экбатан большое войско

на помощь царю. Остановив свое войско, он стал смотреть на проходивших мимо эллинов. (26) Клеарх приказал эллинам итти, построившись по два человека в ряд, и двигаться вперед, от времени до времени приостанавливаясь. Благодаря этому, пока передовой отряд стоял на месте, все войско, по необходимости, также останавливалось. Таким образом, и самим эллинам показалось, будто их войско очень велико, а наблюдавший перс был поражен. (27) Отсюда они прошли по пустыне Мидии[14] в шесть переходов 20 парасангов до деревень Парисатиды,[15] матери Кира и царя. Глумясь над памятью Кира, Тиссаферн предоставил их эллинам на разграбление, не позволив только уводить рабов. Там было много хлеба, мелкого скота и другого имущества. (28) Отсюда они прошли по пустыне в четыре перехода 20 парасангов, имея реку Тигр с левой стороны. На первом переходе на той стороне реки стоит большой и богатый город по имени Кены, откуда варвары привезли на кожаных ладьях[16] пшеничный хлеб, сыр и вино.

Глава V

(1) Затем они прибыли к реке Запату, шириной в 4 плетра, и пробыли там 3 дня. В это время, правда, существовали подозрения, но злые умыслы не проявлялись открыто. (2) Клеарх все же решил повидаться с Тиссаферном и, если это окажется возможным, положить предел обоюдному недоверию, пока оно еще не привело к войне. Он послал сказать, что желает встретиться с ним, и Тиссаферн с готовностью пригласил его к себе.

(3) Когда они сошлись, Клеарх сказал: «Тиссаферн, мы дали клятвы и обещали не причинять друг другу зла. Однако я вижу, ты охраняешь себя от нас, словно мы твои враги, и мы, заметив это, также охраняем себя. (4) Но поскольку, присматриваясь, я не заметил, чтобы ты старался причинить нам зло, а с другой стороны, я уверен, что мы даже и не за-

мышляем ничего подобного по отношению к тебе, то я решил поговорить с тобой и постараться устранить обоюдное недоверие. (5) Ведь известно, что, опасаясь друг друга из-за клеветы или подозрений, люди часто слишком поспешно действуют, стремясь предотвратить беду, и причиняют неисчислимые бедствия лицам, не имеющим дурных намерений и даже не помышляющим ни о чем подобном. (6) Полагая, что такое безрассудство можно всего лучше пресечь путем беседы, я явился к тебе, желая доказать, что ты не доверяешь нам без всяких оснований. (7) Во-первых, — и это всего важнее, — клятвы, произнесенные перед лицом богов, запрещают нам враждовать друг с другом. Я не хотел бы быть на месте человека, сознающего себя нарушителем подобных клятв. Куда, думается мне, и с какой скоростью надо бежать, чтобы спастись от гнева богов? Способен ли самый густой мрак скрыть этого человека, и в какой крепости он может найти защиту? Ведь в мире все подчинено богам и они равным образом над всем властвуют. (8) Так я полагаю о богах и клятвах, при помощи которых мы сообща установили дружбу и утвердили ее. А что касается до дел человеческих, то я полагаю — в настоящее время ты являешься для нас высшим благом. (9) Ведь при тебе всякая дорога для нас доступна, через всякую реку мы можем переправиться и нет у нас недостатка в продовольствии; а без тебя нам придется плутать во мраке, так как мы не знаем пути, каждая река — препятствие, каждое скопление людей внушает страх, но еще страшнее пустыня, так как она полна безмерных бедствий. (10) Но если, обезумев, мы все же решились бы погубить тебя, нашего благодетеля, то разве мы достигли бы этим чего-нибудь, кроме войны с царем, новым и самым могущественным противником — эфедром?[17] В то же время ты сейчас увидишь, каких великих надежд я сам мог бы лишиться, допустив дурной по отношению к тебе поступок. (11) Я стремился стать другом Кира, полагая, что он был тогда наиболее способен, при желании, осчастливить человека. Теперь я вижу в тебе человека, облеченного властью Кира,

получившего его область и сохранившего, кроме того, и свою собственную; а царское войско, которое было враждебно Киру, является для тебя союзным. (12) Раз это так, то неужели найдется такой безумец, который не пожелал бы стать твоим другом? Но я упомяну также о тех обстоятельствах, которые подают мне надежду на то, что и ты со своей стороны склонишься к дружбе с нами. (13) Мне известно, что мисийцы доставляют вам много хлопот, и я полагаю, что с имеющимися у меня силами я смог бы привести их к покорности. Это относится и к писидийцам. Да, по слухам, и многие другие народы ничем от них не отличаются, и я, думается, мог бы устранить эту непрестанную помеху вашему благополучию. Что же касается до египтян, на которых вы, как я знаю, особенно гневаетесь, то разве существует какая-либо иная сила, кроме той, которая сейчас находится при мне, при помощи которой вы были бы в состоянии достаточно их наказать? [18] (14) Ведь, имея нас при себе, ты вернулся бы домой самым могущественным другом для своих соседей или, если кто-нибудь из них стал бы враждовать с тобой, полновластным его господином. Мы ведь служили бы тебе не только ради жалованья, но также из благодарности за наше спасение. (15) Когда я размышляю обо всем этом, твое недоверие к нам кажется мне столь непонятным, что я с радостью услышал бы имя того необычайно красноречивого человека, который сумел убедить тебя в наших против тебя кознях». Так говорил Клеарх, а Тиссаферн ответил следующим образом.

(16) «Я радуюсь, Клеарх, слушая твои разумные речи. Мне кажется, ты понял, что, желая мне зла, ты тем самым злоумышляешь против самого себя. В свою очередь, выслушай меня и пойми, что также несправедливо было бы с вашей стороны не доверять царю или мне. (17) Неужели ты думаешь, что при желании погубить вас у нас нехватило бы всадников, пехоты или вооружения, при помощи которых нам не трудно было бы разбить вас, не подвергаясь никакой опасности понести поражение? (18) Или тебе кажется,

что у нас нет подходящих для нападения местностей? Разве вам не придется с большим трудом проходить по бесчисленным равнинам,[19] жители которых дружественно к нам расположены? Разве вы не видите перед собой горные хребты непроходимые для вас, если бы нам удалось предварительно их занять? Разве недостаточно рек, у берегов которых нам легко было бы, сражаясь, уничтожить вас по частям? Среди них есть и такие реки, которые вы и вообще не сумели бы перейти без нашей помощи. (19) Допустим даже неудачу во всех этих начинаниях, но огонь все же сильнее посевов. Мы могли бы сжечь поля и поставить вас лицом к лицу с голодом, а с ним вы не в состоянии справиться при всей вашей храбрости. (20) Почему же, располагая столькими возможностями для борьбы с вами, из которых к тому же ни одна не связана с риском, мы должны выбрать тот способ, который один только и является нечестивым перед богами и позорным перед людьми? (21) Те, что стремятся достичь чего-либо путем ложной клятвы перед богами и вероломства перед людьми, — это совершенно беспомощные, находящиеся в затруднении и нужде и притом дурные люди. Мы, Клеарх, не таковы, мы не безрассудны и не слабоумны. (22) А почему, имея возможность погубить вас, мы не сделали этого? Да будет тебе известно: причина этого — мое горячее желание заслужить доверие эллинов. Я хотел бы, чтобы наемные войска, с которыми Кир пришел сюда, полагаясь на них потому, что он выплачивал им жалованье, совершили обратный поход со мной, оставаясь надежными в силу оказанного им благодеяния. (23) Ты уже упомянул о том, какие услуги вы можете мне оказать, но мне известна еще одна и самая из них главная: только одному царю приличествует носить прямую тиару,[20] но, опираясь на вас, и всякий другой мог бы свободно о ней мечтать».

(24) Эти речи показались Клеарху правдивыми, и он сказал: «Разве те, которые попытались путем наговоров сделать нас врагами, когда налицо столько причин для дружбы,

не заслуживают тягчайшего наказания?». (25) Тиссаферн ответил: «Что касается до меня, то если только вы, стратеги и лохаги, согласитесь притти ко мне, я открыто назову тех, которые говорят, будто ты злоумышляешь против меня и моего войска». (26) Клеарх сказал: «Я всех приведу и также открою тебе, откуда мне доносят на тебя». (27) После этого Тиссаферн радушно попросил Клеарха остаться у него и пригласил его к обеду.

Когда Клеарх на следующий день вернулся в лагерь, было ясно, что он вполне верит дружбе Тиссаферна. Он передал содержание его речей и убеждал пойти к Тиссаферну тех, кого тот пригласил, а уличаемых в клевете [эллинов] приказал наказывать как изменников и злоумышленников против своего народа. (28) Он подозревал, что клеветником является Менон, так как знал о свидании его с Тиссаферном в присутствии Ариейя, а также о его неприязни к себе и кознях с целью получить в свои руки все войско и таким путем стать другом Тиссаферна. (29) В то же время Клеарх хотел все войско расположить в свою пользу и удалить из него своих противников. Некоторые солдаты возражали ему, советуя не посылать всех лохагов и стратегов и не верить Тиссаферну. (30) Но Клеарх сильно настаивал, пока не добился того, что решено было отправить 5 стратегов и 20 лохагов. Их сопровождали под предлогом посещения базара около 200 солдат.

(31) Когда они дошли до ставки Тиссаферна, стратегов пригласили войти, а именно: Проксена-беотийца, Менона-фессалийца, Агия-аркадянина, Клеарха-лаконца и Сократа-ахейца; лохаги же остались снаружи. (32) Немного времени спустя, по одному сигналу, находившиеся внутри были схвачены, а оставшиеся снаружи — убиты. После этого конный отряд варваров пронесся по равнине, убивая всех встречавшихся эллинов, как рабов, так и свободных. (33) Эллины, наблюдавшие из лагеря эту скачку, были поражены и не принимали никакого решения, пока не прибежал, поддерживая руками свои кишки, аркадянин Никарх, раненный в живот,

и не рассказал обо всем свершившемся. (34) Тогда эллины в страхе побежали к оружию, так как они думали, что варвары тотчас же набросятся на лагерь.

(35) Но к лагерю явились только Арией, Артаоз и Митридат, когда-то близкие Киру люди. Эллинский переводчик уверял, будто он видит и узнает среди них и брата Тиссаферна. С ними вместе пришло и человек 300 персов в панцырях. (36) Подойдя на близкое расстояние, они предложили выйти вперед лохагам и стратегам, если таковые имеются у эллинов, чтобы сообщить им повеление царя. (37) Тогда, в сопровождении охраны, выступили вперед эллинские стратеги Клеанор-эрхоменец и Софенет-стимфалиец, а вместе с ними и Ксенофонт-афинянин, желавший узнать судьбу Проксена. Хирисоф отсутствовал, так как он вместе с отрядом солдат добывал тогда продовольствие в какой-то деревне. (38) Когда они остановились на таком расстоянии, что можно было расслышать произносимые слова, Арией сказал: «Эллины, Клеарх получил возмездие и умер за то, что он оказался клятвопреступником и нарушителем договора. А Проксен и Менон за сообщение о его злом умысле находятся у нас в большом почете. От вас же царь требует сдачи оружия; он говорит, что оно принадлежит ему, так как это было оружие Кира, его раба.[21] (39) На это эллины ответили следующим образом, причем говорил Клеанор-эрхоменец: «О, презреннейший из людей, Арией, и вы все, бывшие друзья Кира, разве вы не стыдитесь ни богов, ни людей, вы, которые поклялись иметь общих с нами друзей и врагов и, тем не менее, изменив нам вместе с Тиссаферном, самым безбожным и самым коварным человеком, погубили тех самых людей, которым приносили клятвы, и, предав нас остальных, теперь приходите к нам вместе с нашими врагами?». (40) Арией сказал: «Клеарх первый был уличен в злоумышлении против Тиссаферна, Оронта и всех нас, состоявших при них». (41) На это Ксенофонт ответил: «Пусть так; если Клеарх действительно, вопреки клятве, нарушил договор, то он получил по заслугам, ибо

справедливость требует казни клятвопреступников. Что же касается до наших стратегов, Проксена и Менона, которые оказались вашими благодетелями, то пошлите их сюда. Ведь ясно, что они, как друзья обеих сторон, посоветуют самое лучшее, как для вас, так и для нас». (42) После этого варвары в течение долгого времени совещались друг с другом и удалились, не дав никакого ответа.

Глава VI

(1) Схваченные таким образом стратеги были увезены к царю и казнены: им отсекли головы.[22] Один из них, Клеарх, по общему мнению всех лично его знавших, был человек не только искусный в воинском деле, но и в высшей степени воинственный. (2) Так, пока лакедемонцы вели войну с афинянами,[23] он оставался в своем отечестве, но когда наступил мир, он убедил свое правительство в том, что фракийцы обижают эллинов, и, добившись всевозможными средствами согласия эфоров,[24] отплыл для ведения войны против фракийцев, живущих за Херсонесом и Перинфом. (3) Изменив свое решение, когда он уже отплыл, эфоры пытались вернуть его обратно от Истма,[25] но Клеарх их не послушался и продолжал плыть к Геллеспонту. (4) Тогда, за неповиновение, он был приговорен к смерти высшей властью в Спарте. Уже будучи изгнанником, он направился к Киру. Каким образом он расположил его к себе, рассказано в другом месте. (5) Кир дал ему 10 000 дариков, и, приняв их, он не предался праздности, но собрал на эти деньги войско и повел войну с фракийцами. Победив их в сражении, он после этого грабил и разорял их страну и жил войной до тех пор, пока войско не потребовалось Киру. Тогда он отбыл для того, чтобы снова воевать вместе с Киром. (6) Мне кажется, что такие поступки свидетельствуют о воинственности человека: имея возможность жить мирно, не унижаясь и ничего не теряя, он предпочитает вести войну; вместо того чтобы предаться празд-

ности, он трудится (т. е. воюет) и спокойному наслаждению богатством предпочитает трату денег на военные цели. Клеарх так же охотно бросал деньги на войну, как другие [. . .] на какую-либо утеху. Вот до какой степени он любил войну. (7) А искусным в военном деле его считали потому, что он любил опасность, днем и ночью нападал на врагов и не терялся в трудных обстоятельствах, как в один голос утверждают все воевавшие вместе с ним. (8) Известно также, что он был прекрасным военачальником, поскольку это совместимо со свойственным ему характером. Так, он умел лучше кого бы то ни было заботиться о продовольствии для войска и заготовлять его, а также внушать окружающим повиновение. (9) Этого Клеарх достигал строгостью. Он был мрачен на вид, имел резкий голос и наказывал он жестоко, иногда в порыве гнева, и порой потом сам в этом раскаивался. (10) Но карал он по убеждению, так как понимал, что войско, в котором не существует наказаний, никуда не годится. Рассказывают даже, будто он говорил, что солдат должен бояться своего начальника больше, чем врагов, когда требуется стоять в карауле, покидать своих друзей или беспрекословно итти на неприятеля. (11) Поэтому в трудных обстоятельствах солдаты слушались его одного и не обращались ни к кому другому. Они говорили, что тогда его мрачность как бы становилась более светлой, а суровость направлялась против врагов и оказывалась спасительной, а не страшной. (12) Но когда миновала опасность и являлась возможность уйти под начало к другому вождю, многие покидали его, так как в нем не было ничего привлекательного, он всегда был сердит и суров, и солдаты чувствовали себя перед ним, как дети перед учителем. (13) При нем никогда не было ни одного человека, следовавшего за ним из дружбы или расположения. А теми, кто был подчинен ему либо по постановлению правительства, либо из-за нужды, или в силу какой-нибудь другой необходимости, он распоряжался, держа их в строгом повиновении. (14) Когда солдаты под его предво-

дительством одолевали врагов, то многое побуждало их совершать блестящие подвиги; тогда проявлялась смелость перед лицом врага, а страх наказания поддерживал в них дисциплину. (15) Таков был Клеарх как военачальник. А служить под началом другого он, как говорят, не очень-то любил. Он умер, когда ему было около 50 лет.

(16) Проксен-беотиец с детских лет мечтал стать человеком, способным на великие дела, и ради этого он за плату учился у Горгия из Леонтины.[26] (17) Проведя с ним некоторое количество времени и уже считая себя способным начальствовать, а также водить дружбу с лучшими людьми и не уступать им в умении платить добром за добро, он присоединился к предприятию Кира. Он надеялся таким образом прославиться, получить большое влияние и разбогатеть. (18) Но было совершенно ясно, что, горячо стремясь к этому, он не станет добиваться своей цели недостойными средствами. Только при помощи справедливости и доблести хотел он получить все эти блага, а в противном случае готов был от всего отказаться. (19) Он мог управлять честными и доблестными людьми, однако не умел внушать своим солдатам ни почтительности, ни страха и совестился своих подчиненных больше, чем те его. Он больше боялся заслужить ненависть солдат, чем те боялись не оказать ему повиновения. (20) По его мнению, для того чтобы быть и считаться начальником, достаточно было хвалить за хорошие дела и не хвалить за постыдные. Поэтому окружавшие его хорошие и доблестные солдаты любили его, а дурные строили против него козни, как против человека, которого нетрудно провести. Он умер, когда ему было около 30 лет.

(21) Известно, что Менон-фессалиец изо всех сил стремился к богатству и желал власти и почета ради того, чтобы побольше захватить. Он также искал дружбы самых могущественных людей с целью безнаказанно вершить дурные дела. (22) Самый краткий путь к намеченной цели, по его мнению, вел через клятвопреступление, ложь и обман, а открытый образ дей-

ствия и любовь к правде приличествовали глупцам. (23) Насколько можно было заметить, он никого не любил, но если он уверял кого-нибудь в дружбе, то несомненно скрывал злой против него умысел. Он никогда не насмехался над врагами, но обо всех окружающих всегда отзывался с насмешкой. (24) И он не помышлял о захвате имущества врагов, так как полагал, что трудно захватить богатства у людей, находящихся настороже. Но что касается богатства друзей, то он, хвалясь этим как своим открытием, полагал, что захватить его легко как имущество не охраняемое. (25) Тех, кого он знал как клятвопреступников и людей несправедливых, он опасался как лиц, хорошо защищенных, а с теми, кто был благочестив и праведен, он поступал как с людьми слабыми. (26) В то время как другие гордятся благочестием, правдой и честностью, Менон гордился способностью обманывать, изобретать ложь, насмехаться над друзьями, ибо он всегда считал людей, не способных на хитрости, дураками. Когда он хотел стать чьим-нибудь лучшим другом, то клеветал на других его друзей и думал таким образом достичь своей цели. (27) А добиваясь послушания со стороны солдат, он думал достичь этого путем совместного участия в дурных поступках. Он требовал уважения к себе и почета, намекая на то, что мог бы при желании сделать людям много зла. Когда кто-нибудь покидал его, он считал большим со своей стороны благодеянием, что не погубил его, пока еще пользовался услугами этого человека. (28) Можно еще ошибаться, когда речь идет о его делах, не ставших общим достоянием, но вот что известно всем. У Аристиппа он добился начальства над наемниками, еще будучи цветущим юношей, а у варвара Ариейя [. . .] он [еще в юношеском возрасте] тоже стал самым близким человеком [. . .]. (29) Когда погибли его товарищи стратеги за то, что вместе с Киром отправились в поход против царя, он, совершивший то же самое, уцелел. Но он был казнен по приказанию царя после смерти других стратегов и не так как Клеарх и его товарищи, путем отсечения головы, что считается са́мым скорым видом смерти;

говорят, он окончил свою жизнь как злодей, в течение года подвергаясь мучениям.

(30) Агий-аркадянин и Сократ-ахеец также погибли. Над ними никто не насмехался за трусость на войне и никто не порицал их за дурное отношение к друзьям. Обоим было примерно по 35 лет от роду.

КНИГА III

Глава I

(1) [О том, что совершили эллины во время наступления Кира вплоть до сражения и что случилось после смерти Кира, когда эллины стали отступать вместе с Тиссаферном, заключив с ним союз, рассказано в предыдущих главах].

(2) Когда стратеги были схвачены, а те лохаги и солдаты, которые последовали за ними, погибли, эллины впали в большое уныние, размышляя о том, что они находятся у порога царя,[1] а кругом много враждебных племен и городов, из которых ни один уже не согласится доставлять им продовольствие; что от Эллады они находятся на расстоянии не менее 10 000 стадий, а между тем у них нет проводника[2] и непереходимые в брод реки пересекают путь в отчизну; что варвары, совершившие поход с Киром, предали их и они остались в одиночестве, без союзной конницы, а потому, совершенно очевидно, в случае победы они не смогут никого уничтожить, а в случае поражения никто из них не останется в живых. (3) Размышляя об этом и находясь в подавленном настроении, лишь немногие вечером вкусили пищи, немногие разожгли костры, и в эту ночь бо́льшая часть эллинов не вернулась в лагерь, но расположилась на отдых где пришлось, чувствуя себя не в состоянии заснуть от горя и тоски по отчизне, роди-

телям, женам и детям, которых они уж не чаяли когда-либо увидеть. В таком настроении они предались ночному отдыху.

(4) Однако в армии находился некий Ксенофонт-афинянин,[3] который сопровождал войско, хотя он не состоял ни стратегом, ни лохагом, ни солдатом. Он покинул отчизну по приглашению Проксена, своего старинного приятеля. Тот обещал, в случае приезда Ксенофонта, подружить его с Киром, а последний, по словам Проксена, дороже для него отчизны. (5) Прочтя письмо, Ксенофонт обратился за советом к Сократу-афинянину.[4] Опасаясь, что дружба с Киром может повредить Ксенофонту в глазах государства, так как считалось, что Кир усердно помогал лакедемонянам в войне против Афин,[5] Сократ посоветовал ему направиться в Дельфы[6] и вопросить бога относительно этого путешествия. (6) По прибытии в Дельфы Ксенофонт спросил Аполлона, какому богу он должен принести жертву и вознести молитву, чтобы со славой и пользой совершить задуманное путешествие и благополучно возвратиться. Аполлон вещал ему: принести жертву тем богам, каким положено[7] в подобных случаях. (7) По возвращении Ксенофонт рассказал о пророчестве Сократу. Выслушав его, Сократ стал укорять Ксенофонта за то, что тот не спросил бога, следует ли ему ехать, но, решив сам с собой, что ехать надо, спросил только о лучшем способе совершить путешествие. «Однако, — сказал он, — раз уж ты именно так поставил вопрос, надо исполнить приказание бога». (8) Итак, Ксенофонт принес жертву согласно повелению бога и отплыл. В Сардах он застал Проксена и Кира, уже готовых выступить вглубь страны, и был представлен Киру. (9) Так как Проксен настаивал, то и Кир убедительно просил Ксенофонта остаться и говорил к тому же, что как только окончится поход, он отпустит его от себя. А поход, как говорили, предпринимается против писидийцев. (10) Таким образом, Ксенофонт отправился в поход обманутым, однако Проксен был в этом не виновен, так как ни он, ни кто-либо другой из эллинов, кроме Клеарха, не знал, что идут войной

на царя и лишь по прибытии в Киликию выяснилась для всех настоящая цель экспедиции.[8] Очень многие боялись этого похода, но все же они, хоть и неохотно, последовали за войском, так как им было совестно перед товарищами и перед Киром. Одним из них был и Ксенофонт.

(11) Когда создалось тяжелое положение, Ксенофонт горевал вместе с другими и не мог заснуть. Забывшись ненадолго, он увидел сон. Ему показалось, будто началась гроза и молния упала в отчий дом, отчего тот весь запылал. (12) В испуге он тотчас же проснулся, и сон, с одной стороны, показался ему хорошим, потому что, находясь среди бедствий и опасностей, он как бы видел великий свет, исходящий от Зевса; но, с другой стороны, он испытывал страх, так как полагал, что сон послан Зевсом-Царем,[9] и видел себя со всех сторон окруженным огнем, из чего следовало, что ему не уйти из страны царя и что он будет со всех сторон тесним какими-то бедствиями. (13) Каков смысл подобного сновидения — можно увидеть из дальнейших событий. А произошло следующее. Как только Ксенофонт проснулся, он тотчас же стал размышлять: «Чего это я разлегся? Ведь ночь проходит и, по всей вероятности, с наступлением утра появятся враги. Если мы окажемся во власти царя, то ничто не удержит его от предания нас позорной смерти, после того как мы познаем и претерпим самые тяжкие и страшные муки. (14) А, между тем, никто не помышляет и не готовится к обороне: мы спим, как будто позволительно предаваться покою. А я? Из какого города должен быть тот стратег, которого я жду как исполнителя этого дела? Неужели я сам не достиг еще подходящего возраста?[10] Ведь если я предамся сегодня врагам, то вряд ли и вообще когда-нибудь достигну более зрелых лет».

(15) Тут он встает и сперва созывает лохагов Проксена. Когда те собрались, он сказал: «Лохаги, подобно вам, я не могу ни заснуть, ни даже лежать, видя в каком положении мы находимся. (16) Что касается врагов, то они, как вы видите, не начинали военных действий до тех пор, пока полностью

не подготовили всего, по их мнению, необходимого. Из нас же никто со своей стороны еще не помышляет о том, чтобы с честью сразиться с ними. (17) Но если мы подчинимся и попадем в руки царя, какова будет наша участь? Он ведь отсек голову и руку единоутробному брату уже после его смерти и распял его; а нам, лишенным какого бы то ни было заступника и отправившимся в поход против него с целью превратить царя в раба и убить его, если это будет в наших силах, — что́ предстоит нам претерпеть? (18) Разве он остановится перед чем бы то ни было и не замучит нас, чтобы внушить всем страх перед походом на царя? Поэтому мы должны сделать все возможное, чтобы не попасть к нему в руки. (19) Что касается меня, то пока союз еще был в силе, я не переставал жалеть нас и завидовать царю и его приближенным, видя, какой богатой и обширной страной они владеют, сколь неисчерпаемо здесь продовольствие, какое множество тут слуг, стад, золота и одежд. (20) А когда я помышлял о наших солдатах, то думал: мы ведь не дотрагиваемся ни до одного из этих благ, разве только путем покупки, а я видел, что лишь немногие имеют на это средства. Но каким другим путем могли мы получить продовольствие, когда нас удерживали клятвы? Размышляя об этом, я иногда боялся союза больше, чем сейчас войны.

(21) «Однако, поскольку они сами нарушили договор, то тем самым, как мне кажется, рушилась их надменность и исчезла наша зависть. Теперь эти прекрасные призы доступны для наиболее достойных, а агонотетами[11] являются боги, которые, конечно, будут на нашей стороне. (22) Враги ведь оказались перед ними клятвопреступниками, а мы, видя перед собой много всяких благ, упорно от них воздерживались из-за клятв перед богами, и потому, как мне кажется, мы можем вступить в состязание с гораздо большей уверенностью в себе, чем они. (23) Кроме того, наше тело более способно переносить стужу, зной и труды, чем их тело. И дух наш, слава богам, тоже тверже их духа, и если только боги, как и в прежнее время, даруют нам победу, то в удел им

достанутся раны и смерть. (24) Возможно, другим тоже уже приходили в голову такие же мысли, но, ради богов, не будем дожидаться их прихода и призыва к подвигам, а сами начнем побуждать других к доблести. Покажите себя лучшими из лохагов и стратегами, наиболее достойными быть таковыми. (25) Что касается меня, то если вы решите возглавить это дело, — я охотно последую за вами, и если вы поставите меня вождем, то я не буду отговариваться, ссылаясь на молодость, так как считаю себя в самом подходящем возрасте для отвращения от себя бедствий».

(26) После этой речи все начальники просили Ксенофонта взять на себя предводительство, кроме некоего Аполлонида, который говорил на беотийском наречии. Этот человек назвал пустым болтуном всякого, кто утверждает, будто можно спастись иным способом, кроме подчинения царю, если это вообще возможно, и в то же время он начал перечислять трудности настоящего положения. (27) Однако Ксенофонт перебил его и сказал: «Странный человек! Ты не понимаешь того, что у тебя перед глазами, и не помнишь воспринятого твоими ушами. А между тем, ты находился тут же вместе вот с этими людьми, когда царь, после смерти Кира, возгордился и через посланных приказал нам сдать оружие. (28) А когда мы не сделали этого, но, вооружившись, двинулись в путь и разбили лагерь рядом с ним, то чего только он не делал — и засылал послов, и просил заключить союз, и предлагал нам продовольствие до тех пор, пока не был заключен договор. (29) Когда же стратеги и лохаги пошли к ним для переговоров, как и ты советуешь нам поступить, и, полагаясь на договор, не взяли с собой оружия, то разве их не били, не истязали, не насмехались над ними, причем эти несчастные даже не могли умереть, хотя, как я думаю, они очень этого желали? И зная все это, ты называешь тех, кто ратует за оборону, вздорными болтунами и зовешь их снова пойти и отдать себя в руки врагов? (30) Я предлагаю не допускать этого человека в нашу среду, но освободить его от звания лохага, взвалить на него

кладь и использовать в качестве носильщика. Он срамит свою родину и всю Элладу тем, что, будучи эллином, он таков, каким мы его видим!». (31) Тогда слово взял Агасий-стимфалиец и сказал: «Но у этого человека решительно ничего нет общего ни с Беотией, ни с Элладой. Я заметил: у него, как у лидийца, проколоты оба уха».[12] (32) Так оно и оказалось, и его прогнали. Остальные, проходя по рядам, стали вызывать стратега, если таковой был жив, в противном случае его помощника и, если был жив лохаг, — лохага. (33) Когда все сошлись, они уселись на аванпостах; собралось всего около ста человек стратегов и лохагов. (34) Приближалась полночь Тогда Иероним-элеец, как старший из лохагов Проксена, первым сказал: «Стратеги и лохаги, ввиду создавшегося положения, мы решили собраться и пригласить вас с целью, если это удастся, принять полезное для нас решение. Ксенофонт, — сказал он, — повтори теперь то, что ты говорил нам».

(35) Тогда Ксенофонт сказал: «Всем нам хорошо известно, что царь и Тиссаферн похитили тех из нас, кого могли, и что они, несомненно, злоумышляют против остальных, стремясь погубить их, если это будет в их силах. А мы, так по крайней мере я думаю, должны сделать все, чтобы не подпасть под власть варваров, но, наоборот, подчинить их себе. (36) Помните, что все вы, собравшиеся теперь здесь в таком числе, располагаете большими для этого возможностями, так как солдаты смотрят на вас, и если они увидят вас в унынии, то и сами станут трусами, а если вы будете готовиться к борьбе с врагами и воодушевите других к тому же, то они, не сомневайтесь в этом, последуют за вами и постараются вам подражать. (37) Конечно, так оно и должно быть; вы чем-то должны от них отличаться: вы, ведь, стратеги, таксиархи[13] и лохаги, и пока был мир, вы получали больше денег и пользовались бо́льшим почетом, а теперь, когда наступила война, вам надо быть выше толпы и превзойти солдат в советах и трудах, если в этом встретится необходимость. (38) Сейчас, прежде всего, вы, как я думаю, оказали бы большую помощь войску, позабо-

тившись о немедленном выборе новых стратегов и лохагов вместо погибших. Ведь, вообще говоря, без начальников ни в каком деле не может получиться ничего хорошего и полезного, а в военном деле и подавно: известно, что хороший порядок здесь спасителен, а беспорядок уже многих погубил. (39) А после выбора начальников, сколько их требуется, мне кажется, будет вполне своевременным собрать солдат и ободрить их. (40) Вы ведь тоже, наверно, заметили, с какой неохотой они сегодня шли в лагерь и становились на посты. И, пребывая в таком настроении, они вряд ли оказались бы на что-либо годными, если бы пришлось послать их в дело ночью или днем. (41) Но если бы удалось изменить направление их мыслей и заставить их думать не только о том, что им угрожает, но и о том, какие дела они могут совершить, то они будут гораздо бодрее. (42) Вы знаете: не многочисленность и не сила дают на войне победу, но враги по большей части не выдерживают натиска тех, кто устремляется на них с мужеством в сердце и уповая на помощь богов. (43) Приходит мне на ум и то соображение, что те люди, которые всеми способами стремятся остаться в живых на войне, по большей части кончают свою жизнь плохо и постыдно, а те, которые полагают смерть общим и неизбежным уделом человека и добиваются славной смерти, эти люди, согласно моим наблюдениям, вернее почему-то, достигают старости и при жизни пребывают в более счастливых обстоятельствах. (44) Нам надлежит сейчас твердо помнить обо всем этом, так как наступило время, когда каждому из нас надо быть доблестным и других призывать к тому же». (45) Этими словами он заключил свою речь.

Затем Хирисоф сказал: «Раньше, Ксенофонт, я знал тебя только понаслышке как афинянина, а ныне я благодарю тебя и за речи и за поступки. Для всех было бы лучше, если бы существовало больше людей, тебе подобных. (46) А теперь, — прибавил он, — не будем медлить. Разойдитесь, и там, где в этом есть необходимость, выбирайте начальников, а закончив выборы, приходите в середину лагеря и приведите с собой

выбранных. Затем мы соберем туда всех солдат. И пусть явится также глашатай Толмид». (47) С этими словами он встал, чтобы немедля исполнить должное. Таким образом были выбраны начальниками: вместо Клеарха Тимасий-дарданец, вместо Сократа Ксантикл-ахеец, вместо Агия Клеанор-эрхоменец, вместо Менона Филесий-ахеец, вместо Проксена Ксенофонт-афинянин.

Глава II

(1) Было близко к рассвету, когда кончились выборы, и начальники, придя в середину лагеря, решили выставить сторожевые посты и созвать солдат. Когда все собрались, то первым выступил Хирисоф-лакедемонянин и сказал: (2) «Воины! Тяжко нам сейчас, когда мы лишились таких выдающихся стратегов, лохагов и солдат и, сверх того, войско Ариейя, которое прежде было нашим союзником, предало нас. (3) И все же надо выйти из этого положения, как подобает доблестным воинам, не падать духом, но приложить все усилия к тому, чтобы одержать блестящую победу и спастись. Если это не удастся, то мы, по крайней мере, умрем со славой и никоим образом не отдадимся живыми в руки врагов. Ведь в случае пленения нам, я думаю, суждено испытать то, что да пошлют боги нашим врагам». (4) После него выступил Клеанор-эрхоменец и сказал: «Воины, вы убедились теперь в клятвопреступничестве и безбожии царя, убедились и в вероломстве Тиссаферна. Он назвал себя соседом Эллады и сказал, что очень заботится о нашем спасении, сам поклялся в этом и дал свою правую руку и сам же обманул нас, схватив стратегов, причем он даже не посовестился Зевса-Гостеприимца:[14] приняв Клеарха как гостя, он тем самым обманул этих людей и затем погубил их. (5) А Арией, которого мы хотели поставить царем и с которым обоюдно клялись не предавать друг друга, тоже не побоялся богов и не устыдился мертвого Кира: в то время как при его жизни он пользовался у него самым

большим почетом, теперь, перейдя на сторону его злейших врагов, он пытается причинить зло нам, друзьям Кира. (6) Но да воздадут им боги по заслугам, а нам, свидетелям этих событий, надлежит больше никогда не поддаваться обману, но мужественно сражаться и в остальном положиться на волю богов».

(7) После этого выступил Ксенофонт, облаченный в свой лучший воинский наряд. Он полагал, что если боги даруют победу, то тогда и самый блестящий наряд будет уместен, а если ему суждено умереть, то человек, считающий себя достойным прекрасного одеяния, должен в нем встретить свою кончину. Он начал свою речь следующим образом: (8) «Клеанор уже говорил о клятвопреступничестве варваров и их вероломстве, да и вы сами, как мне кажется, об этом хорошо осведомлены. Если мы все же приняли бы решение снова обратиться к ним как к друзьям, то непременно впали бы в большое уныние, так как мы ведь видели, что претерпели стратеги, которые доверились им и предались в их руки. Но если мы решимся с оружием в руках отплатить им за содеянное и впредь всегда нападать на них как на врагов, то, с помощью богов, перед нами откроются широкие и светлые возможности спасения».

(9) В то время, как он говорил, кто-то чихнул.[15] Услышав это, все солдаты в одном порыве прославили бога, и Ксенофонт сказал: «Воины, в то время как мы говорили о спасении, появилось знамение Зевса-Спасителя, и потому я предлагаю дать обет в принесении благодарственной жертвы этому богу, когда мы впервые вступим на дружественную землю; в то же время мы обещаем принести жертвы и другим богам по мере наших возможностей. Кто, — сказал он, — с этим согласен, тот пусть поднимет руку». Все подняли руки. Затем произнесли обет и пропели пэан. Когда божеские дела были таким образом удачно доведены до конца, Ксенофонт продолжал:

(10) «Я только что сказал, что у нас имеется большая, светлая надежда на спасение. Во-первых, мы твердо сдержали дан-

ные богам клятвы, враги же совершили клятвопреступление и нарушили договор вопреки клятвам. А раз это так, то боги, надо полагать, будут действовать против наших врагов и станут нашими союзниками. А боги, если это им угодно, могут быстро превратить сильных в слабых и им нетрудно спасти слабых даже из тяжелого положения. (11) Затем я напомню вам об опасностях, которым подвергались наши предки, чтобы вы постарались сравняться с ними в доблести, так как доблестные люди, по милости богов, спасаются и из чрезвычайных опасностей. Ведь когда персы и их союзники нахлынули огромными полчищами, стремясь уничтожить Афины, то афиняне сами осмелились подняться на них и победили.[16] (12) Тогда они дали обет Артемиде принести ей в жертву столько коз, сколько ими убито врагов; но они оказались не в состоянии добыть такое количество коз и решили ежегодно приносить в жертву по 500 штук, и это жертвоприношение совершается и по настоящее время. (13) Когда Ксеркс затем собрал бесчисленное войско и пошел на Элладу,[17] то и тогда наши предки победили его предков и на суше и на море. Доказательством этого могут служить трофеи,[18] но самым великим свидетельством победы является свобода тех государств, в которых вы родились и выросли, ибо вы не преклоняетесь ни перед одним смертным правителем, а только перед богами. Вот, от каких предков вы происходите.

(14) «Я не хочу этим сказать, будто вы посрамляете своих предков. Немного прошло дней с тех пор, как вы встретились лицом к лицу с потомками тех самых персов и, с помощью богов, победили их, хотя они и были гораздо многочисленнее вас. (15) Тогда вы проявили доблесть ради царского престола Кира, а сейчас, когда дело идет о вашем спасении, вам надлежит быть еще гораздо более храбрыми и отважными. (16) И сейчас вы можете смелее смотреть им в глаза. Ведь в те дни, еще ничего о них не зная и видя перед собой бесчисленное их множество, вы все же решились напасть на них, храня заветы отцов; а теперь, зная по собственному опыту,

что даже тогда, когда их много больше, чем вас, они не могут выдержать вашего натиска, зачем вам их еще бояться?

(17) «И не думайте, что измена войска Ариейя, раньше воевавшего на нашей стороне, является для нас тяжелой потерей. Ведь они еще трусливее побежденных нами варваров. Они убежали к ним, а нас покинули, а тех, кто готов бежать, гораздо приятнее видеть в рядах врагов, чем в собственном войске.

(18) «Может быть кто-нибудь из вас беспокоится о том, что у нас нет конницы, а у врагов ее много. Но примите в соображение, что 10 000 всадников это не что иное, как 10 000 человек. Ведь еще никто никогда не погибал в сражениях от укуса коня или удара его копыта, и все, что творится в битве, вершится людьми. (19) И разве наше положение не более устойчиво, чем положение всадников? Они ведь висят на конях, боясь не только нас, но и собственного падения, а мы твердо ступаем по земле и будем наносить гораздо более сильные и меткие удары тем, кто попадется нам навстречу. В одном только всадники имеют перед нами преимущество: они могут обратиться в бегство с меньшим риском, нежели мы. (20) Но, может быть, вы готовы итти в бой, однако печалитесь о том, что вас уже не поведет Тиссаферн и царь не будет доставать вам продовольствия. В таком случае посудите сами, чтó лучше: иметь ли в качестве проводника Тиссаферна, явно злоумышляющего против нас, или захваченных нами людей, которым мы прикажем вести нас, причем они будут знать, что всякая провинность поставит под угрозу их собственную жизнь. (21) И разве лучше покупать продовольствие на предоставленных нам базарах, где дают малую меру за большие деньги, когда у нас и вовсе нет таковых, чем самим забирать его после победы по мерке, соответствующей собственным потребностям?

(22) «Если вы признаете последнее лучшим, но в то же время представите себе реки в виде непреодолимых препятствий, считая совершенные через них переходы губительными ошибками, то поразмыслите, не есть ли это также пустая

выдумка варваров. Ведь через все реки, даже когда они непроходимы вдали от верховьев, можно перейти, не замочив при этом колен, если подойти к их истокам.

(23) «Но даже в том случае, если реки задержат нас и у нас не окажется проводников, нам все же не следует падать духом. Мы ведь знаем, что мисийцы, которых мы вряд ли можем считать храбрее нас, живут в многочисленных, богатых и больших городах на земле царя. Знаем мы то же самое и о писидийцах, а ликаонцев мы сами наблюдали: они завладели укрепленными местами на равнинах и грабят землю персов. (24) И нам, сказал бы я, не следует никоим образом показывать наших намерений возвратиться домой, но надо сделать вид, будто мы собираемся поселиться здесь. Я думаю, если бы мисийцы решили уйти, то царь дал бы им много проводников и много заложников, в виде поручительства за безопасный вывод их из страны, мало того, он построил бы для них дорогу, пригодную даже для колесниц, запряженных четверками коней. И, конечно, он очень охотно сделал бы то же самое и для нас, если бы убедился в нашем намерении остаться здесь.

(25) «Однако я боюсь, что, приучившись жить в лености и проводить дни в изобилии и в обществе красивых и величавых женщин и девушек мидийцев и персов, мы, подобно лотофагам,[19] забудем дорогу домой. (26) Поэтому я считаю более правильным и более честным сперва попытаться пройти в Элладу к своим родным и объяснить эллинам, что они по доброй воле остаются в нужде, так как у них есть возможность отправить сюда людей, живущих там в суровых условиях, и видеть их богатыми.[20]

(27) «Но все эти блага, конечно, достанутся победителям, и потому надо сейчас поговорить о том, как нам совершить поход, не подвергаясь опасности, а в случае военного столкновения, как сразиться наилучшим способом. Во-первых, — сказал Ксенофонт, — я предлагаю сжечь имеющиеся у нас повозки, чтобы мы в наших действиях не зависели от обоза и могли свободно направиться туда, куда нужно в интересах

войска. Затем надо также сжечь палатки. Перевозить их тоже хлопотливо, а от них нет никакой пользы ни в сражениях, ни при добывании продовольствия. (28) Затем мы отбросим все лишнее и из прочего имущества, за исключением тех вещей, которые необходимы нам для ведения войны, для пищи и питья, чтобы возможно большее количество наших людей было вооружено, а возможно меньшее несло тяжести.[21] У побежденных, как вы знаете, ничего не остается; а если мы победим, то будем и врагов считать нашими носильщиками.

(29) «Мне остается коснуться того, что я считаю наиболее важным. Вы видите, враги не решились повести с нами войну до тех пор, пока не схватили наших стратегов, полагая, что при наличии вождей и при условии нашего им повиновения мы способны победить, а лишившись их, мы погибнем от безначалия и отсутствия дисциплины. (30) Поэтому теперешние начальники должны быть гораздо более ревностными, чем прежние, а подчиненные — гораздо более дисциплинированными и послушными вождям. (31) Вы должны вынести постановление, согласно которому всякий солдат, свидетель проступка, вместе с начальником будет наказывать ослушника. Таким образом враги полностью обманутся в своих расчетах: в этот день они увидят, вместо одного Клеарха, 10 000 человек, не допускающих ни с чьей стороны нерадения к службе. (32) Но пора приступить к действиям, так как враги, надо думать, скоро появятся. Поэтому пусть все, согласные со внесенными предложениями, как можно скорее утвердят их, чтобы перейти к их выполнению. А если любой из присутствующих, будь он простым солдатом, может подать лучший совет, то пусть он смело выскажется; дело ведь идет об общем спасении».

(33) После этого Хирисоф сказал: «Если встретится необходимость в чем-нибудь, о чем не упомянул Ксенофонт, то можно будет обсудить это в свое время; но мне кажется, что предложенное им должно быть немедленно принято. Кто с этим согласен, пусть поднимет руку». Все подняли руки.

(34) Ксенофонт снова встал и сказал: «Послушайте, что мне сейчас пришло в голову. Нам, конечно, надо отправиться туда, где мы сможем достать продовольствие. Говорят, на расстоянии не более 20 стадий отсюда находятся богатые деревни. (35) Ничего не будет странного, если наши враги, как трусливые собаки, которые гоняются за прохожими и кусают их, когда могут, но сами убегают от погони, будут преследовать нас, когда мы двинемся с места. (36) Поэтому ради большей безопасности во время марша войску, пожалуй, следовало бы построиться в каре, чтобы обоз и толпа нестроевых находились под защитой.[22] Если мы, кроме того, сейчас решим, кто будет вести войско и командовать передними отрядами, кто будет командовать на обоих флангах и кто — в арьергарде, то у нас не будет необходимости совещаться [23] при появлении врагов, и мы сразу сможем ввести в дело войско, находящееся в строю. (37) Может быть, кто-нибудь внесет лучшее предложение, и в таком случае пусть будет, как он скажет. Но если такового не последует, то пусть (войско) ведет Хирисоф, так как он, ведь, лакедемонянин; [24] об обоих флангах пусть позаботятся два старших стратега, а в арьергарде будем находиться я и Тимасий — младшие стратеги. (38) В дальнейшем, испытав на деле этот строй, мы сможем всегда обсудить мероприятия, наиболее подходящие в каждом отдельном случае. Если имеются другие, лучшие предложения, выскажите их». Так как никто не выступил, то Ксенофонт сказал: «Кто согласен, пусть поднимет руку». Предложение было принято. (39) «Итак, — сказал он, — теперь нам надо разойтись и исполнить постановление. Кто из вас хочет увидеть своих близких, тот пусть помнит, что ему надлежит быть храбрым, иначе этого не достигнуть. А кто хочет жить, тот пусть стремится победить, так как победители отнимают жизнь у других, а побежденные сами умирают. И мечтающие о богатстве должны добиваться победы, так как победители сохраняют собственное имущество и захватывают имущество побежденных».

Глава III

(1) После этого эллины встали, разошлись и начали жечь повозки и палатки; излишние вещи дарили нуждавшимся, а остальное бросали в огонь. Закончив это дело, они стали завтракать. Во время завтрака приехал Митридат с тридцатью примерно всадниками и, вызвав к себе стратегов на такое расстояние, с которого можно было расслышать его речь, он сказал: (2) «Эллины, я, как вы знаете, был верен Киру, а сейчас питаю к вам добрые чувства и, явившись сюда, подвергаюсь большой опасности. Если бы только я узнал, что вы имеете в виду какой-то путь к спасению, то я перешел бы на вашу сторону вместе со всеми подчиненными. Поэтому скажите мне, как другу, человеку, расположенному к вам и желающему вместе с вами совершить поход, какие у вас планы». (3) Посоветовавшись друг с другом, стратеги решили ответить следующим образом, а говорил Хирисоф: «Мы решили, если нам не будут препятствовать, вернуться домой и пройти через страну, причиняя ей как можно меньше вреда; если же кто-либо воспротивится нашему уходу, — биться с ними изо всех сил». (4) После этого Митридат пытался доказать невозможность спасения против воли царя. Тогда выяснилось, что он подослан, тем более, что для пущей верности с ним прибыл один из близких Тиссаферну людей. (5) Поэтому стратеги решили принять постановление о неуклонном ведении войны, пока они будут находиться на вражеской земле, тем более, что, проехав вперед, варвары стали подкупать солдат и подкупили одного лохага, Никарха-аркадянина, и он ушел ночью примерно с 20 солдатами.

(6) После этого, позавтракав и перейдя через реку Запат,[25] они шли в боевом порядке, имея обоз и нестроевых в середине каре. Не успели они далеко уйти, как вновь показался Митридат примерно с 200 всадниками и 400 стрелков и пращников, очень подвижных и проворных. (7) Он приближался к эллинам, словно у него были дружеские наме-

рения. Но когда они подошли на близкое расстояние, то как пешие, так и конные внезапно принялись стрелять из луков и из пращей и ранили многих эллинов. Арьергард нес большие потери, но ничего не мог предпринять против врагов. Дело в том, что критяне [26] стреляли не на столь далекое расстояние, как персы, и, кроме того, не имея оборонительного оружия, они отступали под прикрытие тяжело вооруженных, а метатели дротиков бросали их недостаточно далеко и не достигали пращников. (8) Поэтому Ксенофонт решил атаковать врагов. В атаку пошли те гоплиты и пельтасты, которые были с ним в арьергарде, но во время преследования они никого не настигли. (9) Ведь у эллинов не было конницы, а пехотинцы на коротком расстоянии не могли догнать бегущих; преследовать же вдали от войска было опасно. (10) Всадники варваров и при бегстве наносили эллинам урон, стреляя на скаку назад, а преследовавшим их эллинам приходилось, сражаясь, проходить обратно все то расстояние, которое они прошли наступая. (11) Таким образом, за этот день они прошли не более 25 стадий и пришли в деревню только в сумерки.

Тут они снова пали духом. Хирисоф и старшие стратеги обвиняли Ксенофонта в том, что он преследовал врагов вдали от фаланги, причем сам подвергался опасности и не смог причинить врагам значительного вреда. (12) В ответ на эти упреки Ксенофонт сказал, что обвиняют его правильно и это подтверждается самим делом. «Но я принужден был преследовать, — сказал он, — так как видел, что, стоя на месте, мы несли большие потери и не могли предпринять никаких ответных действий. (13) Но что касается до преследования, то вы говорите правду, — мы, действительно, не смогли причинить врагам большого вреда в то время, как сами отступали в весьма трудных условиях. (14) Возблагодарим богов за то, что враги пришли не с крупными силами, а с небольшим отрядом; таким образом они не нанесли нам большого урона, но зато мы выяснили, чего нам недостает. (15) Дело в том, что враги сейчас стреляют из луков и пращей на такое большое расстояние,

что и критяне, отстреливаясь, не в состоянии попадать во врагов, так же как и метатели дротиков. Когда же мы за ними гнались, то не было возможности удалиться далеко от войска, а на малом расстоянии пеший, даже если он проворен, не может догнать пешего, находящегося от него на расстоянии выстрела. (16) Итак, если мы хотим удержать врагов в отдалении и помешать им наносить нам урон во время похода, то мы должны немедленно обзавестись пращниками и всадниками. Говорят, в нашем войске имеются родосцы, о которых рассказывают, будто многие из них умеют стрелять из пращей и их снаряды летят вдвое дальше, чем снаряды персидских пращников. (17) Последние, ведь, стреляют на короткое расстояние, так как они применяют камни, в обхват рукой, а родосцы знакомы с употреблением свинцовых шариков. (18) И вот, если мы найдем солдат, обладающих пращами, и купим у них пращи за деньги, а другим, способным изготовить новые пращи, тоже назначим плату, а для тех солдат, которые согласятся поступить в отряд пращников, придумаем еще какую-нибудь награду, то, вероятно, найдутся люди, полезные для нас. (19) Я знаю также, что в войске имеются лошади — несколько штук у меня, затем оставшиеся после Клеарха и, наконец, немало лошадей, отнятых у врагов, находится в обозе. Если мы выберем из них наиболее подходящих и заменим их в обозе вьючными животными, а коней снарядим для конницы, то, вероятно, они тоже пригодятся при преследовании бегущих». (20) Это предложение было принято. И в эту же ночь снарядили около двухсот пращников, а на следующий день через испытания прошло около 50 коней и всадников. Для них были приготовлены кожаные нагрудники и панцыри, а начальником их был назначен Ликий, сын Полистрата-афинянина.

Глава IV

(1) Этот день они провели в деревнях, а на следующий пошли дальше, выступив очень рано. (2) Им предстояло пройти через ущелье, и они боялись, что враги на них напа-

дут во время перехода. Когда ущелье уже осталось позади, снова показался Митридат с 1000 всадников и около 4000 лучников и пращников. Такое количество войска по его просьбе было дано ему Тиссаферном, которому Митридат обещал при этом условии подчинить ему эллинов; он презирал их, так как считал, что в предыдущей стычке, действуя небольшим отрядом, он сам нисколько не пострадал, а врагам причинил большой урон. (3) Когда эллины, пройдя через ущелье, удалились от него примерно на 8 стадий, то и Митридат со своим войском прошел через него. Между тем, (эллины) назначили отряд из пельтастов и гоплитов для преследования врагов, а коннице приказали действовать смело, так как ее поддержит значительный отряд войска. (4) Когда Митридат настиг их и камни и стрелы уже могли попадать в цель, эллинам был дан трубный сигнал; тотчас же получившие приказ перешли на бег, и всадники бросились вперед. Враги не выдержали и побежали в ущелье. (5) При бегстве у варваров погибло много пехоты и в ущелье человек 18 всадников было взято в плен. Убитых эллины по собственному побуждению изувечили, чтобы внушить врагам сильный страх.

(6) После такого окончания дела враги удалились, а эллины спокойно шли вперед в течение остальной части дня и дошли до реки Тигра. (7). Здесь находился большой, оставленный жителями город по имени Лариса.[27] В древности в нем обитали мидийцы. Ширина его стены равнялась 25, а вышина 100 футам, а протяжение всей окружности стены — 2 парасангам. (8) Построена она из обожженных кирпичей. Под кирпичом каменная крепида вышиной в 20 футов. Персидский царь в те времена, когда персы отняли власть у мидийцев,[28] осаждал этот город и никаким способом не мог его взять. Но солнце скрылось за тучу [29] и не показывалось до тех пор, пока жители не оставили города, и таким образом город был захвачен. (9) Близ этого города возвышалась каменная пирамида [30] шириной в 1 плетр и вышиной в 2 плетра. На ней находилось много варваров, сбежавшихся сюда из ближних деревень.

(10) Оттуда эллины прошли в один переход 6 парасангов до заброшенной огромной стены. Название города было Меспила; когда-то его населяли мидийцы. Крепида была сложена из обтесанного раковистого камня; ширина ее равнялась 50 и высота тоже 50 футам. (11) На ней была возведена кирпичная стена шириной в 50 и вышиной в 100 футов, а длина ее окружности равнялась 6 парасангам. Сюда, говорят, убежала жена царя Мидии, когда персы захватили власть у мидийцев. (12) Осаждая этот город, персидский царь не мог захватить его ни силой, ни продолжительной осадой, но Зевс поразил жителей молнией и таким образом город был взят.

(13) Отсюда они прошли в один переход 4 парасанга. На этом переходе показался Тиссаферн. Он вел за собой свою собственную конницу, войско Оронта, женатого на дочери царя, а также тех варваров, с которыми Кир совершил поход, и те войска, с которыми брат царя шел к нему на помощь, и сверх того отряды, данные ему царем, так что показавшаяся армия была огромна. (14) Приблизясь, он выстроил часть войска позади строя эллинов, а другую часть вывел на их фланги, но не решился напасть, не желая подвергаться опасности, и приказал стрелять из пращей и луков. (15) Однако когда родосцы в рассыпном строю стали стрелять из пращей, а [скифские] [31] лучники пускать стрелы и никто из них не промахнулся, — а промахнуться было трудно даже при большом желании, — то Тиссаферн очень быстро удалился из-под выстрелов, и другие войска тоже ушли.

(16) Остальную часть дня эллины шли впереди, а варвары следовали за ними, причем последние не наносили эллинам потерь при перестрелке, так как родосцы стреляли из пращей на большее расстояние, чем персидские пращники и лучники. (17) Но луки у персов больше, и те из них, которые были захвачены, пригодились критянам: они постоянно пользовались вражескими луками и упражнялись в стрельбе на далекое расстояние, пуская стрелы вверх. В деревнях нашлось много материала для тетивы, а также свинцовых шариков для пра-

щей. (18) В этот день, когда эллины разбили лагерь в повстречавшихся им деревнях, варвары удалились, оказавшись более слабыми в перестрелке. Следующий день эллины провели в этом месте и пополнили свои запасы, так как в деревнях было много хлеба. А на следующий день они отправились в путь по равнине, и Тиссаферн следовал за ними, вступая в перестрелку.

(19) Тут эллины поняли, что равностороннее каре является неподходящим строем при наличии преследующего противника. Дело в том, что когда фланги каре сжимались вследствие узости дороги или при прохождении через горы или мосты, то приходилось вытеснять гоплитов из рядов и тем было трудно итти, одновременно испытывая натиск врагов и оставаясь вне строя, и вследствие этого беспорядка они были бесполезны. (20) А когда фланги снова растягивались, то вытесненные из рядов солдаты, по необходимости, рассеивались, средняя часть флангов пустела, и те солдаты, с которыми это случалось, когда враги следовали за ними, падали духом. Когда предстояло перейти через мост или какой-нибудь другой узкий проход, всякий спешил вперед, желая опередить других, и это облегчало врагам нападение. (21) Когда стратеги заметили это, они образовали 6 лохов по 100 человек в каждом и поставили над ними лохагов, а других лиц назначили начальниками над подразделениями в 50 солдат и над эномотиями.[32] Когда во время марша фланги сжимались, эти отряды оставались позади, чтобы не затруднять действия флангов, и затем шли отдельно. (22) А когда бока каре растягивались, то они заполняли пустое пространство, если оно было узким, по лохам, если оно было шире — по пентекостиям, а если оно было очень широким — по эномотиям; и таким образом середина фаланги всегда была заполнена. (23) А когда надо было перейти через какую-нибудь переправу или через мост, то не происходило никакого замешательства и лохи переходили по очереди. А если лохи были нужны в какой-либо части фаланги, то они являлись туда в готовности. В таком порядке сделали четыре перехода.

(24) На пятом переходе они увидели какой-то дворец и кругом него много деревень, а дорога к ним вела по крутым холмам, прилегавшим к той горе, на которой находились деревни. Эллины обрадовались, увидев холмы, что вполне понятно, так как враги их были всадниками. (25) Но когда они, идя вперед, поднялись с равнины на первый холм и спустились с него с тем, чтобы подняться на следующий, тогда варвары напали на них и, побуждаемые ударами бичей,[33] стали бросать камни с высот, а также стрелять из пращей и луков. (26) Многих они ранили и, одержав верх над гимнетами эллинов, загнали их в середину тяжело вооруженного войска, и в течение этого дня пращники и лучники, находившиеся в гуще войска, были совершенно бесполезны. (27) Когда же теснимые эллины переходили в атаку, то, неся на себе тяжелое вооружение, они лишь медленно достигали вершины, и враги быстро убегали. (28) А при отступлении назад к остальному войску гоплиты подвергались такому же нападению, и то же самое произошло и на втором холме, так что, не доходя до третьего холма, решили не двигать туда солдат, прежде чем с правого фланга каре не приведут на гору пельтастов. (29) Когда пельтасты оказались выше следовавших за эллинами врагов, то последние не напали на спускавшихся с холма эллинов, боясь быть отрезанными и окруженными с двух сторон. (30) Таким образом, в течение остальной части дня одни шли дорогой по холмам, а другие параллельно с ними по горе, пока они не дошли до деревень. Эллины вызвали там 8 врачей, потому что было много раненых.

(31) Здесь они пробыли 3 дня, как из-за раненых, так и потому, что там было много продовольствия — пшеничной муки, вина и ячменя, заготовленного для коней в большом количестве. Все это было собрано для сатрапа той области. На четвертый день они спустились в равнину. (32) Так как Тиссаферн со своим войском настигал их, то они по необходимости разбили лагерь в первой попавшейся деревне, чтобы не итти дальше, одновременно сражаясь, тем более, что было

много людей, не способных к бою — раненых, тех, кто их нес, и тех, кто принял оружие от несущих. (33) Когда они разбили лагерь, а варвары приблизились к деревне и начали стрелять, эллины имели большие преимущества, ибо совсем другое дело защищаться, делая вылазки из-за прикрытия, или сражаться на ходу с наседающими врагами.

(34) Когда наступили сумерки, врагам пришла пора удалиться; ведь варвары никогда не разбивали лагеря ближе чем на расстоянии 60 стадий от эллинского войска, так как они боялись ночного нападения со стороны эллинов. (35) Дело в том, что ночью персидское войско становится непригодным (к бою). Ведь своих коней персы привязывают, а, кроме того, ноги у коней, по большей части, стреножены, чтобы они не убежали, оторвавшись. Поэтому, при тревоге, персу необходимо оседлать лошадь, надеть на нее уздечку и, облекшись в панцырь, сесть на коня. Все это трудно выполнимо ночью во время тревоги. Поэтому-то они и разбивали лагерь вдали от эллинов.

(36) Когда эллины заметили, что персы собираются удалиться и передают друг другу соответствующее приказание, то у них было объявлено через глашатаев приготовиться к походу и притом так, чтобы это слышали враги. Тогда варвары в течение некоторого времени медлили с уходом, но поздно вечером они удалились, так как им не хотелось ночью сниматься с места, итти и разбивать лагерь. (37) А когда эллины увидели, что варвары в самом деле уходят, то и они, снявшись с лагеря, отправились в поход и прошли около 60 стадий. Оба войска отдалились друг от друга на такое расстояние, что враги не показывались ни на следующий, ни на третий день; а на четвертый день, зайдя ночью вперед, варвары захватили высоко расположенное укрепленное место, мимо которого эллины намеревались пройти, — вершину горы, через которую пролегал спуск в равнину.

(38) Когда Хирисоф увидел, что верхушка горы уже захвачена врагом, он вызвал Ксенофонта из арьергарда и приказал ему, взяв с собой пельтастов, пройти к нему в авангард.

(39) Но Ксенофонт не взял с собой пельтастов, так как он заметил Тиссаферна, показавшегося со всем своим войском, а сам, проехав вперед, спросил Хирисофа: «Почему ты меня зовешь?». Тот ответил: «Это всякому ясно: ведь они раньше нас захватили гору, господствующую над спуском, и невозможно пройти там, не перебив их. (40) Но почему ты не привел пельтастов?». Ксенофонт ответил, что он не хотел оставить без прикрытия арьергард в виду неприятеля. «Однако, — сказал он, — надо посоветоваться о том, кто и как прогонит врагов с горы». (41) В это время Ксенофонт заметил горную вершину, расположенную над самым греческим войском, и дорогу, которая соединяла ее с той возвышенностью, на которой расположились враги, и сказал: «Для нас, Хирисоф, всего лучше будет как можно скорей подняться на эту вершину. Если мы ее захватим, то те люди, которые сторожат дорогу, не смогут удержаться. Если хочешь, останься при войске, а я хотел бы пойти вперед; но если ты этого желаешь, иди в гору ты, а я останусь здесь». (42) Хирисоф сказал: «Я предоставляю выбор тебе». Ксенофонт сказал, что младшему приличествует итти в наступление, и просил послать вместе с ним солдат из передних отрядов, так как, вследствие дальности расстояния, трудно было взять их из арьергарда. (43) Хирисоф послал с ним пельтастов из авангарда и вызвал также пельтастов из середины каре. Он приказал также следовать за Ксенофонтом тем отборным 300 воинам из переднего отряда каре, которые состояли при нем.

(44) Они двинулись вперед со всей возможной скоростью. А враги, стоявшие на возвышенности, поняв, что они направляются на верхушку горы, тотчас же, соревнуясь с ними, сами побежали туда. (45) Тогда поднялся громкий крик в эллинском войске, поощрявшем своих товарищей, и такой же крик послышался со стороны войска Тиссаферна, которое тоже ободряло своих. (46) Ксенофонт объезжал верхом ряды солдат и взывал: «Солдаты, вы сейчас соревнуетесь за возвращение в Элладу. к своим детям и женам; небольшое усилие —

и мы без боев пройдем остальной путь». (47) Но сикионец Сотерид сказал: «Мы не в одинаковых условиях, Ксенофонт, ведь ты скачешь на коне, а мне очень тяжело нести свой щит». (48) Услышав эти слова, Ксенофонт сошел с коня, вытолкнул солдата из строя и, взяв у него щит, пошел вперед как можно скорей. Но на нем был также панцырь всадника и ему потому приходилось туго. Все же, с трудом поспевая, он приказал передним итти вперед, а задним не отставать. (49) Солдаты принялись бить, толкать и ругать Сотерида до тех пор, пока не принудили его снова взять щит и итти вперед. А Ксенофонт, сев на коня, вел войско верхом пока это было возможно, а когда местность стала непроходимой для конного, он оставил лошадь и поспешил вперед пешком. И таким образом они достигли вершины раньше врагов.

Глава V

(1) Тогда варвары, повернув обратно, побежали, кто куда мог, а эллины завладели вершиной горы. Войска Тиссаферна и Ариейя отклонились в сторону и пошли другой дорогой, а войско Хирисофа спустилось вниз и расположилось лагерем в деревне, полной всяких благ. (2) На этой равнине у реки Тигра было много и других богатых деревень. Но когда наступили сумерки, неожиданно показались враги и сразили нескольких эллинов, рассеявшихся по равнине в поисках добычи и захвативших много скота, переправленного через реку. (3) Затем Тиссаферн и его войска принялись поджигать деревни. Многие эллины были очень этим удручены, полагая, что в случае сожжения деревень им неоткуда будет доставать продовольствие. (4) В это время возвращался отряд Хирисофа, отправленный на помощь (эллинам), и Ксенофонт, спустившись на равнину, стал объезжать ряды вспомогательного отряда и говорил: (5) «Заметили вы, эллины, что враги уже считают эту страну вашей? Ведь то, на чем они настаивали при заключении договора, а именно, чтобы мы не жгли владений царя,

теперь они совершают сами и жгут страну, словно она чужая. Но если только они в каком-либо пункте оставят продовольствие для самих себя, то они увидят, как и мы направимся туда же. (6) Однако, по моему мнению, Хирисоф, необходимо бороться против поджигателей, словно дело идет о нашем собственном имуществе». Но Хирисоф ответил: «Я с этим не согласен. Давайте тоже жечь, тогда они скорее перестанут».

(7) Когда они вернулись к палаткам, солдаты занялись продовольствием, а стратеги и лохаги сошлись на совещание. Положение тогда было очень трудным. По одну сторону (от дороги) поднимались очень высокие горы, а по другую — находилась река такой глубины, что копья солдат, пытавшихся ее измерить, целиком уходили в воду.[34] (8) Пока они еще совещались о том, как поступить, подошел некий родосец и сказал: «Эллины, я мог бы переправить вас, ведя с собой по 4000 гоплитов сразу, если только вы снабдите меня всем необходимым и приготовите мне награду в один талант». (9) Когда его спросили, что ему для этого нужно, он сказал: «Мне нужно 2000 мехов. Здесь много мелкого скота, коз, волов и ослов, и если содрать с них шкуры и наполнить их воздухом, то они дадут нам возможность переправиться без особого труда. (10) Нужны мне и ремни, которые вы употребляете для вьючного скота. Я свяжу ими друг с другом меха и затем придам каждому меху устойчивость, привязав к нему камни и спустив последние в воду наподобие якорей; затем я протяну меха через реку и привяжу их (к берегу) с обеих сторон, наброшу на них хворост и насыплю землю. (11) Вы не потонете, в чем вы скоро убедитесь, так как каждый мех выдержит тяжесть двух человек, не погружаясь в воду, а хворост и земля помешают людям соскользнуть (в реку)». (12) Стратегам мысль показалась остроумной, но на деле невыполнимой, так как по ту сторону реки находилось много всадников, которые стали бы чинить препятствия и, конечно, не позволили бы осуществить подобную попытку, даже в самом ее начале.

(13) Отсюда они на следующий день пошли назад [т. е. к Вавилону] к несожженным деревням, предав огню те поселения, из которых они вышли. Поэтому враги не приближались, но наблюдали и, повидимому, недоумевали, куда повернут эллины и что у них на уме. (14) Затем солдаты отправились за продовольствием, а стратеги снова сошлись на совещание и, собрав пленных, допросили их о всех расположенных кругом них странах. (15) Те рассказали, что дорога к югу идет на Вавилон и Мидию; по ней эллины пришли сюда. Дорога на восток ведет к Сузам и Экбатанам, где, как говорят, царь проводит лето. Дорога на запад, после переправы через реку, ведет в Лидию и Ионию, а горная дорога, обращенная к северу, — к кардухам. (16) Это племя, по их словам, живет на горах. Кардухи воинственны и не подчиняются царю.[35] А когда однажды царское войско численностью в 120 000 человек напало на них, то никто из царских солдат не вернулся обратно — столь трудны там условия местности. Однако, когда они заключают договор с сатрапом на равнине, то вступают с ним в сношения. (17) Выслушав это, стратеги отделили от прочих тех людей, которые уверяли, будто они знают местность, расположенную от них в том или ином направлении, но ничем не обнаружили, куда они собираются направить путь. Стратеги решили, что необходимо проникнуть в горы к кардухам, так как пленные говорили, что, пройдя эту область, они придут в Армению, страну обширную и богатую, которой правил Оронт. А оттуда, как они уверяли, легко пройти куда угодно. Затем стратеги совершили жертвоприношение, чтобы быть готовыми к выступлению в поход, когда это потребуется, так как существовали опасения, что горный проход может быть заранее занят неприятелем. Они отдали приказ солдатам, закончив все приготовления, после обеда отдыхать и выступить в поход по первому сигналу.

КНИГА IV

Глава I

(1) [О том, что произошло во время похода вглубь страны до сражения и что случилось после сражения, по заключении договора между царем и эллинами, пришедшими с Киром, и какие военные действия имели место против эллинов со стороны преследовавшего его персидского войска, после того как царь и Тиссаферн нарушили договор, — рассказано в предыдущих главах]. (2) Когда эллины прибыли туда, где Тигр совершенно непроходим из-за его большой глубины и ширины и где нельзя было также пройти вдоль берега, потому что крутые кардухские горы нависали над самой рекой, — тогда стратеги решили итти через горы. (3) Дело в том, что они узнали от пленных, будто, если им удастся перейти кардухские горы, они смогут переправиться в Армению через истоки Тигра, а если они не захотят этого сделать, — обойти их кругом. Говорили также, будто истоки Евфрата находятся недалеко от Тигра, и оно так и оказалось.[1] (4) А самое вторжение в страну кардухов эллины совершили, стараясь остаться незамеченными и в то же время стремясь опередить врагов при занятии горных вершин.

(5) Когда примерно наступило время последней вахты [2] и оставалось достаточное еще количество ночных часов, чтобы

в темноте пройти равнину, тогда по приказу эллины снялись с места и, идя вперед, на рассвете дошли до горы. (6) В это время Хирисоф вел войско, начальствуя над своим отрядом и всеми гимнетами, а Ксенофонт, вместе с находившимися в арьергарде гоплитами, шел сзади, не имея при себе ни одного гимнета, так как, повидимому, не было никакой опасности нападения с тыла при восхождении на горы. (7) Хирисоф поднялся на вершину прежде, чем враги заметили его. Затем он повел войско дальше, и отряды, по мере перехода через гору, следовали за ним в деревни, расположенные в ущельях и складках гор. (8) Кардухи[3] покинули свои дома и, захватив с собой жен и детей, бежали в горы. Однако продовольствие здесь имелось в изобилии, и в домах можно было найти очень много бронзовых изделий. Ни одного из них эллины не взяли. Равным образом они не преследовали жителей, щадя их из тех соображений, что кардухи как враги царя, может быть, позволят эллинам пройти через их страну как страну дружественную. (9) Однако продовольствие каждый брал там, где его находил, так как это было необходимо. Но кардухи не являлись на зов и ничем вообще не выказывали своего расположения. (10) Когда последние эллины, уже в темноте, спускались в деревню с вершины горы, — вследствие тесноты дороги подъем и спуск занял у них целый день, — тогда собрался отряд кардухов и напал на них. Кардухи убили и ранили камнями и стрелами нескольких человек, будучи сами в небольшом числе; дело в том, что приход эллинского войска был для них неожиданным. (11) Но если бы их тогда собралось больше, то вполне могла бы погибнуть значительная часть войска. Эту ночь эллины, таким образом, провели в деревнях, а кардухи жгли кругом на горах костры и перекликались друг с другом.

(12) С наступлением утра эллинские стратеги и лохаги собрались и решили итти вперед, захватив с собой лишь самое необходимое количество наиболее выносливого вьючного скота и бросив остальной, а также отпустив всех находившихся при

войске недавно взятых в плен рабов. (13) Дело в том, что, при своей многочисленности, вьючный скот и рабы замедляли движение вперед, и приставленные к ним люди, которых было немало, не могли участвовать в битвах, а наличие большого числа людей требовало заготовки и транспорта продовольствия в двойном количестве. Об этом решении оповестили войско через глашатая.

(14) После завтрака эллины отправились в путь, а стратеги встали в узком месте дороги, и если замечали что-нибудь, подлежащее оставлению на месте, они отнимали это, а солдаты слушались их, за исключением тех случаев, когда кому-нибудь удавалось скрыть понравившегося ему мальчика или красивую женщину. В течение этого дня они шли, иногда вступая в бой, иногда спокойно. (15) А на следующий день налетела сильная буря, между тем, необходимо было двигаться вперед, так как не было достаточного количества продовольствия. (16) Хирисоф вел войско, а Ксенофонт шел в арьергарде. Враги сильно наседали, а так как дорога проходила через теснины, то они, подойдя на близкое расстояние, стреляли из луков и пращей. Эллины отгоняли их и потом вновь от них удалялись, и это принуждало их итти медленно, а Ксенофонт часто требовал остановить все войско, когда враги сильно на него наседали. (17) Хирисоф, когда ему об этом докладывали, обычно останавливался, но однажды он не исполнил этого и быстро повел войско вперед, отдав приказ следовать за ним, откуда стало ясным, что произошло нечто чрезвычайное. Но поскольку некогда было догнать Хирисофа и узнать причину его торопливости, продвижение арьергарда стало походить на бегство. (18) В это время пали доблестный лаконец Леоним, пораженный стрелой в бок через щит и кожаный панцырь, и Басий-аркадянин, у которого голова была пронзена насквозь.

(19) После прибытия на стоянку Ксенофонт тотчас же пошел к Хирисофу и стал упрекать его за то, что он не остановился, но заставил их бежать и одновременно сражаться.

«И вот погибли два превосходных и доблестных воина, и мы не были в состоянии ни унести их, ни предать земле». (20) Хирисоф ответил: «Взгляни на горы и убедись в том, насколько они непроходимы. Видна только эта крутая единственная дорога, и на ней ты можешь заметить огромную толпу людей, которые заняли проход и охраняют его. (21) Поэтому я спешил и не подождал тебя в надежде опередить их и захватить перевал. Наши проводники говорят, будто не существует другой дороги». (22) Ксенофонт сказал: «В моих руках два человека; дело в том, что, когда враги сильно нападали на нас, мы устроили засаду, что дало нам возможность передохнуть; одних врагов мы убили, а других постарались захватить живыми, с целью иметь проводников, знающих местность».

(23) Этих людей тотчас же привели и спросили их порознь, не знают ли они какой-нибудь другой дороги, кроме находящейся на виду. Один из них, несмотря на сильные угрозы, ничего не сказал, и так как он не сообщил ничего полезного, то его закололи на глазах у товарища. (24) Другой заявил, что первый человек потому сказал, будто он не знает дороги, что у него там (т. е. на пути следования эллинов) имеется замужняя дочь; сам же он, по его словам, проведет эллинов по дороге, доступной и для вьючного скота. (25) А на вопрос, есть ли на этой дороге какое-нибудь труднопроходимое место, он ответил, что имеется вершина горы, мимо которой невозможно пройти, если кто-нибудь займет ее заранее.

(26) Тогда решили созвать лохагов и пельтастов, а также некоторых гоплитов, объяснить им положение вещей и спросить, не найдется ли среди них желающих показать свою доблесть и добровольно участвовать в этом деле. (27) Из гоплитов вызвались Аристоним из Метидреи [аркадянин] и Агасий из Стимфалы [аркадянин], а соревнуясь с ними, [тоже аркадянин] Каллимах из Паррассия сказал, что он хочет пойти, взяв с собой охотников из всего войска. (28) «Я уверен, — сказал он, — что за мной последует много молодежи». Тогда спросили, не хочет ли пойти с ним кто-нибудь из таксиархов

гимнетов. Вызвался Аристей-хиосец, который часто оказывался человеком очень полезным для войска в подобных делах.

Глава II

(1) Между тем наступил вечер, и стратеги приказали добровольцам наскоро поесть и отправиться в путь. Вожатого связали, передали им и условились, что в случае, если им удастся занять вершину, они ночью будут охранять ее, а с наступлением утра дадут трубный сигнал и тогда занявшие вершину пойдут на тех врагов, что сторожат находящийся на виду перевал, а остальные эллины, снявшись с места, поспешат им на помощь. (2) Сговорившись таким образом, они в числе примерно 2000 человек отправились в путь. Шел сильный дождь. А Ксенофонт повел арьергард к находившемуся на виду перевалу, для того чтобы враги сосредоточили свое внимание на этой дороге, а шедшие кружным путем остались, по возможности, незамеченными. (3) Когда арьергард подошел к ущелью, через которое надо было пройти, прежде чем выйти на крутую дорогу, варвары стали скатывать вниз камни такой величины, что одного такого камня хватило бы для целой повозки, и еще бо́льшие по размерам камни [и меньшие], и те, натыкаясь на скалы, ударялись о них и разлетались на части, так что было совершенно невозможно даже приблизиться к ущелью. (4) Некоторые лохаги, видя невозможность пройти здесь, пробовали сделать это в других местах и продолжали свои попытки до тех пор, пока не наступила темнота. Когда, по их мнению, можно было удалиться незаметно для врагов, они ушли обедать; а [среди солдат арьергарда] были и такие, которые даже не завтракали. Однако враги не унимались и в течение всей ночи скатывали камни, о чем можно было догадаться по грохоту.

(5) Тем временем отряд, имевший при себе вожака, совершил обходное движение и наткнулся на стражу, сидящую у костров. Убив одних и прогнав других, они остались там,

полагая, что захватили вершину. (6) Но в этом они ошибались, так как над ними возвышался выступ горы, где проходила та узкая дорога, за которой наблюдала стража. Дело в том, что оттуда можно было пройти к тем вражеским отрядам, которые сторожили открытую дорогу. (7) Ночь эллины провели там, а на рассвете, молча, в боевом порядке, пошли на врагов. Пал туман, благодаря чему они незаметно подошли на близкое расстояние, а когда эллины и варвары увидели друг друга, затрубила труба и, подняв боевой клич, эллины бросились на врагов. Те не выдержали и, покинув дорогу, побежали, причем погибли лишь немногие, так как они были очень подвижны. (8) Войска Хирисофа при первых звуках трубы тотчас пошли вверх по открытой дороге. Другие стратеги двинулись вперед по непроторенным дорогам с тех пунктов, где каждый из них случайно находился, и, взбираясь на гору кто как мог, они тащили друг друга вверх при помощи копий. (9) И они первыми соединились с отрядом, овладевшим вершиной.

Ксенофонт с половиной арьергарда направился по той дороге, по которой шел отряд с вожаком, так как она была всего удобнее для вьючного скота; другую половину арьергарда он построил позади вьючных животных. (10) Идя вперед, они натолкнулись на холм, господствовавший над дорогой и занятый неприятелем: предстояло либо уничтожить врагов, либо отколоться от прочих эллинов. Солдаты, может быть, могли бы воспользоваться той дорогой, по которой шли другие отряды, но у вьючного скота не было иного пути, кроме этого. (11) Тогда, ободряя друг друга и построившись в прямые лохи,[4] они бросились на холм, однако не со всех сторон, но оставив врагам лазейку на случай, если те решат бежать. (12) Пока они поднимались вверх кто где мог, варвары стреляли и бросали в них камни. Однако они (варвары) не подпустили их на близкое расстояние, бежали и покинули этот пункт. Эллины перешли через холм и, увидя впереди другой холм, занятый неприятелем, тотчас же решили итти на него. (13) А Ксено-

фонт подумал о том, как бы, в случае если он оставит захваченный холм без охраны, враги не заняли его снова и не напали на проходивший мимо обоз, который двигался, растянувшись на большое расстояние вследствие узости дороги; и потому он оставил на холме лохагов — Кефисодора, сына Кефисофонта-афинянина, Амфриката, сына Амфидема-афинянина, и Архагора, изгнанника из Аргоса, а сам с остальными солдатами пошел на второй холм и взял его тем же способом.

(14) Им предстояло взять еще третий, гораздо более крутой холм, тот самый, который находился над захваченной охотниками ночью у костра стражей. (15) Когда эллины приблизились, варвары, не вступая в бой, оставили его, чему все удивились, подозревая, не поступили ли они таким образом, боясь попасть в окружение и подвергнуться осаде. А на самом деле они с вершины видели происходившее за холмом и все устремились на арьергард. (16) Ксенофонт с теми, что были помоложе, взошел на вершину, другим же приказал итти вперед медленно, чтобы последние лохи успели присоединиться к ним, и, пройдя по дороге, остановиться на равнине.

(17) В это время появился спасшийся бегством Архагор из Аргоса и сообщил, что их прогнали с холма, и что Кефисодор, Амфикрат и другие, которые не смогли спрыгнуть со скалы и добраться до арьергарда, погибли. (18) После этого варвары взошли на холм, расположенный против вершины (где стояли эллины), и Ксенофонт через переводчика повел с ними переговоры о союзе и потребовал выдачи убитых.[5] Они обещали отдать при условии, что эллины не будут жечь их дома. (19) Ксенофонт согласился, а тем временем, пока шли переговоры и остальное войско закончило свое прохождение, все враги из тех мест сосредоточились на этом холме. (20) И когда эллины начали спускаться с вершины, направляясь к своим остановившимся на равнине товарищам, враги бросились на отряд Ксенофонта огромной толпой с громким криком и, достигнув вершины, с которой спускался отряд, стали скатывать вниз камни. Одному человеку

они раздробили бедро, а Ксенофонт остался без оруженосца, у которого был щит. (21) Но гоплит Эврилох из Лус [аркадянин] подбежал к нему и стал отступать, прикрывая щитом обоих; остальные также отошли к тем солдатам, которые ожидали их, стоя в строю.

(22) Таким образом все эллинское войско собралось теперь воедино и расположилось в многочисленных и прекрасных домах, богатых припасами. Так, например, вина было так много, что его хранили в обмазанных известью ямах.[6] (23) Ксенофонту и Хирисофу путем переговоров удалось получить тела убитых, и за это они отпустили проводника. И насколько это было возможно при данных обстоятельствах, они исполнили по отношению к мертвым все, что полагается совершать в честь доблестных воинов.

(24) На следующий день они шли без проводника. Враги сражались и занимали наперед все имевшиеся на пути теснины, мешая эллинам проходить через них. (25) Когда они задерживали передовые отряды, Ксенофонт восходил на горы с другой их стороны, стараясь забраться выше мешавших продвижению врагов и таким образом уничтожал препятствия на пути передовых отрядов. (26) А когда они нападали на арьергард, Хирисоф поднимался наверх, старался взобраться на горы выше нападавших и уничтожал препятствия на пути арьергарда. Таким образом они постоянно помогали друг другу и очень друг о друге заботились.

(27) Случалось, что варвары причиняли много хлопот даже тем войскам, которые, уже достигнув вершины, снова спускались вниз. Кардухи были настолько проворны, что им удавалось убегать даже после того, как они подходили к эллинам на близкое расстояние. У них ведь не было другого оружия, кроме луков и пращей. (28) Это прекрасные стрелки из лука, а величина их лука равнялась примерно 3 локтям и длина стрел 2 локтям с лишним; во время стрельбы они натягивали тетиву, наступая левой ногой на нижнюю часть лука. Стрелы их пробивали щиты и панцыри. Когда эллины овла-

девали стрелами, то пользовались ими как дротиками, снабдив их ремнями. В этих местностях самую большую пользу войску оказали критяне. А начальствовал над ними Стратокл-критянин.

Глава III

(1) В течение этого дня эллины стояли в деревнях, расположенных над равниной реки Кентрита. Ширина Кентрита равняется примерно 2 плетрам, и эта река образует границу между Арменией и страной кардухов. Эллины при виде равнины облегченно вздохнули. Река находилась на расстоянии 6—7 стадий от гор кардухов. (2) Здесь они с наслаждением отдыхали, располагая продуктами и вспоминая о многих перенесенных трудах. Ведь те 7 дней, в течение которых они проходили область кардухов, были полны непрерывных боев, причем эллины понесли здесь такие потери, каких не причинили им ни царь, ни Тиссаферн, вместе взятые. Поэтому они с радостью предались отдыху, словно все бедствия остались позади.

(3) Однако при наступлении утра они увидели на той стороне реки вооруженных всадников, готовых, повидимому, помешать переправе, а также пехоту, выстроенную на холмах выше всадников, с целью воспрепятствовать вторжению эллинов в Армению.[7] (4) То были наемные войска Оронта и Артуха — армены, марды[8] и халдеи.[9] О халдеях говорили, будто это народ независимый и храбрый; оружие у них состояло из больших плетеных щитов и копий. (5) Те холмы, на которых они выстроились, находились на расстоянии 3 или 4 плетров от реки. Дорога, которая была видна эллинам, вела вверх и была единственной и, повидимому, искусственной дорогой. (6) Напротив нее эллины пытались перейти реку. Но когда при этом вода поднялась им выше груди и дно оказалось неровным и покрытым большими и скользкими камнями, причем оружие нельзя было нести погруженным в воду, так как его

уносило сильное течение, а те воины, что пытались нести оружие на голове, оказались уязвимыми для стрел и другого метательного оружия, тогда они отступили и расположились лагерем у реки. (7) А там, где они сами провели прошлую ночь на горах, они увидели множество вооруженных кардухов. Тогда эллинами овладело сильное уныние, так как они убедились в непроходимости реки, видели впереди себя людей, собирающихся помешать переправе, а также видели кардухов, готовых напасть сзади на переправляющихся.

(8) Таким образом, этот день и следующую ночь они провели на месте, находясь в большом затруднении. А Ксенофонт увидел сон: ему приснилось, будто ноги его скованы цепями, но цепи лопнули сами собой, он освободился и мог уйти в в любом направлении. На рассвете он пошел к Хирисофу, сказал ему, что у него есть надежда на благополучный исход, и рассказал свой сон. (9) Тот обрадовался, и при наступлении дня все присутствовавшие стратеги принесли жертву. И с первого же раза жертвы оказались благоприятными. Разойдясь после жертвоприношения, стратеги [и лохаги] приказали войску завтракать.

(10) И вот, в то время как Ксенофонт завтракал, к нему прибежало двое юношей: ведь все знали, что каждый может притти к нему и во время завтрака, и во время обеда, и даже разбудить его, когда он спит, если только дело идет о сообщении, касающемся военных дел. (11) Юноши рассказали, что, собирая хворост для костра, они увидели на другом берегу, среди скал, прилегающих к самой реке, старика и женщину с девушками-прислужницами, повидимому, прятавших тюки с платьем в пещеру в скале. (12) Когда они это увидели, то подумали, что в этом месте можно, вероятно, переправиться безопасно, так как вражеской коннице это место недоступно. Раздевшись, как перед купаньем, голые, но имея при себе кинжалы, юноши, по их словам, стали переходить реку; и идя вперед, они перешли на ту сторону реки, даже не замочив

гениталий. Переправившись обратно и захватив гиматии,[10] они вернулись назад.

(13) Ксенофонт тотчас же совершил возлияние, [11] а также приказал наполнить чаши юношам и молиться богам, пославшим сон и переправу, прося их довести все предприятие до благополучного конца. После возлияния он тотчас же повел юношей к Хирисофу и они повторили там свой рассказ. (14) Выслушав их, Хирисоф также совершил возлияние. После этого Хирисоф и Ксенофонт приказали приготовиться к выступлению в поход, а сами, собрав стратегов, совещались о том, как лучше совершить переправу, как победить врагов, которые стоят впереди, и избежать нападения со стороны врагов, находящихся в тылу. (15) Они решили, что Хирисоф, как главный начальник, перейдет реку с половиной войска; вторая половина останется пока стоять на месте с Ксенофонтом, а вьючный скот и нестроевые переправятся после Хирисофа и до Ксенофонта.

(16) Когда все было должным образом решено, двинулись в путь. Вели их юноши, имея реку с левой стороны. До переправы было примерно 4 стадия. (17) Пока они шли, на противоположной стороне реки, параллельно с ними, двигались отряды конницы. Дойдя до переправы через реку и до скал, эллины построились, и сам Хирисоф первым увенчал голову венком,[12] снял одежду, взял оружие и велел остальным последовать его примеру, а лохагам отдал приказ вести лохи прямыми колоннами, одним с правой, другим с левой от него стороны. (18) Жрецы закололи жертвы над рекой,[13] а враги стреляли из луков и пращей, но не достигали цели. (19) Жертвы оказались благоприятными. Тогда все солдаты запели пэан и подняли боевой крик, причем вместе с ними кричали и женщины; в войске ведь находилось много гетер.

(20) Таким образом, Хирисоф и его отряд вошли в реку. А Ксенофонт, захватив с собой легко вооруженных из арьергарда, поспешил изо всех сил назад к той дороге, что вела вверх к армянским горам, делая вид, что он намеревается

переправиться в этом месте и отрезать стоявших у реки всадников. (21) Заметив, что войска Хирисофа благополучно переходят реку, и видя также, что войско Ксенофонта спешит назад, враги испугались окружения, очень быстро побежали к дороге, ведущей вверх от реки, и, достигнув ее, поднялись на гору. (22) Ликий, командовавший отрядом конницы, и Эсхин, начальник отряда пельтастов Хирисофа, заметили их стремительное бегство и пустились за ними вдогонку. Они криком призывали не отставать и вместе с ними взобраться на гору. (23) А Хирисоф, перейдя реку, не стал преследовать всадников, но сразу направился по прилегающим к реке холмам на стоявших выше врагов. И те, заметив бегство своей конницы, а также наступающих на них гоплитов, покинули высоты над рекой.

(24) Когда Ксенофонт увидел, что по ту сторону реки все идет хорошо, он как можно скорее пошел назад к переправляющемуся войску. Дело в том, что уже можно было наблюдать кардухов, спускавшихся на равнину и собиравшихся, повидимому, напасть на последние отряды.

(25) Хирисоф тем временем занял вершины, а Ликий с с небольшим отрядом предпринял погоню и захватил оставленную часть обоза и, между прочим, красивые одежды и кубки. (26) Как только переправились обоз эллинов и толпа нестроевых, Ксенофонт повернулся лицом к кардухам, приготовился к бою и приказал лохагам построить свои лохи по эномотиям, выводя их влево, для того чтобы образовалась фаланга. Лохагам и начальникам эномотий он приказал итти на кардухов, а начальникам задних отрядов — остаться у реки. (27) Когда кардухи увидели, что арьергард, охранявший толпу нестроевых, редеет и кажется уже немногочисленным, они пошли быстрее, распевая какие-то песни. Хирисоф, поскольку он уже находился в безопасности, послал Ксенофонту пельтастов, пращников и лучников и приказал им выполнять приказания последнего.

(28) Видя, что те собираются переправиться через реку, Ксенофонт через вестников приказал им остаться на месте у реки и не входить в воду, но когда войско Ксенофонта начнет

переправу, тогда войти в реку справа и слева от переправляющихся и итти им навстречу, делая вид, будто они собираются перейти на тот берег, причем копейщикам следует продеть руку через ремень копья, а лучникам наложить стрелу на тетиву лука; но им не надо заходить далеко в реку. (29) А своим солдатам он приказал, когда камни из пращей кардухов будут достигать цели и щиты эллинов зазвенят, запеть пэан и бегом направиться на врагов, а когда те обратятся вспять и трубач со стороны реки подаст боевой сигнал, сделать поворот направо, последним рядам итти впереди, всем бежать и как можно быстрее переправиться, не покидая, однако, своего места в строю, чтобы не мешать друг другу. И тот воин, который первым переправится на ту сторону реки, будет самым доблестным.

(30) Кардухи, заметив, что в прикрытии осталось уже мало народу, — ведь даже многие из тех, которым было поручено остаться, ушли, охраняя кто вьючный скот, кто вещи или гетер, — напали весьма смело и стали стрелять из пращей и луков. (31) А эллины запели пэан и бегом пустились на них. Враги не устояли; ведь они как горные жители были хорошо снаряжены для нападений и отступлений, но вооружение их не годилось для рукопашного боя. (32) Тут трубач подал сигнал, и враги побежали еще быстрее, а эллины повернули назад и изо всех сил спешили переправиться через реку. (33) Заметив это, часть врагов снова побежала к реке и стала стрелять, ранив нескольких человек, но бо́льшая часть кардухов не прекращала бегства и тогда, когда эллины уже достигли противоположного берега. (34) А те эллины, которые шли навстречу переправлявшимся, влекомые собственной отвагой, зашли в реку дальше, чем им было приказано, и вернулись назад после солдат Ксенофонта. Среди них тоже были раненые.

Глава IV

(1) Совершив переправу около полудня, эллины построились и прошли по Армении не менее 5 парасангов, следуя

все время по равнине и невысоким холмам; ведь вблизи реки не было деревень из-за войн с кардухами. (2) Та деревня, в которую они пришли, оказалась обширной, в ней находился дворец сатрапа, и бо́льшая часть домов здесь была с башнями. (3) Продовольствие имелось в изобилии. Отсюда они прошли в два перехода 10 парасангов, пока не пересекли истоков реки Тигра.[14] Отсюда они прошли в три перехода 15 парасангов до реки Телебоя. (4) Эта река красива, но не велика. Около нее много деревень. Эта местность называется Западной Арменией.[15] Правителем ее был Тирибаз — друг царя; в его присутствии никто другой не помогал царю при посадке на коня. (5) Этот Тирибаз подъехал к эллинам в сопровождении конницы и через посланного вперед переводчика передал, что желает вступить в переговоры с начальниками. Стратеги решили выслушать его и, приблизясь на расстояние, с которого можно было расслышать речь, спросили, чего он хочет. (6) Он сказал, что хотел бы заключить договор, обязуясь не причинять эллинам никакого вреда и требуя от эллинов не жечь дома и брать только необходимое для них продовольствие. Стратеги согласились, и договор был заключен на этих условиях.

(7) Отсюда они прошли по равнине[16] в три перехода 15 парасангов, и Тирибаз со своим войском следовал за ними на расстоянии примерно 10 стадий. Эллины прибыли ко дворцу и расположенным вокруг него многочисленным деревням, полным всяких припасов. Они расположились лагерем, а ночью выпал обильный снег. Поэтому утром решили разместить солдат и всех начальников по квартирам в деревнях, так как нигде не было видно неприятеля и казалось, что обильный снег достаточная гарантия безопасности. (9) Здесь у них было много [продовольствия и] всяких благ: убойный скот, хлеб, старые душистые вина, изюм, всевозможные овощи. Между тем солдаты, рассеявшиеся по окрестностям лагеря, говорили, будто они видели ночью много костров. (10) Поэтому стратеги решили, что небезопасно стоять на квартирах и надо вновь собрать войско воедино. Войско соединилось, и казалось

будто погода проясняется. (11) Но в то время, как они таким образом проводили ночь, выпал такой глубокий снег, что он покрыл оружие и лежащих на земле людей и как бы сковал по ногам вьючный скот. Было очень боязно встать, потому что выпавший и нерастаявший снег согревал лежащего под ним человека. (12) Когда же Ксенофонт решился встать неодетым и начал колоть дрова, то тотчас же встал еще один человек, отнял у него топор и принялся за рубку дров. Вслед за этим и другие начали подниматься, разжигать костры и натираться мазью.[17] (13) В этой стране много мази, которой пользовались вместо оливкового масла. Она приготовляется из свиного сала, кунжутных семян, горького миндаля и терпентина. Были найдены и благовония, изготовленные из этих же продуктов.

(14) Тогда решили вновь разместиться [в деревнях] по квартирам в домах. Солдаты радостно, с громкими криками, отправились к домам и к продовольствию, а те из них, которые прежде, при уходе из домов, подожгли их безрассудно, были наказаны тем, что устроились плохо. (15) Затем ночью послали в горы Демократа-теменита, придав ему нескольких человек, туда, где, по рассказам солдат, бродивших за пределами лагеря, они видели костры. Демократ был известен как человек, не раз уж выяснявший истину в подобных случаях и умевший отличать действительно существующее от воображаемого. (16) По возвращении он сказал, что не видел костров, но привел с собой пленного, вооруженного персидским луком, колчаном и секирой, подобной секирам амазонок.[18] (17) На вопрос, кто он такой, тот ответил «перс» и прибавил, что он шел из лагеря Тирибаза в поисках продовольствия. Эллины стали расспрашивать его, какова численность войска и против кого оно собрано. (18) Он ответил, что то Тирибаз со своим войском и наемниками халибами и таохами.[19] По его словам, войско готовится напасть на эллинов при перевале через горы, в ущельях, миновать которые невозможно.

(19) Услышав это, стратеги решили собрать солдат, и затем, оставив охрану и назначив начальником над всеми остающимися (в лагере) Софенета-стимфалийца, они отправились в путь, имея при себе в качестве вожака захваченного в плен человека. (20) Когда они уже начали переходить через гору, пельтасты, ушедшие вперед, увидели внизу лагерь и не стали поджидать гоплитов, но с криками пустились туда бегом. (21) Варвары, услышав крик, не выдержали и бежали, однако несколько человек из них было убито, и было захвачено около 20 коней, а также палатка Тирибаза и в ней ложе с серебряными ножками, кубки и люди, назвавшие себя хлебодарами и виночерпиями. (22) Когда об этом узнали стратеги гоплитов, они решили как можно скорей вернуться в лагерь, боясь нападения на оставшихся там солдат. Тотчас же был дан трубный сигнал, они двинулись в путь и еще в тот же день достигли лагеря.

Глава V

(1) На следующий день решили итти как можно быстрее, пока вражеское войско снова не соединилось и не заняло теснин. Собравшись, они тотчас же пустились в путь по глубокому снегу с большим количеством проводников, и в тот же день, перейдя через гору, на которой Тирибаз намеревался напасть на них, встали лагерем. (2) Отсюда они прошли по пустынной местности в три перехода 15 парасангов до реки Евфрата и перешли ее, причем вода доходила людям до пояса. Говорили, что истоки реки находятся неподалеку.

(3) Отсюда они прошли по равнине,[20] покрытой глубоким снегом, в три перехода 13 парасангов. Третий переход был очень тяжел, так как северный ветер дул прямо в лицо, все замораживая и приводя людей в состояние окоченения. (4) Тогда один из жрецов предложил принести жертву ветру. Это было исполнено, и всем явственно показалось, будто сила ветра спала. Глубина снега достигала 1 оргии, и из-за этого

погибло много вьючного скота и рабов и до 30 солдат. (5) Ночь эллины провели у костров. Дров на этой стоянке было много, но опоздавшие солдаты не получили дров, и те, что пришли раньше и разожгли костры, не допускали к огню опоздавших, если они не давали им в обмен пшеницы или чего-нибудь другого съестного, когда таковое у них оказывалось. (6) Таким образом они обменивались тем, что у кого было. Где горел костер, там вследствие таяния снега образовывались большие ямы, доходившие до самой земли, поэтому можно было измерить глубину снега.

(7) Отсюда в течение всего следующего дня они шли по глубокому снегу, и много людей изнемогало от голода. Ксенофонт, находясь в арьергарде, подбирал упавших и недоумевал, что у них за болезнь. (8) Но когда один из сведущих людей сказал ему, что они, очевидно, истощены голодом и что, съев чего-нибудь, они встанут на ноги, он прошел к обозу и, найдя запасы съестного, стал раздавать их сам и рассылать их через людей, способных дойти до голодающих. (9) Вкусив пищи, они вставали и шли дальше.

На этом переходе Хирисоф в сумерки пришел к деревне и натолкнулся перед валом у колодца на женщин и девушек, носивших воду. (10) Те спросили эллинов, кто они такие. Переводчик ответил по-персидски, что они идут от царя к сатрапу. Женщины сказали, что сатрапа здесь нет и что он находится на расстоянии примерно 1 парасанга. Так как было поздно, то эллины вместе с водоносицами прошли по ту сторону вала к комарху.[21] (11) Хирисоф и те отряды, которые могли это сделать, расположились там лагерем, а солдаты, не сумевшие дойти до этого пункта, провели ночь без пищи и без огня, и несколько человек из них тогда погибло.

(12) Часть неприятелей собралась в отряды и следовала за эллинами, похищая обессилевший вьючный скот и вступая из-за него в драку друг с другом. Некоторые солдаты стали отставать: у одних началась под влиянием снега болезнь глаз, у других пальцы на ногах отмерзали вследствие холода.

(13) Защитой для глаз от действия на них снега служили куски чего-нибудь черного, носимого перед глазами во время похода, а для предохранения ног надо было непрестанно двигаться, не успокаиваясь ни на минуту, а на ночь разуваться. (14) Если кто-либо ложился, не сняв обуви, то ремни врезались ему в ноги и обувь примерзала; ведь поскольку старая обувь износилась, башмаки, так называемые карбатины, были сделаны из недавно содранной бычачьей кожи.

(15) Из-за таких бедствий некоторые солдаты отстали, и когда они увидели какой-то клочок земли, черный потому, что с него сошел снег, они подумали, что снег растаял. И действительно, он растаял под воздействием испарений из источника, находившегося поблизости в лесистом ущелье. Свернув туда, они сели и отказались итти дальше. (16) Ксенофонт, находившийся в арьергарде, узнал об этом и всеми способами и средствами принялся их уговаривать не отставать, указывая на то, что за ними следуют собравшиеся в большом числе враги, и, наконец, он даже рассердился. Но солдаты просили прикончить их, так как они не в силах итти дальше. (17) Тогда решили попытаться напугать следовавших за ними врагов, чтобы те не нападали на выбившихся из сил. Уже было темно, и враги подходили с громкими криками, ссорясь из-за доставшейся им добычи. (18) Тогда здоровые солдаты арьергарда приготовились и побежали на врагов, а больные подняли крик и изо всех сил стали колотить копьями по щитам. Враги испугались, бросились по снегу в лесистое ущелье и никто из них не издал больше ни звука.

(19) Ксенофонт со своим отрядом, сказав больным, что на следующий день за ними придут, двинулся вперед и, не пройдя и 4 стадий, встретил на дороге спящих на снегу закутавшихся солдат, при которых не было выставлено стражи. Их разбудили, и они сообщили, что передовые отряды не двигаются вперед. (20) Ксенофонт пошел дальше и выслал наиболее выносливых пельтастов с приказом узнать причину задержки. Они сообщили, что все войско отдыхает подобным

образом. (21) Тогда и отряд Ксенофонта расположился тут на отдых, без огня и без обеда, но выставив какую было возможно стражу. К утру Ксенофонт отправил к больным самых молодых солдат и приказал поднять их на ноги и заставить итти вперед.

(22) В это время Хирисоф послал из деревни людей, чтобы разузнать, как обстоят дела в арьергарде. Солдаты арьергарда обрадовались и передали им больных для доставки в лагерь, а сами пошли вперед и, не пройдя и 20 стадий, оказались у деревни, в которой отдыхал Хирисоф. (23) Когда все войско соединилось, стратеги решили, что можно безопасно разместить солдат на квартирах в деревнях. Хирисоф остался там, где он был, а остальные разделили между собой по жребию находившиеся на виду деревни и отправились туда — каждый со своим отрядом. (24) Тут Поликрат-афинянин, лохаг, попросил разрешения пройти вперед. Взяв с собой легко вооруженных, он сделал набег на ту деревню, которая досталась Ксенофонту, и захватил всех находившихся в ней жителей, комарха, 17 жеребцов, выкармливаемых для уплаты дани царю, и дочь комарха, вышедшую замуж за 9 дней перед тем; но муж ее, охотившийся за зайцами, не был захвачен в деревне.

(25) Дома здесь были подземные, с верхним отверстием наподобие отверстия колодца, но широким внизу. Впуски для скотины были вырыты в земле, а люди спускались вниз по лестнице. В домах находились козы, овцы, коровы и птицы со своими детенышами; весь скот питался в домах сеном. (26) Там хранились также пшеница, ячмень, овощи и ячменное вино в кратерах. В уровень с краями сосудов в вине плавал ячмень и в него воткнут был тростник, больших и малых размеров, но без коленцев; кто хотел пить, должен был взять тростник в рот и тянуть через него вино. (27) Не смешанное с водой вино было очень крепким, но для людей привычных это был очень приятный напиток.

(28) Ксенофонт пригласил комарха этой деревни к своему столу и ободрил его, говоря, что он не лишится своих детей,

а эллины из благодарности наполнят его дом перед своим уходом продовольствием, если только комарх будет оказывать услуги войску до тех пор, пока эллины не придут к другому народу. (29) Комарх обещал свое содействие и в знак расположения указал, где было зарыто вино. Разместившись таким образом на квартирах, солдаты эту ночь отдыхали, располагая продовольствием в изобилии; комарх содержался под стражей, а дети его находились под наблюдением.

(30) На следующий день Ксенофонт пошел к Хирисофу, захватив с собой комарха. Когда по дороге ему попадалась деревня, он заходил туда и посещал стоявших там солдат. Он заставал их всегда за едой и в веселом настроении и никогда они не отпускали его от себя, не предложив ему завтрака. (31) На одном и том же столе всегда подавались одновременно баранина, козлятина, свинина, телятина и дичь со множеством хлебов из пшеничной муки и ячменя. (32) Когда кто-нибудь хотел выпить за здоровье друга, он подводил его к кратеру, откуда надо было пить нагнувшись и втягивая в себя вино наподобие пьющего быка. Комарху они позволили брать все, что он пожелает. Однако он ничего не взял, но каждый раз, когда видел кого-нибудь из своих родичей, принимал его под свою защиту. (33) Когда они пришли к Хирисофу, то застали и там пирующих, увенчанных венками из сена; а прислуживали им армянские мальчики в варварских одеждах. Мальчикам, словно глухонемым, они знаками давали понять, что им надлежит делать.

(34) После взаимных приветствий Хирисоф и Ксенофонт сообща, через говорившего по-персидски переводчика, стали расспрашивать комарха, что это за страна. Он сказал, что это Армения. Затем они спросили, для кого выращиваются кони. Комарх ответил, что это дань царю.[22] Соседняя страна, по его словам, — это страна халибов, и он описал ведущую туда дорогу. (35) Ксенофонт тогда возвратил комарха его родным и подарил ему старого коня из своей добычи, имея в виду, что тот подкормит его (коня) и принесет затем в жертву.

Ксенофонту говорили, будто конь посвящен Гелиосу,[23] и он боялся, чтобы тот не околел, так как был изнурен походом. Сам Ксенофонт взял себе одного жеребца и роздал остальных [стратегам и] лохагам. Тамошние кони меньше персидских, но много их горячее. Затем комарх научил эллинов, при следовании по снегу, обвязывать ноги лошадей и вьючного скота маленькими мешочками, так как иначе животные погружаются в снег по самое брюхо.

Глава VI

(1) Через восемь дней после этого Ксенофонт передал комарха Хирисофу в качестве проводника, а его родственников отпустил, за исключением сына, только что достигшего возмужалости. Последнего он передал под наздор Плейсфену из Амфиполя, имея в виду, что комарх, если он окажется надежным вожаком, сможет вернуться домой вместе с сыном. Дом комарха эллины набили всяким добром и, снявшись с места, пошли дальше. (2) Комарх вел их по снегу, оставаясь свободным от пут.[24] Они уже были на третьем переходе, когда Хирисоф рассердился на него за то, что он не привел их в деревни. Тот ответил, что таковых нет в данной местности. Тогда Хирисоф ударил его, но не связал. (3) Вслед за этим ночью комарх убежал, покинув сына. Этот случай, т. е. оскорбление проводника, при отсутствии бдительности по отношению к нему, был причиной единственного раздора, происшедшего между Хирисофом и Ксенофонтом в течение всего похода. А Плейсфен полюбил мальчика, привел его на свою родину и пользовался его полной преданностью.

(4) После этого они прошли в семь переходов, примерно по 5 парасангов в день, до реки Фазиса, шириной в 1 плетр. (5) Оттуда они прошли в два перехода 10 парасангов. На перевале перед спуском в равнину против них выстроились халибы,[25] таохи [26] и фазианы.[27] (6) Когда Хирисоф увидел неприятеля на перевале, он остановился на расстоянии при-

мерно 30 стадий от него, чтобы не сближаться с врагами в то время, когда войско построено в колонну. Он приказал другим начальникам подвести отряды по лохам, чтобы образовалась фаланга. (7) Когда подошел арьергард, он созвал стратегов и лохагов и сказал: «Враги, как видите, заняли перевал через горы. Следовательно, нам надо совещаться о наилучшем способе дать битву. (8) Я предлагаю приказать солдатам приступить к завтраку, а мы тем временем будем совещаться о том, когда нам перейти через горы, — сегодня или завтра». (9) «По моему мнению, — сказал Клеанор, — надо наскоро позавтракать, взять оружие и со всей силой ударить на врагов. Если мы промедлим сегодня, то те враги, у которых мы на виду, осмелеют и весьма вероятно, что число их в этом случае умножится».

(10) После него Ксенофонт сказал: «Мое мнение таково: раз необходимо сражаться, то надо так подготовиться к битве, чтобы сразиться наилучшим образом. Если мы стремимся без задержки перевалить через горы, то, мне кажется, надо позаботиться о том, каким образом выполнить это с минимальными потерями ранеными и убитыми. (11) Возвышающаяся перед нами гора тянется на 60 с лишним стадий, но нигде, помимо самой дороги, не заметно поджидающих нас врагов. Поэтому гораздо лучше будет попытаться тайно захватить какую-нибудь пустынную часть горы, предупредив таким образом неприятеля, чем сражаться в трудной местности с готовым к бою врагом. (12) Ведь гораздо легче без боя подниматься на крутую гору, чем итти дорогой по равнине, когда по обе ее стороны стоят враги. Равным образом ночью, когда нет сражения, всякий гораздо лучше разберет, что у него под ногами, чем днем во время боя, и для тех, которые идут вперед не сражаясь, скалистая дорога куда удобнее, чем дорога ровная, когда на голову сыпятся снаряды. (13) По моему мнению, тайный захват горы вполне осуществим, так как мы можем выйти ночью, когда нас не увидят, и удалиться на такое расстояние, что нас нельзя будет заметить. Мне кажется, если мы сделаем вид,

будто намереваемся прорваться здесь, то остальные районы горы будут еще более пустынными, так как в таком случае вся сила врагов, вероятно, сосредоточится на этом месте. (14) «Однако, чего это я пустился в рассуждения о тайном захвате? Ведь насколько мне известно, Хирисоф, вы, лакедемоняне, полноправные граждане, с самого детства упражняетесь в воровстве, и воровать, если только это не коснется особо оговоренных законом предметов, считается у вас не дурным, а хорошим поступком.[28] (15) А для того, чтобы совершивший кражу научился скрывать свои деяния, у вас узаконен обычай — попавшегося в воровстве подвергать телесному наказанию. Теперь настало время показать нам плоды твоего воспитания и позаботиться о том, чтобы нас не накрыли при тайном захвате горы и не дали нам основательной встряски».

(16) «Положим, — сказал Хирисоф, — ведь насколько я знаю, афиняне тоже великие мастера в деле тайного хищения общественного достояния, даже в тех случаях, когда вору грозит большая опасность; притом особенно сильны в этом деле знатные граждане, в тех случаях, когда знатные считаются у вас достойными управлять государством. Итак, и для тебя настала пора блеснуть своим воспитанием»[29] (17) «Я готов, — сказал Ксенофонт, — после обеда отправиться с арьергардом на захват горы. Есть у меня и вожаки, так как гимнеты устроили засаду и захватили нескольких следовавших за нами врагов. От них я и узнал, что гора не непроходима и на ней пасутся козы и коровы. Таким образом, если нам удастся сразу захватить хотя бы часть горы, то она станет доступной и для вьючного скота. (18) У меня также имеется надежда на то, что враги не останутся на месте, когда они увидят нас на одной высоте с ними; ведь они и сейчас не желают спуститься вниз, чтобы не оказаться с нами на одном уровне». (19) Хирисоф сказал: «Какая необходимость тебе итти самому и оставлять арьергард? Пошли других, если не окажется охотников».

(20) Таким образом, отправились Аристоним из Метидреи с гоплитами, Аристей-хиосец и Никомах из Этеи с гимнетами,

условившись между собой по занятии вершины разжечь там много костров. (21) Порешив на этом, они стали завтракать. После завтрака Хирисоф повел все войско стадий на 10 вперед к неприятелю, с целью создать видимость нападения с этой стороны.

(22) После обеда, когда настала ночь, одни отряды построились, пошли и захватили гору, а другие расположились на отдых там, где стояли. А враги, заметив захват горы, решили бодрствовать и в течение ночи жгли многочисленные костры. (23) С наступлением утра Хирисоф, принеся жертву, повел войско по дороге, а те, что заняли гору, пошли по вершинам. (24) Главные силы врагов остались на перевале через гору, а часть их пошла на эллинов, занимавших вершины. До сближения главных сил произошло столкновение между теми, что находились на вершинах, причем эллины победили и стали преследовать. (25) В то же время, находившиеся на равнине эллинские пельтасты бегом пустились на выстроившихся против них врагов, а Хирисоф с гоплитами быстрым шагом последовал за ними. (26) Когда враги, стоявшие на дороге, заметили поражение своего отряда на вершинах, они побежали. Немногие из них погибли, но было захвачено огромное количество щитов; эллины рубили их мечами и делали непригодными для употребления. (27) Взойдя на вершину, эллины совершили жертвоприношение и воздвигли трофеи, после чего они спустились на равнину и пришли в деревни, богатые всякими припасами.

Глава VII

(1) Откуда эллины за пять переходов прошли 30 парасангов и прибыли к таохам. Продовольствие иссякло. Дело в том, что таохи жили в неприступных укрепленных местах, куда были снесены и все их запасы. (2) Когда эллины подошли к одному укрепленному месту, которое не являлось городом и где даже не было домов, хотя там собрались муж-

чины и женщины и многочисленный скот, то Хирисоф напал на него прямо с ходу. При этом отряды действовали в одиночку, сменяя друг друга по мере утомления людей, а соединенными силами нельзя было обложить этот пункт, так как он находился на обрывистом со всех сторон возвышении.

(3) Когда подошел Ксенофонт с арьергардом, пельтастами и гоплитами, Хирисоф сказал им: «Вы пришли кстати; укрепленное место необходимо захватить, так как у войска не будет продовольствия, если мы его не возьмем». (4) Тогда они стали совещаться, и когда Ксенофонт спросил, что же мешает эллинам проникнуть в укрепленное место, Хирисоф сказал: «Существует только один подступ к нему, тот самый, который ты видишь перед собой. Стоит кому-нибудь попытаться тут пройти, как враги начинают скатывать камни с нависшей над дорогой скалы, и ты сам можешь удостовериться, в какое состояние приводятся застигнутые ими люди». Он указал при этом на солдат с разбитыми ногами и ребрами. (5) «А когда они израсходуют все камни, — спросил Ксенофонт, — то останутся ли на нашем пути другие препятствия для вступления в укрепленное место? Ведь перед нами только эта вот немногочисленная кучка людей и из них только двое или трое имеют при себе оружие. (6) Укрепленное место, как ты и сам видишь, находится от нас примерно в 3 полуплетрах, которые и надлежит пройти под градом бросаемых камней. Примерно две трети этого расстояния покрыто растущими тут крупными соснами с большими между ними промежутками. Укрывшиеся за ними люди ведь наверное не потерпят никакого урона от кидаемых или скатываемых камней? Остальная часть пути равняется, примерно, 1 полуплетру, и это пространство надо пробежать, когда перестанут лететь камни». (7) «Но в том-то и дело, — сказал Хирисоф, — что как только мы начнем двигаться вперед к деревьям, полетит множество камней». «Это именно нам и нужно, — сказал Ксенофонт. Таким образом они скорей израсходуют камни. Итак, идемте туда, откуда до цели, если она вообще достижима, нам останется пробежать неболь-

шое расстояние и откуда легче будет отступить, если это понадобится».

(8) Тогда пошли вперед Хирисоф, Ксенофонт и Каллимах из Паррасия, лохаг, который в этот день начальствовал над лохагами арьергарда. Остальные лохаги остались в безопасном месте. Затем направились под деревья человек 70, но не все вместе, а по одиночке и со всевозможными предосторожностями. (9) А Агасий из Стимфалы и Аристоним из Метидреи — тоже лохаги арьергарда, — а также и другие остались стоять вдали от деревьев, так как под деревьями могло безопасно находиться не более одного лоха. (10) Тут Каллимах придумал некую хитрость: он выбегал вперед на 2—3 шага из-под укрывавшего его дерева, а когда начинали лететь камни, он быстро отступал, и при каждой его вылазке враги расходовали более 10 повозок камней. (11) Когда Агасий увидел, что делает Каллимах на виду у всего войска, он, боясь, как бы тот не вбежал первым в укрепленное место, не стал звать ни Аристонима, который находился всего ближе к нему, ни Эврилоха из Лус — оба они были его друзьями, — ни еще кого-нибудь из войска, но сам в одиночку побежал и обогнал всех. (12) А когда Каллимах увидел, что тот опережает его, он ухватился за край его щита. Тут их обоих обогнали Аристоним из Метидреи и затем Эврилох из Лус. Все они, соревнуясь между собой, старались превзойти друг друга в доблести и таким образом захватили укрепленное место, так как стоило одному человеку ворваться туда, как полностью прекратилось сбрасывание камней сверху. (13) Тут открылось страшное зрелище. Женщины бросали детей вниз и затем кидались за ними сами, и мужчины поступали таким же образом. Лохаг Эней из Стимфалы увидел какого-то бегущего, повидимому, с намерением сброситься вниз человека, одетого в красивую одежду, схватил его, желая ему помешать, но тот потянул его за собой, и оба они полетели вниз со скал и погибли. (14) Здесь было захвачено очень мало людей, но много рогатого скота, ослов и овец.

(15) Оттуда они прошли через страну халибов в семь переходов 50 парасангов. Племя халибов самое храброе из всех племен, через земли которых проходили эллины; они вступили с последними в рукопашный бой. Халибы носили льняные панцыри, доходившие до нижней части живота, а вместо чешуек панцыря они пользовались сучеными, туго переплетенными веревками. (16) Они носили также поножи и шлемы, а у пояса кинжал вроде лаконского меча,[30] которым закалывали тех, кого удавалось осилить, затем отрезали у них головы и уносили их с собой, причем пели и плясали, когда попадались на глаза врагам. Халибы также имели при себе копья длиной примерно в 5 локтей с одним острием. (17) Они отсиживались в поселениях, а когда эллины оставляли их позади, следовали за ними, все время сражаясь. Жили они в укрепленных местах, и продовольствие у них было собрано там же; потому эллины не могли там ничего достать и питались скотом, забранным у таохов. (18) От халибов эллины прибыли к реке Арпасу, шириной в 4 плетра. Оттуда они в четыре перехода прошли 20 парасангов по равнине через страну скифинов [31] и пришли в деревни; здесь они пробыли 3 дня и пополнили свои запасы.

(19) Оттуда они прошли в четыре перехода 20 парасангов до большого, богатого и многолюдного города по имени Гимниада.[32] Правитель этой страны прислал эллинам вожака из этого города, чтобы провести их через враждебную для местных жителей страну. (20) Придя к эллинам, этот человек заявил, что он через 5 дней приведет их в такое место, откуда они увидят море; порукой тому его голова. Указывая дорогу, он, при вступлении во враждебную скифинам область, стал побуждать эллинов жечь и разрушать страну.[33] Тогда все поняли, что он пошел только ради этого, а не из расположения к эллинам. (21) На пятый день они пришли к горе по имени Фехес.[34] Когда солдаты авангарда взошли на гору, они подняли громкий крик. (22) Услышав этот крик, Ксенофонт и солдаты арьергарда подумали, что какие-то новые враги напали

на эллинов спереди, тогда как жители выжженной области угрожали им сзади, и солдаты арьергарда, устроив засаду, убили нескольких человек, а нескольких взяли в плен, захватив при этом около 20 плетеных щитов, покрытых воловьей косматой кожей. (23) Между тем, крик усилился и стал раздаваться с более близкого расстояния, так как непрерывно подходившие отряды бежали бегом к продолжавшим все время кричать солдатам, отчего возгласы стали громче, поскольку кричащих становилось больше. (24) Тут Ксенофонт понял, что произошло нечто более значительное. Он вскочил на коня и в сопровождении Ликия и всадников поспешил на помощь. Скоро они услышали, что солдаты кричат «Море, море!» и зовут к себе остальных. Тут все побежали вперед, в том числе и арьергард, и стали гнать туда же вьючный скот и лошадей. (25) Когда все достигли вершины, они бросились обнимать друг друга, стратегов и лохагов, проливая слезы. И тотчас же, неизвестно по чьему приказу, солдаты нанесли камней и сложили большой курган. (26) На него возложили множество свежесодранных бычачьих шкур, палки и взятые у врагов плетеные щиты, причем сам вожак рубил щиты и побуждал других к тому же. (27) После этого эллины отпустили вожака домой, подарив ему из общественного имущества коня, серебряную чашу, персидскую одежду и 10 дариков; но он преимущественно просил перстней и набрал их много у солдат. Указав эллинам деревню, где они могли расположиться, и дорогу, по которой им надо было пройти к макронам,[35] он с наступлением вечера покинул их и скрылся.

Глава VIII

(1) Отсюда эллины прошли через страну макронов в три перехода 10 парасангов. В первый же день они пришли к пограничной реке, отделявшей землю макронов от земли скифинов. (2) По правую руку от них возвышались совершенно неприступные горы, а слева протекала другая река, в которую впадала река пограничная, и через эту последнюю реку

надлежало им пройти. Берега этой реки густо поросли деревьями, правда не толстыми, но частыми. Направляясь к реке, эллины рубили деревья, спеша как можно скорей уйти из этой страны. (3) Макроны, вооруженные щитами и копьями и в волосяных хитонах, выстроились на другом берегу напротив переправы. Они ободряли друг друга и бросали камни в реку, но не достигали эллинов и никому не причинили вреда.

(4) В это время к Ксенофонту подошел пельтаст, по его словам, некогда бывший рабом в Афинах, и сказал, что он знает язык этих людей. «Я думаю, — сказал он, — что это моя родина, и я хотел бы с ними переговорить, если к тому нет препятствий». (5) «Никаких препятствий нет, — сказал Ксенофонт, — переговори с ними и сперва узнай, кто они такие». На его вопрос они ответили: «Макроны». «Спроси теперь, — сказал Ксенофонт, — почему они выстроились против нас и ведут себя, как наши враги». (6) Они ответили: «Потому что вы идете на нашу страну». Стратеги приказали передать им, что эллины пришли не с тем, чтобы причинить им зло, но что они вели войну с царем и теперь, возвращаясь обратно в Элладу, стремятся дойти до моря. Макроны спросили, могут ли эллины поклясться в этом. (7) Стратеги ответили согласием дать и получить клятвы. Тогда макроны дали эллинам варварское копье, а эллины макронам — эллинское, так как по представлениям макронов в этом и состоит клятва. И, кроме того, обе стороны призывали в свидетели богов.

(8) После заключения договора макроны тотчас же, вместе с эллинами, стали рубить деревья и прокладывать дорогу, словно они имели намерение совершить переправу вместе с ними, и, кроме того, предоставили им в продажу какое могли продовольствие и вели их в течение 3 дней, пока не доставили к границе колхов.[36] (9) Там возвышались высокие горы и на них выстроились колхи. Сперва эллины построились против них в фалангу с тем, чтобы в этом строю взойти на гору, но потом стратеги решили собраться и обсудить, как лучше дать сражение.

(10) Ксенофонт сказал, что, по его мнению, надо распустить фалангу и образовать прямые лохи. Фаланга, несомненно, скоро расстроится, так как в одних местах подъем на гору окажется трудным, а в других — удобным, а когда солдаты фаланги заметят это, они, конечно, сразу падут духом. (11) «Кроме того, если мы двинемся вперед в плотном строю, — говорил Ксенофонт, — то неприятель сможет охватить нас и воспользуется этим преимуществом по своему усмотрению, а если мы пойдем вперед в широко растянутом строю, то не будет ничего удивительного, если наша фаланга будет прорвана ударами густой массы войск врага при содействии множества снарядов. А разрыв, даже если он произойдет в одном каком-нибудь месте, будет иметь дурные последствия для всей фаланги. (12) Поэтому я предлагаю построить прямые лохи и, оставя между ними надлежащие промежутки, занять лохами такое пространство, чтобы крайние лохи оказались за пределами флангов врагов. Таким образом наш фронт будет шире фаланги неприятеля и при наступлении прямыми лохами самые мужественные из нас придут первыми, и каждый лохаг поведет свой отряд по наиболее удобной дороге. (13) И, помимо того, неприятелю нелегко будет врезаться в промежутки между отрядами, так как он окажется стиснутым между двумя лохами и, конечно, ему также не под силу будет расколоть наступающий прямой лох. Если же какому-нибудь лоху придется туго, то соседний поможет ему. А если хоть одному лоху удастся взобраться на вершину, то никто из врагов там уже не удержится».

(14) Это предложение было принято, и войско построилось в прямые лохи. А Ксенофонт, проходя с правого фланга на левый, говорил солдатам: «Воины, те люди, которых вы видите перед собой, это последнее препятствие на нашем пути, препятствие, из-за которого мы еще не пришли туда, куда давно стремимся. Постараемся стереть их с лица земли».

(15) Когда каждый встал на свое место и образовались прямые лохи, то получилось около 80 лохов гоплитов, а каждый лох насчитывал примерно 100 человек. Пельтастов же

и стрелков разделили на три отряда, одних поставили вне левого, других вне правого крыла, а третьих в середине, причем каждый отряд состоял примерно из 600 человек. (16) Затем стратеги отдали приказ «на молитву». Вознеся молитву и запев пэан, двинулись вперед. Хирисоф, Ксенофонт и их пельтасты шли, находясь за пределами фаланги неприятеля. (17) Когда враги увидели эллинов, то побежали им навстречу и при этом разделились одни вправо, другие влево, и в середине их фаланги образовался большой разрыв. (18) Аркадские пельтасты под начальством Эсхина из Акарнании подумали, что враги бегут, они подняли крик, устремились вперед и первыми взошли на гору. За ними последовали аркадские гоплиты под начальством Клеанора из Эрхомен. (19) А враги, как только эллины перешли на бег, не выдержали и каждый побежал кто куда мог.

(20) Эллины, взойдя на гору, расположились в многочисленных деревнях, полных съестных припасов. Здесь, вообще говоря, не было ничего необыкновенного, кроме большого числа ульев, и все солдаты, вкушавшие мед, теряли сознание:[37] их рвало, у них делался понос, и никто не был в состоянии стоять на ногах, но съевшие немного меда походили на сильно пьяных, а съевшие много — на помешанных или даже умирающих. (21) Такое множество их лежало на земле, словно эллины потерпели здесь поражение в бою, и всеми овладело уныние. Однако на следующий день никто не умер и приблизительно в тот же час (когда они накануне поели меда) больные стали приходить в себя. На третий и четвертый день они встали, словно выздоровевшие после отравления.

(22) Отсюда они прошли в два перехода 7 парасангов и прибыли к морю в Трапезунт,[38] многолюдный эллинский город на Евксинском Понте, колонию Синопы в стране колхов. Там они пробыли около 30 дней в деревнях колхов, откуда делали набеги на Колхиду. (23) Базар лагерю предоставляли трапезунтцы, которые хорошо приняли эллинов и в знак гостеприимства послали им дары: быков, ячмень и вино. (24) Они

также содействовали им при заключении договоров с соседними колхами, жившими по большей части на равнине, и от тех тоже прибыли дары гостеприимства в виде рогатого скота.

(25) После этого эллины, согласно обету, приготовились к жертвоприношению. Они получили достаточно быков для заклания Зевсу за спасение, и Гераклу за счастливое путеводительство, и другим богам, согласно обету. Они также справили гимнический агон на той горе, на которой расположились, и выбрали устроителем бега и руководителем состязаний спартиата Драконтия, который еще ребенком убежал из дома, неумышленно убив мальчика ударом кинжала.

(26) После жертвоприношения содранные кожи передали Драконтию и приказали ему вести эллинов туда, где состоится состязание в беге.[39] Он показал на то место, где они тогда стояли, и сказал: «Этот холм со всех точек зрения лучше всего подходит для состязаний». «Разве можно, — спросили они, — бороться на такой неровной и покрытой зарослью почве?». (27) Он сказал: «Тем больнее будет тому, кто упадет». Мальчики, по большей части дети пленных, состязались в беге на 1 стадий, более 60 критян — в беге на дальнее расстояние; состязались в борьбе, в кулачном бою, в панкратии,[40] и зрелище было очень красивым. Поскольку в состязании участвовало много людей, а среди зрителей находились их друзья, то соревнование проходило с большим подъемом. (28) Состоялись также конские ристалища, причем состязающиеся должны были гнать коней по крутому склону холма к морю, повернуть назад и вновь вернуться к алтарю. При спуске многие скатывались вниз, а на подъеме кони из-за большой крутизны с трудом могли итти шагом. При этом было много крика, смеха и поощрительных возгласов.

КНИГА V

Глава I

(1) [О том, что совершили эллины во время похода вглубь страны вместе с Киром и во время отступления к морю — Понту Евксинскому — и как они прибыли в эллинский город Трапезунт и совершили жертвоприношение, согласно обету принести жертву за спасение там, где они впервые вступят на дружественную землю, — рассказано в предыдущих главах].

(2) Затем эллины собрались и совещались о дальнейшем пути. Первым выступил Леон из Фурий и сказал: «Воины, мне, право, надоело укладываться, снаряжаться, шагать, бежать, нести оружие, строиться, стоять на страже и сражаться. Я хочу освободиться от этих трудов и, поскольку мы достигли моря, остальную часть пути проплыть на корабле и приехать в Элладу, растянувшись подобно Одиссею».[1] (3) Выслушав эту речь, солдаты стали криками выражать свое одобрение. Еще один человек высказался в том же смысле, а за ним и все присутствующие. (4) Тогда выступил Хирисоф и сказал: «Воины, Анаксибий — мой друг, и он сейчас как раз состоит навархом.[2] Если вы пошлете меня к нему, то я надеюсь вернуться с триэрами и (грузовыми) судами, чтобы перевезти вас. И если только вы в самом деле хотите плыть, ждите моего возвращения, я быстро вернусь». Выслушав это, солдаты обра-

довались и постановили отправить Хирисофа в путь как можно скорее.

(5) После него выступил Ксенофонт и сказал: «Итак, Хирисоф отправляется за кораблями, а мы будем его дожидаться. Я скажу о том, что, по моему мнению, надлежит сделать, пока мы будем ждать его. (6) Прежде всего, надо достать продовольствие из вражеской страны, так как базара недостаточно и, кроме того, покупать нам не на что, за исключением немногих. А, между тем, страна здесь враждебная и поэтому многие из вас могут погибнуть, если вы отправитесь за продовольствием неосмотрительно и без достаточной охраны. (7) Поэтому я предлагаю добывать продовольствие путем совместных набегов, а вообще не слоняться по окрестностям; тогда вы останетесь невредимыми. Нам (стратегам) надо позаботиться об этом». Это было принято.

(8) «Слушайте дальше. Некоторые из нас наверно пойдут за добычей. Я думаю, что будет всего лучше, если желающий пойти заявит об этом и сообщит также, куда он отправится, чтобы мы были осведомлены и о числе ушедших и о числе оставшихся и могли бы оказать содействие этим приготовлениям, а в случае необходимости, если потребуется помощь, знали бы куда ее подать. Равным образом, если кто-нибудь из неопытных возьмется за это дело, мы совместно обсудим предприятие, пытаясь узнать силу тех, против кого они пойдут». Это тоже было принято.

(9) «Примите во внимание еще следующее, — сказал он, — враги имеют возможность совершать на нас набеги. И они правы, относясь к нам враждебно: ведь мы захватили их имущество. Поэтому они и подстерегают нас. Итак, я предлагаю выставить сторожевое охранение вокруг лагеря. Если мы по очереди будем сторожить и наблюдать за врагами, то им будет труднее охотиться за нами.

(10) «Подумайте еще вот о чем: если бы мы были уверены в том, что Хирисоф приведет корабли в достаточном количестве, то не было бы никакой необходимости говорить то, что

я скажу, но поскольку это неопределенно, я предлагаю, со своей стороны, попытаться достать корабли здесь на месте. Если он вернется не с пустыми руками, то мы, располагая уже кораблями, поплывем на большем количестве судов, если же он вернется ни с чем, то мы воспользуемся здешними судами. (11) Я часто вижу плывущие мимо корабли. Если мы, достав у трапезунтцев крупные суда, захватим их и, сняв рули, оставим корабли под стражей до тех пор, пока не наберется достаточное их количество, то легко может статься — у нас не будет недостатка в транспорте, в котором мы нуждаемся». Это также было принято.

(12) «Обдумайте, — продолжал он, — не следует ли из соображений справедливости кормить на общественный счет тех, кого мы захватим, все время, пока они будут страдать здесь из-за нас, а также назначить им по взаимному соглашению плату за перевоз, чтобы они, принеся нам пользу, также имели выгоду». И это было принято.

(13) «Но мне кажется, — сказал он, — на тот случай, если и это нам не удастся, т. е. не удастся заполучить достаточного количества кораблей, следует велеть приморским городам починить дороги, каковые, по слухам, находятся в плохом состоянии. Они послушаются из страха, а также для того, чтобы поскорее отделаться от нас».

(14) Тут стали кричать, что не надо итти по дорогам. Ксенофонт, видя их безрассудство, не поставил ничего на голосование, но убедил города добровольно починить дороги, говоря, что эллины уйдут скорее, если дороги будут в исправности. (15) От трапезунтцев они получили пентеконтеру и назначили лаконского периэка [3] Дексиппа ее начальником. Однако он и не подумал о ловле судов, но бежал и скрылся вместе с кораблем за пределы Понта. Впоследствии он получил за это возмездие: во Фракии у Севфа он повел какие-то интриги и был убит лаконцем Никандром. (16) Получили эллины и тридцативесельный корабль, начальником которого был назначен афинянин Поликрат, который приводил к лагерю все захваченные

им суда. Если на судах были товары, эллины выгружали их и приставляли к ним стражу, чтобы они были целы, а корабли употреблялись для плавания вдоль берегов. (17) В течение этого времени эллины ходили за добычей, одни успешно, другие нет. Клеайнет повел собственный и другой лох против недоступного укрепленного поселения и погиб вместе со многими другими из его отряда.

Глава II

(1) Когда уже больше нельзя было достать продовольствия с расчетом в тот же день вернуться в лагерь, Ксенофонт, взяв проводников из Трапезунта, одну половину войска повел на дрилов,[4] а другую — оставил охранять лагерь. Дело в том, что колхи, изгнанные из собственных домов, собрались в большом числе на горах и оттуда неотступно следили за эллинами. (2) Однако трапезунтцы не повели эллинов туда, где легко было достать продовольствие, так как люди, жившие там, были их друзьями. Но они с готовностью повели их на дрилов, которые причиняли им много хлопот, в местность гористую и малодоступную, против самого воинственного из припонтийских племен.

(3) Когда эллины пришли в горную местность, дрилы принялись жечь все те укрепленные поселения, которые, по их мнению, могли быть захвачены, а сами уходили. Поэтому здесь нечего было взять, кроме разве свиньи или коровы, или другой какой-либо скотины, спасшейся от огня. Но одно укрепленное место было их главным городом, и туда укрылись все дрилы. Вокруг города был очень глубокий овраг и подступ к городу был труден. (4) Пельтасты, ушедшие вперед от гоплитов стадий на 5 или 6, перешли через овраг, увидели много овец и других богатств и бросились на укрепленное место. За ними последовали многочисленные дорифоры,[5] которые вышли за продовольствием, так что перешедших через овраг было более 1000 человек. (5) Когда же они оказались не в силах с боем

овладеть укрепленным местом, так как оно было окружено широким рвом с валом и на валу возвышался частокол с поставленными близко друг от друга деревянными башнями, то они начали отступать. (6) Но тут враги напали на них. Поскольку отступление было невозможно, так как спуск с укрепленного места в овраг мог быть осуществлен только по одиночке, то они послали к Ксенофонту. Тот вел гоплитов. (7) Посланный сказал: «Укрепленное место полно всяких богатств. Но мы не можем ни взять его, так как оно сильно укреплено, ни отступить без потерь, так как враги сражаются, сделав вылазку из города, и отход затруднен».

(8) Выслушав это, Ксенофонт подвел войско к оврагу и приказал гоплитам остановиться, держа оружие наготове, а сам вместе с лохагами перешел через овраг и стал размышлять, что выгоднее — отвести ли обратно тех, кто уже переправился, или переправить гоплитов в надежде на захват города. (9) Он увидел, что отступление немыслимо без больших потерь. А лохаги считали взятие укрепленного места возможным, и Ксенофонт соглашался с ними, веря жертвенным предзнаменованиям, ибо гадатели объявили, что состоится сражение и исход его будет удачен. (10). Он послал лохагов за гоплитами, а сам остался на месте, отвел назад всех пельтастов и никому не позволял метать снарядов. (11) Когда подошли гоплиты, он приказал каждому лохагу построить свой лох так, как, по его мнению, всего выгоднее для ведения боя: те лохаги, которые всегда соревновались между собой в доблести, стояли по соседству друг с другом. (12) Они исполнили это, и Ксенофонт приказал всем пельтастам итти в бой, продев руку через ремень дротика, чтобы метнуть его по сигналу, а стрелкам — натянуть тетиву, чтобы по сигналу пустить стрелы; гимнетам он приказал наполнить сумки камнями. Он также разослал надежных людей, чтобы проверить выполнение приказа.

(13) Когда все было готово и лохаги, их помощники и те, кто считал себя ничем не хуже их, заняли свои места на виду

друг у друга, — в соответствии с рельефом местности строй имел форму полумесяца, — (14) тогда они запели пэан, затрубила труба, солдаты закричали «а-ля-ля!» в честь Энниалия и гоплиты бегом пустились вперед. В то же время полетели снаряды, дротики, стрелы, камни из пращей и очень много камней, брошенных от руки, а некоторые (солдаты) даже несли с собой огонь. (15) Из-за большого количества падавших снарядов враги оставили палисад и башни, и Агасий из Стимфалы, отбросив оружие, взобрался на вал в одном хитоне и втащил за собой другого, а некоторые солдаты сами взошли наверх, и укрепленное место, казалось, было уже взято.

(16) Пельтасты и легковооруженные тоже вбежали в город и начали грабить кто что мог. А Ксенофонт встал перед воротами и по мере сил препятствовал гоплитам входить внутрь города, так как на некоторых укрепленных пунктах на горах показались новые враги. (17) Спустя небольшой промежуток времени из внутренней части города послышался крик, и солдаты побежали оттуда, кое-кто с награбленным имуществом, а вскоре показались и раненые. У ворот произошла страшная давка. В ответ на вопросы бегущие рассказали, что внутри города имеется акрополь и многочисленные враги, сделав оттуда вылазку, бьют вошедших в город эллинов. (18) Тогда Ксенофонт приказал глашатаю Толмиду объявить, что всякий, желающий захватить добычу, может войти в город. Много солдат кинулось туда и, пробиваясь вперед, они победили сделавших вылазку врагов и снова загнали их в акрополь. (19) Все находившееся вне акрополя подверглось грабежу и было унесено эллинами. Гоплиты выстроились с оружием наготове, одни у вала с частоколом, другие на дороге, ведущей к акрополю. (20) А Ксенофонт и лохаги стали обсуждать, нельзя ли захватить акрополь, в каковом случае благополучный исход был бы обеспечен; иначе, казалось, отступление будет очень затруднено. Но в результате осмотра они пришли к заключению, что акрополь совершенно неприступен.

(21) Тогда стали готовиться к отступлению: каждый выры-

вал находившиеся около него колья палисада, а неспособных сражаться и всех, у кого была кладь, отослали, так же как и бо́льшую часть гоплитов и [лохаги] оставили на месте только тех, на кого вполне можно было положиться. (22) Когда они начали отступать, то из внутренней части города выбежала масса врагов с плетеными щитами и копьями, в поножах и пафлагонских шлемах, а другие взобрались на дома, стоявшие по обе стороны дороги к акрополю, (23) так что было не безопасно преследовать врагов к воротам, ведущим туда: они сбрасывали сверху большие бревна, и нельзя было без риска ни стоять на месте, ни отступать. Приближавшаяся ночь была страшна.

(24) Однако пока они сражались в трудных условиях, некий бог послал им средство к спасению. Внезапно, видимо от поджога, воспламенился дом на правой стороне дороги. Когда он рушился, все враги, находившиеся у домов на правой стороне улицы, бежали. (25) Как только Ксенофонт понял это указание судьбы, он приказал поджечь дома и с левой стороны дороги, и они быстро запылали, так как были деревянными. (26) Враги бежали и от этих домов. Теперь внушали опасение только враги, находившиеся у входа в акрополь, и было ясно, что они будут наседать при отступлении эллинов и при спуске. Тогда Ксенофонт приказал всем стоящим вне выстрелов солдатам сносить бревна в свободное пространство между эллинами и неприятелем. Когда бревен набралось достаточно, их подожгли; подожгли также дома у палисада, чтобы враги занялись ими. (27) Таким образом эллины, наконец, удалились из укрепленного места благодаря огненной преграде, отделившей их от врагов. Весь город сгорел: дома, башни, палисады и все прочее, кроме акрополя.

(28) На следующий день эллины с забранным продовольствием пошли обратно. Но так как они опасались спуска к Трапезунту, который был крутым и узким, то была устроена ложная засада. (29) Некий уроженец Мисии, носивший также имя Мис, с 10 критянами остался в густо заросшей местности

и сделал вид, будто он пытается спрятаться от врагов. Но их медные щиты просвечивали то тут, то там. (30) При виде этого враги испугались, предполагая засаду, а войско тем временем спустилось в равнину. Когда Мису показалось, что войско уже удалилось на достаточное расстояние, он подал знак бежать изо всех сил. Он сам поднялся и побежал, а также и бывшие с ним солдаты. (31) Критяне, которых, по их словам, враги стали настигать, уклонились с дороги в лес и, скатившись в овраг, спаслись, а Мис бежал по дороге и кричал, прося о помощи. (32) Ему помогли и подняли его раненым. Оказавшие ему помощь сами отходили лицом к врагу и под снарядами, а некоторые критяне отстреливались из луков. Таким образом все спаслись и прибыли в лагерь.

Глава III

(1) Поскольку Хирисоф не возвращался и налицо не было достаточного количества кораблей, да и продовольствие больше неоткуда было доставать, эллины решили итти дальше пешим порядком. На корабли погрузили больных, тех, кому было свыше 40 лет, детей, женщин и все вещи, без которых можно было обойтись. Посадили на корабли и старших стратегов Филесия и Софенета и велели им заботиться о плывущих. Остальные пошли пешком, так как дорога была исправлена. (2) На третий день похода эллины пришли в Керасунт [6] — эллинский город на берегу моря, колонию Синопы в Колхиде. (3) Там они пробыли 10 дней и произвели смотр и подсчет войска, причем налицо оказалось 8600 человек. Эти спаслись, а остальные погибли в борьбе с неприятелем, от холода и разных болезней.

(4) Тут они разделили деньги, полученные от продажи пленных. Для Аполлона и Артемиды Эфесской они отделили десятую часть,[7] и каждый из стратегов получил известную долю (этих денег), чтобы сохранить ее для богов. За Хирисофа деньги получил Неон из Асины. (5) Ксенофонт [8] (на эти деньги)

изготовил приношение Аполлону и поместил его в сокровищницу афинян [9] в Дельфах, начертав на нем свое имя и имя Проксена, погибшего вместе с Клеархом; Ксенофонт ведь был связан с ним узами гостеприимства. (6) Часть, предназначенную для Артемиды Эфесской, Ксенофонт, когда он вместе с Агесилаем удалился из Азии,[10] направляясь в поход против Беотии и предполагая, что ему грозит опасность, оставил у Мегабиза, неокора[11] Артемиды, и велел Мегабизу возвратить эти деньги, если Ксенофонт останется жив, если же с ним случится какое-нибудь несчастье — посвятить их Артемиде, изготовив для нее то, что, по его мнению, будет угодно богине.

(7) Когда Ксенофонт стал изгнанником [12] и поселился благодаря лакедемонянам в Скиллунте [близ Олимпии], Мегабиз в числе других зрителей [13] прибыл в Олимпию и передал Ксенофонту вверенное ему на хранение. Приняв деньги, Ксенофонт купил для богини небольшой участок земли по указанию бога. (8) Получилось замечательное совпадение, так как через этот участок протекает река Селинунт, и в Эфесе около храма Артемиды протекает река того же названия, и в обеих реках есть рыба и раковины. Но на участке у Скиллунта, кроме того, можно охотиться на всевозможных, пригодных для охоты зверей. (9) На предназначенные для богини деньги Ксенофонт также построил алтарь и храм и с этого времени всегда выделял десятую часть плодов с полей и приносил ее в жертву богине, причем все местные граждане и окрестные жители, как мужчины, так и женщины, принимали участие в празднестве. Участников празднества на средства храма снабжали ячменем, пшеничным хлебом, вином, плодами и долей мяса как от жертвенных животных со священных пастбищ, так и от зверей, убитых на охоте. (10) Дело в том, что ко дню празднества сыновья Ксенофонта и других граждан устраивали охоту и в ней участвовали по желанию и взрослые мужчины. На животных, а именно на кабанов и оленей, охотились частью на самом священном участке, частью на горе Фолое.

(11) Этот участок расположен на проезжей дороге из Лакедемона в Олимпию и отстоит от храма Зевса в Олимпии примерно на 20 стадий. В пределах священного участка имеются луг и лесистые горы, где находят себе корм свиньи, козы и коровы, а также кони, так что и вьючный скот приезжающих на праздник гостей пасется там. (12) А вокруг самого храма посажена роща из фруктовых деревьев, плоды которых, когда они зрелы, съедобны. Храм в малых размерах повторяет великий эфесский храм,[14] а сделанная из кипарисового дерева статуя богини походит на золотую статую в Эфесе. (13) Около храма стоит стела [15] с надписью: «Священный участок Артемиды. Владелец, собирающий с него доходы, обязан ежегодно приносить в жертву богине десятую их часть, а из остальных средств содержать храм. Если он этого не исполнит, ему воздаст богиня».

Глава IV

(1) Прибывшие в Керасунт морем отправились оттуда дальше таким же путем, а остальные пошли по суше. (2) Когда они подошли к границе моссинойков,[16] то послали к ним трапезунтца Тимеситня, который был проксеном[17] последних, с вопросом — итти ли им через их область как через страну дружественную или как через страну враждебную. Моссинойки ответили, что не пропустят эллинов. Они полагались на неприступность своих укрепленных мест. (3) Тогда Тимеситий сообщил, что моссинойки, живущие по ту сторону гор, враги этим моссинойкам. Решено было связаться с ними и узнать, не согласны ли они заключить союз. Тимеситий отправился к ним и вернулся с их предводителями. (4) Тогда предводители моссинойков сошлись со стратегами эллинов и Ксенофонт сказал следующее, а Тимеситий переводил: «Моссинойки, мы хотим вернуться в Элладу пешком, так как у нас нет кораблей, но нам преграждают путь те люди, которые, как мы слышали, являются и вашими врагами. Если хотите, то вы можете стать нашими союзниками, отомстить им за все когда-либо нанесенные

вам обиды и на будущее время подчинить их себе. (7) Если, однако, вы откажетесь от нас, то подумайте только, (8) откуда в другой раз к вам явится на помощь такая воинская сила?». (9) На это глава моссинойков ответил, что они согласны и принимают союз. «Итак, — сказал Ксенофонт, — скажите, чем мы можем быть вам полезны, когда станем вашими союзниками, и сами вы, чем вы в состоянии помочь нам при прохождении через эту страну?». (10) Они ответили: «Мы можем вторгнуться во враждебную нам обоим область с противоположной стороны, а сюда прислать вам лодки и людей, которые помогут вам и укажут дорогу». (11) Дав и получив в этом клятву, они удалились. А на следующий день они прибыли на 300 долбленых лодках, причем в каждой лодке находилось по три человека. Двое из них высаживались на берег и строились в боевом порядке, а один человек оставался в лодке. (12) Последние отплыли, а оставшиеся построились следующим образом. Они встали рядами, самое бо́льшее по 100 человек в ряд, подобно тому, как стоят друг против друга хоры,[18] причем каждый имел при себе щит, покрытый белой косматой воловьей кожей, похожий на лист плюща, а в правой руке — копье, длиной примерно в 6 локтей, с острием на одном конце; на другом конце древко имело форму шара. (13) На них были короткие хитоны, не доходившие до колен, плотные как холщевые мешки, а на головах кожаные шлемы вроде пафлагонских, с гребнем посередине, очень похожие на тиару; у них были также железные секиры. (14) Один из них начал петь, и все двинулись вперед, шагая в такт распеваемой песне. Пройдя сквозь ряды эллинских гоплитов, они прямо устремились на врагов, на то укрепленное место, которое казалось наиболее доступным для нападения.

(15) Последнее было расположено впереди города, называвшегося главным городом моссинойков, где находился и их акрополь. Из-за него-то и происходила война, так как считалось, что владеющие акрополем являются тем самым и господами всех моссинойков, а передавали, будто теперешние его

обладатели владели им не по праву, но пользовались преимуществом, захватив силой это общее достояние.

(16) За варварами последовали и некоторые эллины, но не по приказанию стратегов, а ради грабежа. Враги держались спокойно до тех пор, пока моссинойки не приблизились. Когда же те подошли к укреплению, враги сделали вылазку, обратили их в бегство и убили много варваров и нескольких сопутствовавших им эллинов и преследовали их до тех пор, пока не увидели идущее на помощь эллинское войско. (17) Тогда они повернули назад и стали уходить, отрезав головы убитых; они показывали головы эллинам и своим врагам и в то же время плясали под звуки какого-то напева. (18) А эллины очень досадовали на то, что враги теперь станут еще смелее и что их товарищи, сопровождавшие моссинойков, побежали вместе с ними, хотя их и было много. Ничего подобного еще не случалось за все время похода.

(19) Ксенофонт созвал поэтому эллинов и сказал: «Воины, не печальтесь по случаю этого происшествия, из которого для нас произойдет не меньше добра, чем зла. (20) Прежде всего, вам теперь известно, что варвары, готовые вести нас, действительно являются врагами тех, с которыми и мы по необходимости враждуем. Затем и те эллины, которые презрели нашу военную тактику и предполагали, что бок о бок с варварами они совершат такие же дела, какие они совершали вместе с нами, получили возмездие; в другой раз они не так-то легко покинут наши ряды. (21) Однако вам теперь надлежит быть наготове, чтобы доказать дружественным нам варварам ваше преимущество перед ними, а враждебным моссинойкам, — что они теперь будут сражаться с людьми совсем иного склада, чем солдаты, с которыми они бились, когда те не были в строю».

(22) Этот день они провели таким образом, а на следующий, совершив жертвоприношение и получив благоприятные предзнаменования, позавтракали, построились прямыми лохами, поместив варваров в таком же строю на левом крыле, и высту-

пили, имея стрелков между лохами, немного отступя от фронта гоплитов. (23) Дело в том, что легковооруженные из войска врагов сбегали вниз и метали камни. Лучники и пельтасты отгоняли их, а остальные шли размеренным шагом прямо на то укрепление, откуда накануне были отбиты варвары и те, что были с ними, так как там враги построились, ожидая эллинов. (24) Варвары выдержали натиск пельтастов и вступили с ними в бой, но когда подошли гоплиты, они повернули вспять. Пельтасты тотчас же стали их преследовать вверх к городу, и гоплиты шли за ними, оставаясь в строю. (25) Когда эллины взошли наверх и оказались у домов главного города, все собравшиеся здесь воедино враги вступили в бой и стали бросать дротики, а те, у кого были другие, очень толстые и длинные копья, какие едва в состоянии поднять один человек, пытались защищаться ими, не выпуская их из рук. (26) Но поскольку эллины не отступили и продолжали итти вперед, варвары бежали также и из этого пункта и оставили его, предварительно предав огню. А их царь, который пребывал в деревянной башне, построенной на самом высоком месте города, причем моссинойки кормят его на общественный счет, пока он сидит там под охраной, не захотел покинуть ее, так же как и тот (царь), который находился в прежде взятом укреплении, и оба сгорели там вместе с деревянными башнями.

(27) Эллины при грабеже укрепленных мест нашли в домах запасы хлеба, по словам моссинойков, заготовленные с прошлого года по заветам отцов, а новый хлеб, — по большей части полба, — лежал у них в стебле. (28) В амфорах была обнаружена солонина из мяса дельфинов [19] и в различных сосудах дельфинья ворвань, которую моссинойки употребляют так же, как эллины оливковое масло. (29) На крышах лежало много плоских каштанов без поперечных стенок. Моссинойки употребляли их в большом количестве в пищу, отваривая их и выпекая из них хлеба. Встретилось и вино, которое в несмешанном виде показалось кислым и горьким, но разбавленное водой имело приятный запах и вкус.

(30) Эллины подкрепились там пищей и пошли дальше, передав укрепленное место своим союзникам моссинойкам. Все легко доступные укрепленные места сторонников враждебных эллинам моссинойков при походе эллинов либо оставлялись жителями, либо добровольно сдавались. (31) А бо́льшая часть укрепленных мест была именно такова. Они отстояли друг от друга стадий на 80, одни больше, другие меньше. Жители их перекликаются между собой, и крик слышен от одного города до другого, — до такой степени эта страна изобилует возвышенностями и глубокими ущельями. (32) При проходе через страну дружественных моссинойков эллинам показали откормленных сыновей богатых родителей, упитанных вареными каштанами, изнеженных, чрезвычайно белых и почти одинаковых в вышину и ширину; спины их размалеваны, а спереди они сплошь покрыты татуированными цветами. (33) Они хотели на виду у всех сойтись с гетерами, которых вели с собой эллины, ибо таков у них обычай. Все, как женщины, так и мужчины, у них белы. (34) Эллины, совершавшие поход, говорили о моссинойках, что это самый варварский из всех народов, через земли которых они проходили, и наиболее чуждый эллинским обычаям. Ибо они делали на людях то, что другие совершают только наедине, а наедине вели себя так, как другие ведут себя на людях: разговаривали и смеялись сами с собой и плясали где попало, словно показывая свое искусство другим.

Глава V

(1) Страну моссинойков, как враждебную, так и дружественную, эллины прошли в восемь переходов и прибыли к халибам. Халибы немногочисленны и подвластны моссинойкам, и живут они преимущественно добыванием и обработкой железа. (2) Оттуда эллины пришли к тибаренам.[20] Страна тибаренов гораздо более плоская, и в ней есть расположенные у моря не очень сильно защищенные поселения. Стратеги хотели напасть

на них и отдать их солдатам на грабеж, и потому они не приняли подарков, присланных тибаренами, но, приказав послам обождать результатов совещания, принесли жертвы. (3) Однако после многократных жертвоприношений все прорицатели в конце концов объявили, что боги решительно не одобряют войны. Поэтому стратеги приняли подарки и, проходя в течение 2 дней по этой стране как стране дружественной, прибыли в эллинский город Котиору,[21] колонию Синопы в стране тибаренов.

(4) [До этих мест войско шло пешком. Длина пути отступления от места битвы под Вавилоном до Котиор составляет сто двадцать два перехода — 620 парасангов, или 18 600 стадий; количество потраченного на этот путь времени равняется 8 месяцам].

(5) Здесь эллины пробыли 45 дней. В течение этого времени они сперва принесли жертвы богам и устроили торжественные шествия [22] по отдельным эллинским народностям и гимнастические состязания. (6) Что касается до продовольствия, то они брали его частично из Пафлагонии,[23] а частично из области котиоритов, так как те не открыли им базара и даже не приняли в город больных.

(7) В это время прибыли послы из Синопы,[24] вследствие опасений как за город котиоритов, принадлежавший им и плативший им дань, так и за их область, о которой они слышали, будто она опустошается.

(8) Придя в лагерь, они начали говорить, и Гекатоним, который считался хорошим оратором, сказал: «Воины, нас послал город Синопа с поручением восхвалить вас как эллинов, победивших варваров, а также принести вам поздравления по случаю того, что, пройдя, как мы слышали, через многочисленные и тяжелые испытания, вы спаслись и явились сюда. (9) Так как мы тоже эллины, то надеемся видеть с вашей стороны доброе, а никак не дурное отношение, тем более что мы никогда не начинали враждебных действий против вас. (10) Эти вот котиориты наши колонисты; мы передали им эту область,

отняв ее у варваров. За это они платят нам положенную дань, как делают это и жители Керасунта и Трапезунта, и поэтому всякую нанесенную им обиду город синопцев примет на свой счет.

(11) «Между тем, до нас дошли слухи, будто вы силой вошли в город и некоторые из вас поселились там в домах и будто вы силой, без разрешения, берете из области то, в чем нуждаетесь. (12) Этого мы не одобряем, и если это будет продолжаться, то нам придется заключить союз с Корилой,[25] с пафлагонцами и со всеми, с кем только будет возможно».

(13) Ксенофонт выступил и ответил на это от лица всего войска: «Граждане Синопы, мы радуемся, что пришли сюда, сохранив хотя бы только свою жизнь и оружие. Ведь нет никакой возможности везти и нести имущество и одновременно сражаться с врагами. (14) Когда мы пришли в эллинские города, например в Трапезунт, где нам предоставили базар, мы покупали продовольствие за деньги, а в ответ на оказанное нам уважение и из благодарности за отпущенные войску подарки, мы со своей стороны почитали их (трапезунтцев) и держались вдали от тех варваров, с которыми они дружили. А их врагам, против которых они нас водили, мы, по мере сил, причиняли зло. (15) Спросите у них самих, что они о нас думают, так как в нашей среде есть люди, посланные с нами по дружбе из Трапезунта в качестве проводников. (16) Если мы приходим куда-нибудь, где не располагаем базаром, будь то варварская или эллинская земля, мы сами берем продовольствие, но не из заносчивости, а по необходимости. (17) С кардухами, таохами и халдеями, хотя они не подвластны царю и очень сильны, мы все же обращались как с врагами, так как необходимо было захватить продовольствие, а они не открывали нам базара. (18) Но макронов, хотя они и варвары, мы считали своими друзьями, так как они предоставили нам какой могли базар, и мы не захватили силой ничего, им принадлежащего.

(19) «А если мы забрали кое-что у котиоритов, которых вы считаете своими, то они сами в этом виноваты, так как они

отнеслись к нам не по-дружески и, закрыв ворота, не приняли нас в город, а также не выслали продовольствия за городские стены. А ссылались они при этом на приказ назначенного вами гармоста.[26] (20) Что же касается до твоих слов о том, будто мы вошли в город силой и расположились в домах, то мы ведь только просили принять больных под крышу, но поскольку котиориты не открыли ворот, мы сами вошли в город там, где имелся доступ, но в остальном не совершили никаких насилий. Больные, поместясь в домах, живут за собственный счет, а мы сторожим ворота, чтобы наши больные не зависели от вашего гармоста и мы могли взять их обратно, когда захотим. (21) А мы, остальные, расположились, как вы видите, под открытым небом и на военном положении, готовые отплатить добром тем, кто хорошо с нами обойдется, и отомстить причиняющим нам зло.

(22) «Что же до твоих угроз, будто у вас имеются намерения заключить против нас союз с Корилой и пафлагонцами, то мы, если это будет неизбежно, сразимся с теми и другими; ведь мы уже сражались с гораздо более многочисленными врагами, чем вы. (23) Но если мы решим подружиться с пафлагонцем, а мы слышали, что он зарится на ваш город и приморские поселения, то мы постараемся заручиться его дружбой, содействуя ему в его предприятиях».

(24) Тут прибывшие с Гекатонимом стали явно выказывать свое неудовольствие его (Гекатонима) речью, и один из них выступил и сказал, что они пришли не воевать, но с тем, чтобы доказать свою дружбу. «И если вы придете в город синопцев,— говорил он, — то мы там пришлем вам дары гостеприимства, а сейчас прикажем здешним жителям выдать вам, что они смогут; мы ведь видим: все, что вы говорите, — правда». (25) После этого котиориты прислали подарки, а стратеги эллинов оказали гостеприимство послам Синопы, и они много и дружелюбно беседовали друг с другом о разных вещах и, между прочим, старались получить сведения об остальном пути и о взаимных нуждах.

Глава VI

(1) Этот день окончился таким образом. На следующий день стратеги созвали солдат на сходку и решили пригласить на нее синопцев и совещаться с ними об остальной части пути. Они полагали, что в случае, если придется итти пешком, синопцы будут полезны своим знакомством с Пафлагонией, а если путешествие будет совершено по морю, то эллины, повидимому, еще сильнее будут нуждаться в синопцах, так как, по мнению стратегов, только они одни были бы в состоянии предоставить корабли для переброски войска в достаточном количестве. (2) Итак, пригласив послов, они стали совещаться с ними и, прежде всего, попросили их как эллинов доказать свое расположение к эллинам и подать им самый лучший совет.

(3) Гекатоним поднялся и, прежде всего, стал оправдываться в своих словах относительно намерения синопцев заключить союз с пафлагонцами, поясняя, что он сказал это, не имея в виду войны с эллинами, но желая подчеркнуть, что при возможности заключить союз с варварами, они предпочитают союз с эллинами. А когда попросили его дать эллинам совет, он помолился и сказал: (4) «Если я дам вам совет по моему разумению действительно самый лучший, то пусть и на мою долю выпадет всяческое благополучие; если же я обману вас, то да случится обратное, так как я полагаю, что пословица „совет — дело священное“ особенно приложима к настоящему случаю. Ведь если я дам хороший совет, то многие будут хвалить меня, а если я дам совет плохой, то многие из вас меня проклянут. (5) Я понимаю: на нашу долю выпадет гораздо больше хлопот, если вы поедете морем; ведь в таком случае доставать корабли придется нам. Если же вы отправитесь по суше, то сражаться будете вы. (6) И все же я выскажусь согласно своему убеждению, как человек, знакомый со страной пафлагонцев и с их силой. А в этой стране есть как прекраснейшие равнины, так и чрезвычайно высокие горы.

(7) «Прежде всего, мне известно, где надлежит совершить вторжение в страну. Существует только один проход, а именно тот, где по обе стороны дороги поднимаются высокие горные вершины. Заняв этот проход, можно удержать его при помощи незначительного отряда, а после того как он будет занят, здесь не сумеет пройти и весь род человеческий. Я мог бы показать его вам, если бы вы согласились послать со мной кого-нибудь.

(8) «Затем я знаком и с пафлагонскими равнинами и с пафлагонской конницей, которую сами варвары считают лучшей во всей коннице царя. Совсем недавно они даже не явились на зов царя, так как их вождь слишком для этого горд.

(9) «Допустим, что вы сумеете занять горный проход тайно или опередив неприятеля и на равнине победите в сражении их конницу и пехоту, численностью более чем в 120 000 человек,— тогда вы придете к рекам, и в первую очередь к Фермодонту, шириной в 3 плетра. Эту реку, по моему мнению, трудно перейти даже тогда, когда перед вами не стоят многочисленные враги и одновременно такое же их количество не преследует вас с тыла. Вторая река — Ирис, шириной также в 3 плетра. Третью реку, Галис, шириной не менее 2 стадий, вы не сумеете перейти без судов. А кто вам их даст? Равным образом непроходим и Парфений, к которому вы придете, если переправитесь через Галис.

(10) «Итак, я считаю пеший поход не только трудным для вас, но и совершенно невозможным. Если же вы поедете морем, то отсюда вы сможете доплыть до Синопы, а из Синопы до Гераклеи.[27] А из Гераклеи можно без всяких затруднений продолжать путь как пешком, так и по морю, так как в этом городе немало кораблей».

(11) Выслушав эту речь, некоторые эллины заподозрили его в том, что он говорит таким образом из дружбы к Кориле— он был его проксеном, — а другие думали даже, что он дал подобный совет в надежде получить подарки. А иные предполагали, что он имел в виду помешать эллинам во время

пешего похода опустошить область Синопы. Но все же эллины постановили совершить путешествие по морю. (12) После этого Ксенофонт сказал: «Синопцы! Эллины выбрали путь по вашему совету. Но дело обстоит следующим образом: если наберется достаточно кораблей для того, чтобы забрать всех до последнего человека, то мы поплывем, но если одним можно будет плыть, а другим придется остаться здесь, то мы не сядем на корабли. (13) Мы ведь знаем, что когда наша сила не раздроблена, мы можем отстоять себя и достать продовольствие, но если только мы с малыми силами будем противостоять врагам, то, конечно, нам будет грозить рабская доля». Тогда синопцы попросили отправить послов в их город. (14) Послали аркадянина Каллимаха, афинянина Аристона и ахейца Самола, и они отправились в путь.

(15) В это время Ксенофонт, у которого перед глазами были многочисленные эллинские гоплиты, пельтасты, лучники, пращники и всадники, благодаря упражнению ставшие весьма искусными в своем деле, причем все это войско находилось у Понта, где немало средств надо было потратить на сбор и подготовку такой воинской силы, пришел к мысли, что не худо было бы основать город, приумножив таким образом владения и могущество Эллады. (16) Сопоставляя численность войска и количество припонтийского населения, он думал, что город мог бы получиться значительный. По этому случаю Ксенофонт, ничего не говоря солдатам, позвал бывшего прорицателя Кира, Силана из Амбракии, и принес жертву. (17) А Силан испугался, что это предприятие осуществится и войско застрянет где-нибудь, и пустил слух среди солдат, что Ксенофонт хочет оставить войско здесь, основать город и приобрести таким образом славу и могущество. (18) Дело в том, что сам Силан хотел как можно скорей возвратиться в Элладу, так как он сохранил те (3000 дариков), которые получил от Кира, когда принес для него жертву и сказал правду относительно 10 дней.

(19) Когда этот слух дошел до солдат, то некоторые из них склонились к тому, чтобы остаться, но большинство было против. Тимасий-дарданец и Форакс-беотиец сказали находившимся тут же гераклейским и синопским купцам, что если они не добудут денег на жалованье войску, чтобы солдаты могли запастись продовольствием перед отплытием, то такая огромная воинская сила, пожалуй, решится остаться у Понта. «Ведь Ксенофонт хочет, — говорили они, — и нас подговаривает к тому же — неожиданно объявить войску, когда прибудут корабли: (20) «Солдаты, мы знаем, в каком затруднении вы сейчас находитесь, как относительно того, что касается закупки продовольствия на морское путешествие, так и принимая во внимание, что, возвращаясь домой, вы хотели бы привезти что-нибудь своим домашним. Поэтому, если вы решите овладеть любой из припонтийских областей по вашему выбору с тем, чтобы желающим вернуться на родину была предоставлена эта возможность, а предпочитающие остаться здесь могли бы осуществить это желание, то вот вам корабли для внезапного нападения на любую местность».

(21) Купцы передали эти речи городам, а Тимасий-дарданец послал вместе с ними Эвримаха, тоже дарданца, и Форакса-беотийца для подтверждения сказанного. Тогда синопцы и гераклейцы направили гонцов к Тимасию и просили его принять в подарок деньги и позаботиться об отплытии войска. (22) Он был чрезвычайно этому рад и на собрании солдат сказал: «Воины, нечего и помышлять о том, чтобы остаться здесь. Элладу надо ставить превыше всего. Однако до меня доходят слухи, будто некоторые лица, ничего нам не сообщая, приносят жертвы по этому поводу. (23) Если вы решите уйти, то я обещаю платить каждому из вас жалованье по кизикину [28] в месяц, начиная с новолуния. Я повезу вас в Троаду, откуда я был изгнан, и мой город поможет вам, так как он охотно примет меня обратно. (24) А я сам поведу вас туда, где вы сумеете обогатиться. Ведь я хорошо знаком с Эолидой, Фригией, Троадой и со всей областью, подвластной Фарнабазу, отчасти потому,

что я оттуда родом, а отчасти из-за того, что я воевал там вместе с Клеархом и Деркиллидом».[29]

(25) Тотчас же выступил беотиец Форакс, который враждовал с Ксенофонтом из-за стратегии и сказал, что когда они покинут Понт, то перед ними откроется Херсонес — страна прекрасная и богатая, — и желающие смогут поселиться там, а другие — поехать домой. Ведь смешно выискивать место для поселения в варварской стране, когда в Элладе земли много и притом плодородной». (26) «А до тех пор, — сказал он, — пока вы туда не прибудете, я, подобно Тимасию, обещаю платить вам жалованье». Он сказал это, зная об обещании, данном Тимасию гераклейцами и синопцами на случай отплытия войска. А Ксенофонт в это время молчал.

(27) Но вот выступили ахейцы, Филесий и Ликон, и сказали, что нехорошо было со стороны Ксенофонта частным образом убеждать солдат и приносить жертву по поводу поселения, ничего не говоря об этом на собрании.

(28) Таким образом, Ксенофонт был вынужден выступить и сказать следующее: «Воины, я всегда, как вам известно, приношу по мере возможности жертвы и за вас и за самого себя, с целью всегда говорить, задумывать и совершать то, что может послужить к вашей и моей пользе и славе. Точно также и сейчас: принеся жертву, я хотел узнать, следует ли сообщить вам о моем плане и действовать в этом направлении, или вообще не браться за это дело. (29) Прорицатель Силан объявил мне — и это всего важнее, — что жертвы благоприятны; он ведь знал, что и я, постоянно присутствуя при жертвоприношениях, имею в этом деле некоторый опыт. Силан еще прибавил, что жертвы указывают также на обман и козни, — он ведь, конечно, был осведомлен о своем замысле оклеветать меня перед вами. Ведь это он пустил слух, будто я уже решил выполнить свое намерение, не спросив вас. (30) В самом деле, если бы я заметил, что вы находитесь в затруднительном положении, то стал бы размышлять, как помочь вам захватить город, с тем, чтобы каждый мог по своему желанию отплыть

домой или остаться здесь до тех пор, пока он не соберет достаточно средств для содержания своей семьи. (31) Но поскольку я вижу, что гераклейцы и синопцы посылают вам корабли для отплытия и находятся люди, которые обещают платить вам жалованье, начиная со следующего месяца, то я нахожу великолепной эту открывшуюся перед вами возможность уехать в желательном для вас направлении и притом еще получить плату за свое спасение. Поэтому я и сам отбрасываю от себя всякие помыслы об этом проекте и советую поступить так же всем тем, кто приходил ко мне и говорил о необходимости привести этот план в исполнение.

(32) «Ведь мое мнение сводится к тому, что когда все наше большое войско находится вместе, как это имеет место сейчас, то вы пользуетесь уважением и располагаете продовольствием потому, что сильный может распоряжаться имуществом слабого. Если же наши силы будут раздроблены на мелкие отряды, то вы не сумеете ни достать пропитания, ни спокойно уйти домой. (33) Поэтому я, подобно вам, стою за возвращение в Элладу, но если кто-нибудь будет уличен в намерении покинуть нас прежде, чем все войско будет в безопасности, то я предлагаю предать его суду как преступника. Кто согласен с этим, — сказал он, — пусть поднимет руку». Все подняли руки.

(34) А Силан начал кричать и доказывать, что справедливость требует отпустить желающих домой. Но солдаты не хотели ничего слышать об этом и грозили подвергнуть его наказанию, если его поймают при попытке улизнуть. (35) Когда гераклейцы узнали о состоявшемся решении, причем сам Ксенофонт подал за это свой голос, то они прислали корабли, а в отношении тех денег, которые были обещаны Тимасию и Фораксу [на жалованье], — обманули. (36) Поэтому те, кто обещал платить жалованье, находились в страхе перед войском. Захватив с собой других стратегов, с которыми они в этом деле действовали сообща, — а это были все, кроме Неона из Асины, замещавшего еще не вернувшегося

Хирисофа, — они пришли к Ксенофонту и заявили о своем раскаянии и в то же время высказались в том смысле, что поскольку имеются корабли, лучше всего было бы плыть к Фазису и захватить страну фазиан.[30] (37) Там царствовал тогда потомок Аэта. Но Ксенофонт ответил, что он не взял бы на себя сказать об этом войску. «Но вы, — добавил он, — если хотите, соберите солдат и объявите об этом». Тогда Тимасий из Дарданы посоветовал не созывать собрания, но сперва попытаться убедить своих лохагов. Разойдясь, они так и поступили.

Глава VII

(1) Солдаты, конечно, узнали об этих волнениях, и Неон сказал им, что Ксенофонт, переубедив других стратегов, замышляет обманом повести солдат обратно к Фазису. (2) Тут солдаты вознегодовали, стали собираться на сходки и отдельными группами, и можно было опасаться, что они поступят так же, как уже однажды поступили с послами колхов и агораномами [которые, за исключением успевших спастись по морю, были побиты камнями].[31] (3) Когда Ксенофонт узнал об этом, он решил немедленно созвать их на собрание, не позволяя им сходиться самочинно, и приказал глашатаю оповестить об этом. (4) И солдаты, по призыву глашатая, собрались с полной готовностью. Тогда Ксенофонт, не упоминая о приходе к нему стратегов, сказал только следующее: (5) «Воины, до меня дошло, что кто-то пустил обо мне клевету, будто я обманом собираюсь вести вас к Фазису. Во имя богов выслушайте меня и если вы убедитесь в моей вине, то пусть я не сойду с этого места, не понеся наказания; если же вы убедитесь в том, что виновны мои клеветники, то пусть их постигнет заслуженная ими кара. (6) Вы, — сказал он, — конечно, знаете, где восходит солнце и где оно заходит, и равным образом вам известно, что желающий отправиться в Элладу должен ехать на запад, а желающий отправиться к варварам должен ехать в обратном направлении,

— на восток. Разве есть на свете такой человек, который мог бы обмануть вас, рассказывая, что солнце восходит там, где оно заходит, и заходит там, где оно восходит? (7) Вам известно также, что Борей несет корабли из Понта в Элладу, а Нот — во внутренние районы Понта, к Фазису, почему мы обычно и говорим, что ,,хорошо плыть в Элладу, когда дует Борей". Разве мыслимо в таком случае обманом посадить вас на корабли, когда дует Нот?[32] (8) Правда, я мог бы сделать это во время безветрия. Однако ведь мне предстоит плыть на одном, а вам, по крайней мере, на 100 кораблях. Каким же образом я мог бы силой или обманом заставить вас плыть со мной против вашего желания? (9) Предположим, однако, что вы, обманутые и околдованные мной, прибываете к Фазису. И вот мы сходим на землю. Вы, конечно, догадаетесь, что это не Эллада, и я, обманщик, окажусь один среди вас, обманутых, примерно 10 000 вооруженных людей. Каким другим, более действительным способом может человек навлечь на себя наказание, если он подобным образом будет распоряжаться собой и вами?

(10) «Все это болтовня людей невежественных и завидующих мне потому, что я пользуюсь у вас уважением. Однако они, казалось бы, неправы, завидуя мне. В самом деле, кому из них я препятствую высказаться, если он может дать полезный для вас совет, или сражаться, когда он этого пожелает, за вас и за самого себя, или, наконец, бдительно охранять вашу безопасность? Мало того, разве при выборе начальников я кому-нибудь мешаю? Нет, я уступаю, пусть себе начальствует, только бы была от этого польза для вас. (11) Впрочем, достаточно говорить об этом. Но если кто-либо из вас считает, что он или кто-нибудь другой может быть обманут в этом деле, то пусть он выступит и пояснит нам свою мысль. (12) Однако, если мои слова вас удовлетворяют, то не расходитесь, не выслушав, какие непорядки, по моему мнению, начинают проникать в войско. Если они действительно таковы, какими кажутся, и если они распространятся среди войска, то тогда

в самом деле настанет пора нам самим обсудить собственное положение, чтобы не оказаться величайшими преступниками и нечестивцами перед лицом богов и людей, как друзей, так и врагов».

(13) Солдаты удивились, что бы это могло означать, и просили Ксенофонта продолжать. Тогда он снова начал говорить: «Вы, конечно, знаете, что существуют варварские поселения в горах, дружественные керасунтцам, откуда жители спускались и продавали нам убойный скот и кое-что другое из своего имущества, и, если я не ошибаюсь, то и некоторые из вас ходили в ближайшее поселение, делали там закупки и возвращались обратно. (14) Лохаг Клеарет, заметивший, что поселение невелико и не охраняется ввиду дружественных с нами отношений, отправился туда ночью грабить, не сказав об этом никому из нас. (15) Он задумал в случае захвата поселения больше не возвращаться к войску, но, взойдя на корабль, на котором плыли вдоль берега его товарищи по палатке, и погрузив на него добычу, отплыть за пределы Понта. Как я теперь узнал, его товарищи на корабле были с ним в сговоре. (16) Созвав тех, кого ему удалось уговорить, он повел их на поселение. Но еще в пути их застало утро, жители собрались и стали бросать камни и стрелять с укреплений, убили Клеарета и многих других, и только немногие добежали до Керасунта. (17) Это случилось в тот день, когда мы выступили сюда пешим порядком. А кое-кто из тех, что ехали морем, находились еще в Керасунте, не успев оттуда выехать.

«После этого, как рассказывают керасунтцы, из того поселения прибыло трое старейшин с намерением выступить на нашем общем собрании. (18) Не застав нас, они сказали керасунтцам, что их удивляет, почему мы решили напасть на них. А когда керасунтцы объяснили им, что это дело совершилось не по общему решению, они обрадовались и вознамерились плыть сюда, чтобы рассказать о случившемся и просить нас взять и предать погребению убитых. (19) Но некоторые из спасшихся бегством эллинов еще находились в Керасунте.

Узнав о том, куда направляются варвары, они осмелились бросать в них камни и подговорили к этому других. И таким образом три человека, три посла, погибли,[33] побитые камнями.

(20) «Тогда керасунтцы пришли к нам и рассказали о случившемся; а мы, стратеги, были удручены и совещались с керасунтцами о том, как похоронить убитых эллинов. (21) Заседая с керасунтцами за пределами расположения войска, мы внезапно услышали громкие крики ,,бей, бей, бросай, бросай!" и тут же увидели много бегущих солдат с камнями в руках, в то время как другие еще подбирали камни с земли. (22) Тогда керасунтцы, свидетели происшедших у них событий, испугались и побежали к кораблям. И среди нас, клянусь Зевсом, кое-кто пришел в ужас. (23) Но я направился к солдатам и спросил их, в чем дело. Среди них были и такие, которые вообще ничего не знали, но все-таки держали камни наготове. А когда я встретил одного осведомленного человека, тот сказал мне, что агораномы сильно обижают войско. (24) Тут кто-то увидел агоранома Зеларха, направлявшегося к морю, и закричал. Услышав крик, солдаты бросились за Зелархом, словно показался кабан или олень. (25) А керасунтцы, заметив бегущую в их сторону толпу, решили, что она, очевидно, направляется на них, пустились бежать со всех ног и бросились в море. Вместе с ними туда бросились и некоторые из нас, и все не умевшие плавать потонули. (26) Как вам нравятся такие дела? Ведь эти люди не причинили нам никакого зла, но они испугались, так как им показалось, что на нас, как на собак, напало некое бешенство.

«Представьте себе, каково будет состояние нашего войска, если так будет продолжаться. (27) Вы уже не будете иметь права сообща принимать решения по вопросу об объявлении войны или заключении мира по своему усмотрению, но первый попавшийся поведет войско по собственной воле, куда ему вздумается. И если к вам придут послы для заключения мира или по другому делу, то всякий желающий сможет убить их

и тем самым не даст вам даже возможности выслушать посланных. (28) Затем, и те начальники, которых вы все избираете, не будут иметь никакого авторитета, так как всякий, сам избравший себя стратегом и закричавший ,,бей, бей'', сможет без суда убить как начальника, так и любого ни в чем неповинного человека из вашей среды, если только найдутся послушные ему люди, как это имело место сейчас. (29) Посмотрите, что наделали эти самозванные стратеги. Агораном Зеларх, если он действительно перед вами виноват, убежал и скрылся, не понеся наказания; если же на нем нет вины, то, значит, он бежал от войска, боясь невинно погибнуть без суда. (30) А побившие послов камнями достигли того, что вам теперь, единственным из всех эллинов, нельзя спокойно явиться в Керасунт, если вы придете туда без охраны. Что же касается до тех убитых, которых раньше сами убившие их люди предлагали нам похоронить, то после указанных событий уже не безопасно было бы подбирать тела, придя туда даже с жезлом посла.[34] Кто же захочет отправиться послом после того, как он сам убил послов? (31) Впрочем, мы просили керасунтцев похоронить убитых. Итак, если подобные поступки похвальны, то признайте это открыто, и тогда в ожидании повторений того же самого в будущем всякий выставит у себя охрану и постарается расположиться на укрепленных высотах. (32) Но если вы сочтете такие дела скорее делами диких зверей, а никак не людей, то постарайтесь прекратить их. Иначе, клянусь Зевсом, как нам с легким сердцем приносить жертвы богам, совершая безбожные дела? Как нам сражаться с врагами, когда мы убиваем друг друга? (33) Какой дружественный город примет нас, видя в нашей среде такое беззаконие? Кто осмелится подвозить нам продовольствие, если нас будут считать правонарушителями в подобных столь важных делах? И кто, наконец, при таких условиях будет хвалить нас, хотя бы мы сами и считали себя достойными громкой славы за свои подвиги? Ведь мы тоже, думается мне, сочли бы преступниками людей, совершающих подобные дела».

(34) Тогда все поднялись и заявили, что виновные должны понести наказание и в будущем никоим образом не будет дозволено поступать незаконно, а если кто-либо совершит такой поступок, то он будет предан смерти; стратеги должны привлечь виновных к ответственности; должен также состояться суд над всяким, совершившим со времени Кира какое-нибудь беззаконие; судьями же они поставили лохагов. (35) По настоянию Ксенофонта и согласно совету жрецов, решили совершить обряд очищения войска,[35] что и было исполнено.

Глава VIII

(1) Решено было также потребовать отчет от стратегов за прошлое время. И когда они это сделали, то Филесию и Ксантиклу пришлось заплатить штраф в 20 мин за нехватку корабельных товаров, которые они охраняли, а Софенету — штраф в 10 мин за то, что в качестве выборного...[36] он проявил небрежность.

А Ксенофонта некоторые солдаты обвинили в нанесении им побоев и, кроме того, в самоуправстве. (2) Ксенофонт приказал первому обвинителю сказать, где он был побит. Тот ответил: «Там, где мы погибали от холода и где было очень много снега». (3) Ксенофонт сказал: «В самом деле, если во время такого холода, о каком ты рассказываешь, — когда хлеба не хватало и от вина не осталось даже винного запаха и мы изнемогали от множества трудов, а враги следовали за нами по пятам, — если в такое время я был необуздан, то я согласен, значит я оказался даже более буйным, чем ослы, о которых говорят, будто дерзость их не уменьшается от усталости. (4) Все же скажи, за что ты был бит. Потому ли, что я просил у тебя что-нибудь и ты не давал, или я требовал чего-нибудь назад, [...] или я буйствовал в пьяном виде?». (5) Так как он ничего из этого не подтвердил, то Ксенофонт спросил его, служил ли он гоплитом. «Нет», — сказал он. «Может быть, пельтастом?». «Тоже нет, — ответил он, — товарищи поручили мне гнать

мула, хотя я и родился свободным». (6) Тут Ксенофонт признал его и спросил: «Не ты ли вез больного?». «Клянусь Зевсом, да, — отвечал он, — ты ведь принудил меня к этому и даже сбросил вещи моих товарищей». (7) «Но сбрасывание вещей, — сказал Ксенофонт, — произошло, кажется, следующим образом. Я поручил везти эти вещи другим и приказал доставить их мне; получив их, я все возвратил тебе в целости, когда и ты доставил мне больного. Послушайте, как все произошло, — сказал Ксенофонт, — это стоит того.

(8) «Один человек отстал, не имея сил итти дальше. Я знал о нем только то, что он принадлежал к нашему войску. Я приказал тебе везти его вперед и спасти от гибели, так как, насколько я помню, враги настигали нас». Солдат подтвердил это. (9) «Разве, — продолжал Ксенофонт, — после того, как я послал тебя вперед и затем подошел с арьергардом, я не застал тебя роющим яму, чтобы похоронить того человека, и, приблизясь, разве я не похвалил тебя? (10) Но пока мы все стояли кругом, тот человек пошевелил ногой, и все присутствующие закричали, что он жив, а ты сказал: „Пусть себе живет сколько хочет, а я его дальше не повезу". Тут я ударил тебя — это ты говоришь правду, — ибо ты, как я видел, знал, что он жив». (11) «Ну и что же? — сказал солдат, — разве он все-таки не умер после того, как я показал его тебе?». «Все мы смертны, — сказал Ксенофонт, — но разве поэтому надо погребать нас живыми?».

(12) Тут все стали кричать, что Ксенофонт еще мало его бил. А Ксенофонт приказал и другим обиженным рассказать, за что каждый из них получил удары. (13) А так как никто не выступил, то он сам сказал: «Я, воины, не отрицаю того, что бил людей из-за отсутствия у них дисциплины, — бил тех, кто надеялся спастись вашими трудами, покидая ряды, когда вы шли в строю и сражались по мере необходимости, и кто убегал вперед, чтобы пограбить и поживиться больше вас. Если бы все мы поступали таким образом, то все бы и погибли. (14) Я также бил и заставлял итти вперед и некото-

рых лентяев, не желавших подняться с места и предпочитавших дождаться прихода неприятеля. Я сам однажды в сильную стужу, дожидаясь людей, собиравшихся в поход, просидел долгое время на месте, и когда я встал, то заметил, что с трудом сгибаю колени. (15) Поэтому, убедившись в этом на собственном опыте, я подгонял всякого, кого заставал сидящим и предающимся лени, так как движение и бодрость сообщают телу теплоту и гибкость, а, по моим наблюдениям, сидение на месте и бездействие способствуют застыванию крови и отмораживанию пальцев на ногах, что многие, как вы знаете, и испытали. (16) Возможно, что и иного какого-нибудь человека, отставшего вследствие отсутствия энергии и ставшего помехой для продвижении вперед передовых отрядов и арьергарда, я ударил кулаком, чтобы враги не ударили его копьем. (17) И сейчас, когда они спаслись, они могут получить удовлетворение за понесенные от меня обиды, но если бы они попали к врагам, то на кого они стали бы жаловаться, даже испытав тягчайшие несправедливости?

(18) «Рассуждаю я просто, — сказал Ксенофонт, — если я покарал кого-либо, стремясь к его же собственной пользе, то, по моему мнению, я достоин такого же наказания, какого заслуживают родители от сыновей и учителя от учеников. Ведь и врачи причиняют боль и режут из добрых побуждений. (19) А если вы думаете, что я делал это из самоуправства, то примите во внимание следующее: в настоящее время я, по милости богов, чувствую себя гораздо более уверенным и смелым, чем тогда, и больше пью вина и все же никого не бью, так как сейчас я вижу, что кругом вас все тихо и спокойно. (20) Разве вы не знаете, что когда поднимается буря и бушуют волны, начальник гребцов [37] за малейшее движение гневается на находящихся на носу корабля, а кормчий на находящихся на корме? (21) Ведь в такой обстановке малейшая погрешность может все погубить, и вы сами подтвердили правильность моих действий, так как вы тогда стояли кругом, держа в руках мечи, а не камешки для голосования,[38] и могли заступиться

за тех, кого я бил, если бы нашли это нужным. Но, клянусь Зевсом, вы не вступились за них, но также и не помогли мне бить ослушников. (22) И тем самым вы поддержали дурных людей из вашей среды в их своеволии.

«Если вы обратите на это внимание, то, несомненно, убедитесь в том, что одни и те же люди были тогда самыми трусливыми, а сейчас являются самыми дерзкими. (23) Кулачный боец, фессалиец Боиск, тогда сражался так, словно он по болезни не может нести щита, а сейчас, как я слышу, он ограбил многих котиоритов. (24) С вашей стороны было бы благоразумно сделать с ним обратное тому, что делают с собаками: сердитых собак днем привязывают, а на ночь отпускают, а его следует привязать на ночь, а днем отпускать.

(25) «Однако меня удивляет, — сказал Ксенофонт, — что когда кто-нибудь из вас мной недоволен, он помнит об этом и не молчит. А если я помог кому-нибудь во время холода или добыл что-нибудь для больного и нуждающегося, то об этом никто не помнит, равно как и о моих похвалах за хороший поступок, или о посильных наградах доблестным воинам, — об этих вещах вы не помните. А ведь лучше, справедливее, достойнее и приятнее помнить добро, а не зло».

Тогда все встали и стали делиться воспоминаниями, и в результате все кончилось благополучно.

КНИГА VI

Глава I

(1) С этих пор во время своего пребывания в этих местах одна часть эллинов жила рынком, а другая совершала набеги в Пафлагонию. А пафлагонцы, в свою очередь, очень часто нападали на отдельных, бродивших вдали от стана солдат и пытались по ночам беспокоить солдат, живущих в отдалении от лагеря. (2) Поэтому отношения между эллинами и пафлагонцами стали крайне враждебными. А Корила, который тогда был главой пафлагонцев, направил к эллинам послов с конями и прекрасными одеждами, и те заявили, что Корила готов не нападать на эллинов с тем, чтобы и эллины не нападали на пафлагонцев. (3) Стратеги ответили, что об этом они будут совещаться с войском, и тем временем приняли послов как своих гостей, пригласив также и других лиц, по их мнению, наиболее этого достойных.

(4) Принеся в жертву захваченных у неприятеля волов и другой скот, они задали роскошный пир, возлежали на походных клинах [1] и пили из роговых чаш, какие были в употреблении в той стране. (5) После возлияния и пения пэана первыми выступили фракийцы и стали плясать с оружием в руках под звуки флейт, причем они высоко и легко подпрыгивали и махали при этом кинжалами. В конце концов, один из них поразил другого и всем показалось, что тот убит: он упал

с большим искусством. Пафлагонцы подняли крик. (6) Победитель снял оружие с побежденного и удалился, распевая «ситалку»,[2] а другие фракийцы вынесли павшего замертво; на самом же деле он нисколько не пострадал. (7) После этого выступили эниaны и магнеты [3] и стали плясать так называемый карпейский вооруженный танец.[4] (8) Танец этот заключается в том, что один из пляшущих кладет около себя оружие и затем начинает сеять и пахать, все время оглядываясь, будто он чего-то опасается. А, между тем, подкрадывается разбойник. Заметив его, первый хватается за оружие, идет ему навстречу и сражается с ним из-за волов. Они исполняли это в такт под звуки флейты. В конце концов разбойник связал пахаря и увел его вместе с волами; иногда же пахарь связывает разбойника, и в таком случае он впрягает последнего вместе с волами и погоняет его, связав ему руки на спине. (9) Затем выступил мисиец с плетеным щитом в каждой руке и стал плясать, то изображая битву с двумя противниками, то действуя обоими щитами против одного врага; он кружился и прыгал со щитами в руках, и зрелище это было очень красиво. (10) Под конец он плясал персидский танец, ударяя щитами друг о друга, приседая и вновь поднимаясь,[5] и все это он выполнял в такт под звуки флейты. (11) После него выступили мантинейцы и другие аркадяне в прекрасном вооружении. Они шествовали в такт военного марша под звуки флейты, пели пэан и танцевали, как это делается на священных просодах.[6] Зрители пафлагонцы очень удивлялись тому, что все эти танцы исполняются с оружием в руках. (12) Тогда мисиец, заметив их удивление, с согласия одного аркадянина, у которого была танцовщица, привел ее, одев как можно лучше и дав ей легкий щит. Она прекрасно протанцевала танец «пиррихий».[7] (13) Тут раздались громкие рукоплескания, и пафлагонцы спросили, уж не сражаются ли у эллинов вместе с мужчинами и женщины. Эллины ответили, что вот эти самые женщины и прогнали царя из лагеря. Так закончилась эта ночь.

(14) На следующий день стратеги привели послов к войску, и солдаты постановили не причинять друг другу зла. Затем послы удалились. А эллины, видя, что судов как-будто достаточно, взошли на корабли и плыли в течение целого дня и одной ночи при попутном ветре, имея Пафлагонию по левую руку. (15) На следующий день они прибыли в Синопу и бросили якорь в Армене Синопской. Синопцы живут в стране пафлагонцев, а сами они милетские колонисты. Они послали эллинам подарки в знак гостеприимства: 3000 медимнов ячменя и 1500 керамий вина.[8]

(16) Сюда же прибыл и Хирисоф с триэрами. Солдаты предполагали, что он привезет им что-нибудь с собой, но он ничего не привез, а только объявил, что наварх Анаксибий и другие хвалят их и Анаксибий обещает им плату, когда они покинут Понт. (17) В Армене солдаты пробыли пять дней.

Так как они знали, что Эллада теперь близка, то им больше чем когда бы то ни было захотелось вернуться домой не с пустыми руками. (18) И потому они пришли к мысли выбрать одного вождя, полагая, что единый вождь сумеет с лучшими результатами управлять войском и в дневных и в ночных боях, чем это возможно при наличии многовластья; при таких условиях скорее можно соблюсти тайну, если в этом встретится необходимость; а если понадобится действовать быстро, то вождь не станет медлить из-за совещаний с другими начальниками и выполняться будет приказ одного лица. А в прежнее время стратеги всегда действовали по решению, принятому большинством голосов.

(19) Рассудив таким образом, они обратились к Ксенофонту. Лохаги пришли к нему, изложили мнение войска, и каждый из них выказывал ему свое расположение и убеждал принять власть. (20) А Ксенофонт, с одной стороны, был не прочь принять командование, полагая, что тем самым он добьется большего почета среди друзей, имя его получит больше блеска в его родном городе и, может быть, ему удастся принести какую-нибудь пользу войску. (21) Подобные соображения

побуждали его стремиться к единоличной власти. Но с другой стороны, когда он размышлял о будущем, таящем в себе неизвестность, и о проистекающей отсюда опасности потерять уже заслуженную славу, он начинал колебаться.

(22) Оставаясь таким образом в нерешительности, он счел за лучшее снестись с богами. Приведя к алтарю двух жертвенных животных, он принес жертву Зевсу-Царю, который еще в Дельфах был указан ему в качестве руководителя. Он считал, что тот сон, который он видел, когда начал принимать участие в совместных заботах о войске, был послан ему этим богом, (23) и затем он вспомнил, как при его выезде из Эфеса, с целью представиться Киру, по правую руку от него закричал орел,[9] орел сидевший на месте, по поводу чего сопровождавший его прорицатель сказал, что это великое, а не простое знамение, так как оно предсказывает славу, но в то же время и тяжелые труды: ведь птицы чаще всего нападают на орла, когда тот сидит; в то же время это знамение не обещает богатства, так как орел по большей части находит себе пищу на лету.

(24) Итак, когда Ксенофонт принес жертвы, размышляя обо всем этом, бог ясно указал ему не добиваться этой власти и, даже если его выберут, не принимать избрания. Так оно и вышло.

(25) А войско тем временем собралось, и все говорили о необходимости выбрать одного начальника. Вынесли постановление, и тогда стали выдвигать кандидатуру Ксенофонта. А когда тот увидел, что его непременно выберут, если кто-нибудь поставит это на голосование, он выступил и сказал следующее:

(26) «Воины, так как я человек, то меня радует ваше ко мне доброе отношение; я благодарю вас и молюсь о том, чтобы боги позволили мне сделать для вас что-либо полезное. Однако выбор меня начальником при наличии лакедемонянина,[10] по моему мнению, не послужит вам на пользу, потому что вам трудно будет добиваться желаемого, когда вы будете просить

о чем-нибудь лакедемонян, да и для меня, как я думаю, это не вполне безопасно. (27) Мне ведь известно, что лакедемоняне не прекращали войны с моим родным городом до тех пор, пока не заставили все государство (Афины) признать их своими господами.[11] (28) Когда же афиняне согласились на это, они тотчас же прекратили войну и более не осаждали города. И вот, если бы я теперь, обогащенный этим опытом, решился по мере моих сил вредить их авторитету, то, вероятно, быстро получил бы соответствующий урок. (29) Что же касается до ваших предположений о том, что будет меньше раздоров при одном, чем при многих начальниках, то знайте, — выбрав другого, вы не найдете во мне бунтаря, так как я считаю, что восстающий на вождя во время войны восстает против собственного спасения. Однако не будет ничего удивительного, если в случае моего избрания появятся люди, недовольные и вами и мной». (30) После его речи выступило еще гораздо больше эллинов, говоривших, что Ксенофонту надлежит быть вождем. А Агасий из Стимфалы сказал, что такое положение вещей было бы смешным: разве лакедемоняне сердятся, когда собравшиеся на пир избирают председателем симпосиона[12] не лакедемонянина? «В таком случае, — сказал он, — и нам, повидимому, нельзя состоять лохагами, так как мы аркадяне». Собравшиеся шумно выразили свое одобрение Агасию.

(31) Ксенофонт, видя необходимость в более убедительных доказательствах, выступил и сказал: «Воины, так как вы должны знать всю правду, я клянусь вам всеми богами и богинями, что, узнав о вашем намерении, я принес жертву, чтобы узнать, полезно ли будет для вас вверить мне эту власть, а для меня принять ее, и в жертвах боги с такой ясностью показали мне необходимость отказаться от единоначалия, что даже несведущий человек понял бы это».

(32) Таким образом выбрали Хирисофа. После избрания Хирисоф выступил и сказал: «Воины, да будет вам известно, что я никоим образом не возмутился бы в случае избрания другого. А Ксенофонту вы, конечно, оказали услугу, не выбрав

его, так как уже сейчас Дексипп всеми силами старался оклеветать его перед Анаксибием, пока я не заставил его замолчать». И, кроме того, Хирисоф говорил, что, по его мнению, Ксенофонт предпочел бы разделить власть с Тимасием, начальником войск Клеарха, как с дарданцем, а не с ним, лакедемонянином. (33) «Однако, поскольку вы выбрали меня, — сказал он, — я постараюсь по мере сил быть вам полезным. А вы приготовьтесь к тому, чтобы завтра, если будет попутный ветер, пуститься в море. Поплывем мы в Гераклею. Постараемся все прибыть туда, а об остальном посоветуемся по прибытии».

Глава II

(1) Затем, на следующий день, эллины пустились в море и при попутном ветре плыли в течение двух дней вдоль берега. [И они видели мыс Ясона, где, говорят, приставала «Арго»,[13] и устья рек, сперва Фермодонта, затем Ириса, затем Галиса и после него Парфения. Проплыв мимо последнего и] следуя таким образом, они прибыли в Гераклею — эллинский город, колонию мегарян, находящуюся в стране мариандинов.[14] (2) Они пристали у Ахерузийского полуострова, где, как говорят, Геракл спустился (в преисподнюю) за собакой Кербером [15] и где и сейчас показывают место спуска, глубиной более чем в 2 стадия. (3) Гераклейцы прислали сюда эллинам дары гостеприимства: 3000 медимнов ячменя, 2000 керамий вина, 20 волов и 100 овец. По здешней равнине протекает река по имени Лик, шириной примерно в 2 плетра.

(4) Солдаты устроили собрание и стали совещаться, следует ли остальную часть пути пройти по суше или лучше ехать морем. Выступил ахеец Ликон и сказал: «Солдаты, я дивлюсь стратегам, которые не заботятся о предоставлении вам продовольствия: ведь даров войску не хватит и на 3 дня, а здесь неоткуда достать запасы для дальнейшего пути. Поэтому я предлагаю потребовать у гераклейцев не менее 3000 кизикинов». (5) А другой сказал: «Нет, не менее 10 000

кизикинов. Немедля, на этом же собрании, надо выбрать послов, направить их в город, узнать ответ гераклейцев и затем собрать совещание». Тут стали предлагать к избранию в число послов прежде всего Хирисофа, как главного начальника, но были и такие, которые предлагали Ксенофонта. (6) Но они решительно отказались, так как оба были одного мнения и думали, что не следует насильно брать у эллинского и к тому же дружественного города то, что он не дает сам добровольно. После их отказа послали ахейца Ликона, Каллимаха из Паррасия и Агасия из Стимфалы. (7) Они отправились и передали постановление войска. Рассказывают, будто Ликон даже грозил им на случай невыполнения требования. (8) Выслушав их, гераклейцы сказали, что будут совещаться по этому поводу, и тотчас же свезли движимость с полей,[16] устроили базар в городе, закрыли ворота и на городских стенах показались вооруженные люди.

(9) Тогда подстрекатели в этом деле обвинили стратегов в том, что те все погубили. Аркадяне и ахейцы собрались на сходку, и среди них особенно выделялись Каллимах из Паррасия и ахеец Ликон. (10) Рассуждения их сводились к тому, что, мол, позорно для пелопоннесцев и лакедемонян служить под начальством афинянина, не доставившего войску ни одного отряда, что труды несут они, а другие получают добычу, и это в то время, когда именно они спасают все войско; совершают все аркадяне и ахейцы, остальные же ничего не значат, — и действительно, аркадяне и ахейцы составляли большинство в войске; (11) поэтому было бы разумно отделиться от прочих и, выбрав из своей среды стратегов, совершить поход самостоятельно и попытаться забрать кое-какую добычу. (12) Это было принято. Аркадяне и ахейцы, состоявшие в отрядах Хирисофа и Ксенофонта, отделились, выбрали из своей среды 10 стратегов и постановили исполнять то, что будет решено ими по большинству голосов. Таким образом пришло к концу единоначалие Хирисофа на шестой или седьмой день после его избрания.

(13) Ксенофонт все же хотел отправиться в поход сообща, полагая более безопасным поступить таким образом, а не итти каждому в отдельности на собственный риск. Но Неон убедил его совершить поход отдельно, так как он слышал от Хирисофа, будто правитель Византия[17], Клеандр, сказал ему о своем предстоящем прибытии с триэрами в бухту Кальпу. (14) Он дал ему этот совет с той целью, чтобы они сами и их солдаты могли отплыть на триэрах, не заботясь об остальных. А Хирисоф, недовольный происшедшими событиями и негодовавший на войско, предоставил Ксенофонту поступить по своему усмотрению. (15) Ксенофонт решил было отплыть один без войска, но когда он принес жертву Гераклу-Путеводителю и спросил его, что лучше и правильнее — пуститься ли в путь с оставшимися у него солдатами или отдельно от них, то бог на жертвах дал указание итти с солдатами. (16) Итак, войско распалось на три части: аркадяне и ахейцы, числом более 4000, все гоплиты; около 1400 гоплитов и 500 пельтастов фракийцев, служивших у Клеарха, под начальством Хирисофа; и около 1700 гоплитов и примерно 300 пельтастов под начальством Ксенофонта. Конница была только у Ксенофонта, а именно примерно 40 всадников.

(17) Аркадяне, достав корабли у гераклейцев, отплыли первыми, чтобы неожиданно напасть на вифинцев[18] и захватить как можно больше добычи. Они высадились в бухте Кальпе [расположенной примерно в середине Фракии]. (18) Хирисоф от самого города гераклейцев направился пешком через эту страну. Когда же он вступил во Фракию, то пошел вдоль берега моря, так как был болен. (19) А Ксенофонт, достав корабли, высадился на границе Фракии и области гераклейцев и пошел вглубь страны.

Глава III

(1) [Каким образом прекратилось верховное командование Хирисофа и как эллинское войско распалось на части, рассказано ранее].

(2) Вот что совершил каждый из этих отрядов.

Аркадяне высадились ночью в Кальпийской бухте и отправились к ближайшим деревням, находящимся на расстоянии примерно 30 стадий от моря. Когда рассвело, каждый стратег повел свой лох на одну из деревень; а на те деревни, которые казались побольше, стратеги повели по два лоха сразу. (3) Они условились относительно холма, который должен был служить сборным пунктом, и поскольку нападение было неожиданным, аркадяне захватили большое число рабов и присвоили себе много мелкого скота. (4) Но разбежавшиеся было фракийцы собрались вновь. А убежало их много: легко вооруженные, они ускользали из рук гоплитов. Собравшись, они напали сперва на лох Микрета, одного из аркадских стратегов, отходивший уже к условленному месту с большой добычей. (5) В течение некоторого времени эллины шли отбиваясь, но при проходе через ущелье враги опрокинули их, причем они убили и самого Микрета, а также и всех остальных. От другого лоха из числа предводительствуемых десятью стратегами, а именно от лоха Хегесандра, уцелело только 8 человек; спасся и сам Хегесандр.

(6) А остальные лохи соединились, достигнув холма, одни с трудом, а другие без труда. Фракийцы, ободренные таким успехом, начали криком созывать друг друга и ночью собрались в большом числе. С наступлением утра они окружили холм, на котором расположились эллины. У них было много конницы и пельтастов, причем непрерывно стекались все новые и новые отряды. (7) Они безнаказанно нападали на гоплитов, так как у эллинов не было ни одного лучника, аконтиста [19] или всадника. Враги выбегали вперед и делали конные набеги, метая при этом копья, а когда эллины нападали на них, они быстро удалялись и продолжали нападение в других местах. (8) Таким образом у одной из сражающихся сторон оказалось много раненых, а у другой ни одного. Эллины не могли уйти с этого места и, в конце концов, фракийцы даже отрезали их от воды. (9) Очутившись в безвыходном положении, эллины

вступили в переговоры о перемирии. В остальном фракийцы сговорились с ними, но отказались по требованию эллинов дать им заложников, и на этом дело сорвалось, Так сложились дела у аркадян.

(10) А Хирисоф, благополучно следуя по берегу моря, прибыл в бухту Кальпа.

Ксенофонт совершил поход по внутренним областям страны, и его конники ускакали вперед и повстречали ехавших куда-то послов. Их привели к Ксенофонту, и он спросил, не известно ли им что-нибудь о другом, тоже эллинском, войске. (11) Они рассказали о всех событиях и передали, что в настоящее время эллины осаждены на холме, а фракийцы окружают их кольцом. Тогда Ксенофонт велел неусыпно сторожить этих людей, чтобы они, в случае необходимости, могли служить проводниками, и, расставив посты, собрал солдат и сказал:

(12) «Воины, одна часть аркадян погибла, а другая осаждена на каком-то холме. В случае их гибели, как я полагаю, и для нас не будет спасения ввиду многочисленности врагов, к тому же столь сильно осмелевших. (13) Поэтому нам надо как можно скорее притти к ним на помощь и, если они еще живы, сразиться вместе с ними; иначе мы можем остаться в одиночестве и в одиночестве же подвергнуться опасности. (14) Отсюда нам некуда бежать, — сказал он, — ведь обратная дорога в Гераклею длинна. Длинна дорога и до Хрисополя, враги же находятся близко. До Кальпийской бухты, где, по всей вероятности, находится Хирисоф, если только он невредим, всего легче дойти. Но там нет кораблей, на которых мы могли бы отплыть, а на тот случай, если бы мы решили остаться там, у нас не хватит продовольствия даже на один день.[20] (17) [15] Кроме того, в случае гибели осажденных, нам, в соединении с войском одного лишь Хирисофа, тяжелее будет выдерживать опасности войны, чем если бы мы все, включая и аркадян, соединились и сообща заботились о нашем спасении. Итак, вперед, — настроим свои мысли на то, что нам предстоит либо умереть со славой, либо совершить

блистательные подвиги, выручив столько эллинов. (18) [16] И весьма возможно, что все это устроил некий бог, решивший унизить зазнавшихся хвастунов, а нас, приступающих ко всякому делу с согласия богов, возвысить над ними. Следуйте теперь за мной и внимательно выполняйте приказания. (16) [17] Сегодня мы будем итти до тех пор, пока, по нашему мнению, не наступит время для принятия пищи, и тогда сделаем привал. Но во время марша Тимасий со всадниками поскачет вперед и, не теряя нас из виду, будет производить разведку впереди, чтобы ничего от нас не укрылось».

(15) [18] Произнеся эти слова, Ксенофонт повел войско. Он выслал на фланги и на высоты особенно проворных пельтастов для того, чтобы те оповестили его, если заметят что-нибудь, и приказал им жечь все доступное огню, попадающееся на пути. (19) Жгли всадники, рассеявшиеся во все стороны на такое расстояние от войска, на каком они чувствовали себя в безопасности, жгли все способное гореть и пельтасты, которые двигались по вершинам параллельно войску, жгло также и само войско, если оно встречало на своем пути что-либо уцелевшее. Поэтому казалось, будто вся страна в огне и приближается огромное войско. (20) Когда пришла пора, они разбили лагерь. Взойдя на холм, увидели костры врагов на расстоянии примерно 40 стадий и сами разожгли очень много костров. (21) Наскоро поев, эллины, согласно приказу, потушили все огни. Ночью они спали, выставив сторожевые посты, а с наступлением же утра помолились богам, построились в боевой порядок и как можно быстрее двинулись в в путь. (22) Тимасий со всадниками, имея при себе проводников, поскакал вперед и неожиданно для себя наткнулся на тот холм, где враги осаждали эллинов. Но они не застали здесь ни эллинского, ни вражеского войска [о чем они сообщили Ксенофонту и его отряду], а только старух, стариков, много мелкого скота и оставленных тут быков. (23) Сперва не могли понять, что случилось, но потом узнали от оставленных, что

фракийцы удалились накануне вечером, ушли, по их словам, и эллины, но куда именно, неизвестно.

(24) Тогда войско Ксенофонта, после завтрака, собралось и пошло вперед, с целью как можно скорее соединиться с другими отрядами у Кальпийской бухты. Во время марша они заметили следы аркадян и ахейцев на дороге в Кальпу, и когда они, наконец, сошлись там, то обрадовались друг другу и стали обниматься, как братья. (25) Аркадяне спрашивали воинов Ксенофонта, почему были потушены костры. «Когда не стало видно костров, — говорили они, — то мы сперва подумали, что вы ночью пошли на неприятеля. И те, как нам кажется, ушли, испугавшись именно этого, так как отход их начался приблизительно в это время. (26) Но так как вы не появлялись, а время шло, то мы подумали, что, узнав о случившемся с нами, вы испугались и искали спасения у моря. И мы решили не отставать от вас. Таким образом и мы направились сюда».

Глава IV

(1) Этот день эллины провели на морском берегу около бухты. Данная местность, именуемая Кальпийской бухтой, находится в азиатской Фракии; эта Фракия начинается от устья Понта и простирается до Гераклеи с правой стороны от плывущего в Понт корабля. (2) Для триэры, приводимой в движение веслами, плавание от Византия до Гераклеи занимает один долгий день. Между этими пунктами нет ни одного эллинского или дружественного эллинам города, и здесь живут одни лишь фракийские вифинцы. Рассказывают, будто с эллинами, которые попадают им в руки, они обходятся очень жестоко. (3) Кальпийская бухта находится на середине морского пути из Гераклеи в Византий и представляет собой выдающийся в море полуостров. Часть этого полуострова, окруженная морем, имеет обрывистые скалистые берега, высотой, в наиболее низком месте, не менее 20 оргий. Перешеек,

соприкасающийся с материком, имеет ширину самое большое в 4 плетра, однако общая площадь перешейка достаточна для расселения 10 000 человек. (4) Бухта находится под самой скалой, и с западной стороны здесь тянется песчаный берег.[21] Имеется там у самого моря в границах этой местности и неиссякаемый источник пресной воды. Тут же у моря много деревьев разных пород и особенно много прекрасного корабельного леса. (5) Горная возвышенность простирается вглубь материка примерно на 20 стадий. Почва ее состоит из земли и не növекаменистa, а приморская ее часть на протяжении более 20 стадий покрыта густым, разнообразным и высоким лесом. (6) Остальная часть этой местности обширна, прекрасна и в ней немало многолюдных деревень. Земля приносит здесь ячмень, пшеницу, всевозможные овощи, просо, кунжут, винные ягоды в достаточном количестве, много винограда, дающего хорошее вино, словом все, кроме маслины.

(7) Такова была эта местность. Эллины расположились на берегу моря. Они не захотели разбивать лагеря там, где можно было построить город, и им даже казалось, что самый приход в эту местность объясняется недобрыми намерениями некоторых лиц, замышляющих основать здесь город. (8) Ведь большинство солдат прибыло из-за моря, чтобы поступить на службу по найму не из нужды, но потому, что они наслышались о щедрости Кира. При этом некоторые из них привели с собой товарищей, а другие издержали собственные средства. Были и такие воины, которые бросили отцов и матерей, а иные покинули и детей своих с тем, чтобы вернуться обратно, накопив для них богатства, так как они слышали, что у Кира многие добились счастья и благополучия. Поэтому они горели желанием вернуться в Элладу.

(9) На следующий день после соединения войска Ксенофонт принес жертву по поводу выступления. Дело в том, что необходимо было отправиться за продовольствием. Он намеревался также предать погребению убитых. Так как жертвенные знаки оказались благоприятны, то аркадяне также после-

довали за ним и похоронили бо́льшую часть убитых на тех местах, где они пали. Ведь пошел уже пятый день со времени их смерти и их нельзя было поднять. Остальных, лежавших у дороги, снесли в одно место и погребли со всей возможной при данных обстоятельствах торжественностью. А для тех, которых не могли найти, построили большой кенотафий [22] и возложили на него венки. (10) Исполнив все это, они вернулись в лагерь, затем пообедали и предались отдыху. На следующий день все солдаты сошлись на собрание. Собрали их, главным образом, лохаги Агасий из Стимфалы и Иероним из Элеи и другие старшие начальники аркадян. (11) Они постановили: если кто-нибудь в будущем помыслит о разделении войска на части — карать его смертью; войско вернуть к тому порядку, в котором оно находилось в прежнее время, и начальствовать прежним стратегам. Но Хирисофа тогда уже не было в живых, так как он умер от горячки, хотя его и лечили лекарствами. Отряд его принял Неон из Асины.

(12) После этого выступил Ксенофонт и сказал: «Воины, повидимому, нам придется совершать поход пешком, так как у нас нет кораблей. И выступать надо в скором времени — за отсутствием достаточного количества продовольствия для длительного пребывания на одном месте. Мы, — сказал он, — принесем жертвы, а вам, больше чем когда бы то ни было, надо приготовиться к сражению, так как враги стали чрезвычайно смелы». (13) Затем стратеги принесли жертвы, жрецом был Арексий-аркадянин, так как Силан из Амбракии бежал из Гераклеи, наняв там корабль. Но при совершении жертвоприношения священные знаки не были благоприятны для выступления в поход. (14) В течение этого дня эллины ничего не предпринимали. Некоторые осмеливались говорить, будто Ксенофонт, желая основать город в этом месте, убедил прорицателя сказать, что жертвы не благоприятны походу. (15) Тогда Ксенофонт оповестил всех через глашатая, приглашая желающих присутствовать при жертвоприношении на завтрашний день, и приказал объявить всем имеющимся налицо

среди войска жрецам, что они примут участие в истолковании священных знаков. (16) Затем он принес жертву. Собралось много народу, но хотя он трижды приносил жертвы по поводу выступления, священные знаки оставались неблагоприятными. Солдаты были этим очень удручены. Ведь то продовольствие, которое было у них с собой, когда они пришли сюда, иссякало и нигде не было никакой возможности что-либо купить.

(17) Когда солдаты затем опять собрались на сходку, Ксенофонт снова сказал: «Воины, как вы видите, жертвы все еще неблагоприятны походу, но я знаю, вы нуждаетесь в продовольствии, и поэтому, мне кажется, надо продолжать приносить жертвы по данному поводу». (18) Кто-то встал и сказал: «Ничего нет удивительного в том, что жертвы нам неблагоприятны; как я слышал от человека, случайно приехавшего вчера на корабле, наместник Византия, Клеандр, собирается прибыть сюда с кораблями и триэрами». (19) Тогда все решили ждать, но все же необходимо было пойти за продовольствием. И по этому поводу снова до трех раз совершено было жертвоприношение, но священные знаки оставались неблагоприятными. Воины уже стали приходить к палатке Ксенофонта и заявлять об отсутствии у них продовольствия, но он сказал, что не поведет их, пока жертвенные знаки неблагоприятны походу. (20) И на следующий день снова были принесены жертвы, причем почти все войско окружало жертвенных животных, так как интересы всех были затронуты. Однако жертвенных животных не оказалось в достаточном количестве. Стратеги не повели войско в поход, а только созвали его на сходку. (21) Ксенофонт при этом говорил: «Враги, по всей вероятности, приготовились, нам надо будет вступить с ними в бой. Если мы оставим обоз в неприступном месте и выступим готовыми к битве, то, возможно, священные знаки будут нам более благоприятны». (22) Услышав это, солдаты закричали, что ничего не надо сносить в неприступное место, но необходимо как можно скорей принести жертву. Мелкого скота больше не было; купили ходивших в упряжке волов и заклали их.

Ксенофонт попросил аркадянина Клеанора принять участие в жертвоприношении, в надежде, что тот получит более благоприятные указания. Но и на этот раз ничего не получилось. (23) Неон был стратегом, замещавшим Хирисофа. Заметив, что люди терпят большие лишения, он захотел пойти им навстречу, обрел какого-то жителя Гераклеи, который говорил, будто ему известны ближние деревни, где можно достать продовольствие, и созвал охотников пойти за добычей под его предводительством. Таким образом отправилось около 2000 человек с дротиками, мехами для вина, мешками и другими принадлежностями. (24) Но когда они пришли в деревни и рассеялись для захвата добычи, на них сразу напали передовые всадники Фарнабаза,[23] явившиеся на помощь вифинцам с целью постараться в союзе с ними помешать эллинам вторгнуться во Фригию. Эти всадники убили не менее 500 эллинов; остальные спаслись бегством на гору. (25) Затем один из убежавших сообщил о случившемся в лагерь. Так как в этот день жертвы были неблагоприятны, Ксенофонт взял вола из упряжи, ибо других жертвенных животных не было, и, заклав его, пошел на помощь вместе со всеми солдатами, имевшими не более 30 лет от роду. (26) Они возвратились в лагерь вместе с оставшимися в живых людьми. Время уже подходило к закату, и эллины в большом унынии приступили к обеду, когда вдруг отряд вифинцев напал из густого кустарника на передовые посты, убил нескольких человек, а других преследовал до самого лагеря. (27) Поднялся крик, и все эллины бросились к оружию. Преследовать врагов и сниматься с лагеря ночью казалось небезопасным, так как местность была покрыта густой порослью. Поэтому они провели ночь с оружием в руках и под охраной достаточного количества постов.

Глава V

(1) Так прошла ночь. А с наступлением утра стратеги отвели войско в неприступную местность. Воины следовали за ними, захватив с собой оружие и снаряжение. До завтрака они укре-

пили рвом то место, где находился доступ в неприступную часть мыса, и загородили его сплошь частоколом, оставив три входа. Из Гераклеи прибыло судно с ячменем, скотом и вином. (2) Ксенофонт, встав рано утром, принес жертву по поводу выступления, и священные знаки с первого же раза оказались благоприятны. Уже по окончании жертвоприношения жрец Арексион из Паррасия увидел предвещавшего удачу орла и посоветовал Ксенофонту вести войско. (3) Они перешли через ров и остановились, приставив оружие к ноге; через глашатаев было приказано солдатам после завтрака выступить с оружием в руках, оставив нестроевых и рабов на месте. (4) Таким образом пошли все, кроме Неона, так как было решено, что его всего лучше оставить в лагере для охраны имущества и людей. Однако его лохаги и солдаты пошли с войском, стыдясь ушедших товарищей, и в лагере оставили только тех, кому было более 45 лет. Итак, эти остались, а все остальные двинулись в путь. (5) Не прошли они и 15 стадий, как им стали попадаться тела убитых. Выделили арьергард на фланге со стороны первых увиденных мертвецов, и он предал земле всех убитых, найденных на своем пути. (6) Похоронив первых найденных мертвецов, войско продолжало итти вперед, выделяя арьергардные отряды там, где встречались непогребенные тела, и таким образом эллины предали земле все попадавшиеся на пути войска трупы. А когда войско вышло на дорогу, которая вела из деревень, где убитые лежали в большом числе, их снесли в одно место и похоронили.

(7) Уже миновал полдень, когда войско, пройдя вперед за деревни, занялось сбором продовольствия, попадавшегося на пути фаланги, и тут вдруг эллины заметили неприятеля, спускавшегося с расположенных впереди эллинов холмов и построенного тоже в виде фаланги. То была многочисленная конница и пехота. Дело в том, что Спифридат и Ратин прибыли с войском от Фарнабаза. (8) Когда враги увидели эллинов, они остановились на расстоянии примерно 15 стадий

от них. Жрец эллинов Арексий тотчас же принес жертву, и она с первого же раза оказалась благоприятной. (9) Тогда Ксенофонт сказал: «Стратеги, я предлагаю построить позади фаланги резервные лохи,[24] которые, в случае надобности, окажут помощь фаланге и как сохраняющие боевой порядок свежие силы смогут напасть на расстроенного неприятеля». Все согласились с этим. (10) «Итак, — сказал Ксенофонт, — ведите войско вперед на врагов, чтобы не стоять на месте после того, как мы и враги увидели друг друга, а я догоню вас после того, как расставлю резервные лохи там, где вы находите нужным». (11) После этого стратеги медленно повели войско вперед, а Ксенофонт отделил от войска три последние шеренги в количестве примерно 200 человек в каждой и приказал одному отряду следовать за правым крылом на расстоянии около 1 плетра; ахеец Самол начальствовал над этим отрядом. Второму отряду он указал место за центром фаланги; этим отрядом командовал аркадянин Пиррий. Последний отряд находился на левой стороне войска; начальником над ним был афинянин Фрасия.

(12) Идя вперед, авангард подошел к большому и труднопроходимому, поросшему лесом оврагу и остановился в нерешительности, следует ли переходить через него или нет. (13) Стратегов и лохагов вызвали к авангарду. Ксенофонт недоумевал, какая причина задерживает движение, и, услыхав вызов, тотчас же спешно отправился туда. Когда они собрались, Софенет, старший из стратегов, сказал, что не стоит даже совещаться о том, следует ли переходить через такой овраг.

(14) Ксенофонт поспешно перебил его и сказал: «Вы знаете, солдаты, что я никогда по собственной воле не подвергал вас опасности. Мне, ведь, известно, что вы думаете не о прославлении вашей доблести, а о спасении жизни. (15) Вот каково сейчас наше положение: нам невозможно уйти отсюда без боя, и если мы не пойдем на врагов, то они последуют за нами, когда мы начнем отходить, и нападут на нас с тыла. (16) Итак, подумайте, что предпочтительнее: итти ли на неприятеля

с оружием наготове или закинуть оружие за спину в виду наступающих сзади врагов. (17) Помните, что отступление перед врагом не заключает в себе ничего почетного, а преследование врага придает смелость даже трусам. Что касается до меня, то я охотнее пошел бы в наступление с половиной войска, чем в отступление с двойным числом солдат. Я полагаю, вы не сомневаетесь в том, что эти люди не выдержат нашего натиска, и в то же время все мы уверены, что в случае нашего отступления они отважутся на преследование. (18) Разве не лучше овладеть этим труднопроходимым оврагом перед сражением и оставить его позади? Я был бы рад, если бы вся местность казалась врагам легкопроходимой для отступления, а нас сама местность должна наставить на ту мысль, что без победы нам нет спасения. (19) Ведь едва ли мы сумеем перейти равнину, не победив конницы? Каким образом мы совершим обратный марш через пройденные нами горы, если за нами будет следовать столько пельтастов? Я удивляюсь, что находятся люди, которые считают этот овраг более страшным, чем другие пройденные нами местности. (20) Допустим, что мы благополучно дойдем до моря: каким огромным оврагом представится нам тогда Понт! Там нет ни кораблей для морского перехода, ни хлеба, которым мы могли бы питаться, оставаясь на месте, и поэтому по возвращении возникнет необходимость тотчас же снова выступить в поход за продовольствием. (21) И не лучше ли сразиться сейчас на сытый желудок, чем завтра натощак? Воины, жертвы нам благоприятны, птицы предвещают удачу, предзнаменования прекрасны. Вперед на врагов! Повстречавшись с нами, им уже не придется спокойно пообедать и разбить лагерь на выбранном ими месте».

(22) Тогда лохаги попросили Ксенофонта вести войско вперед, и никто этому не противоречил. Он исполнил это и отдал приказ переходить овраг с тех мест, где кто стоял, так как понимал, что войско, двигаясь густой массой, скорее переправится на ту сторону, чем если оно будет проходить

по мосту, переброшенному через овраг. (23) После перехода он объезжал фалангу и говорил: «Солдаты, помните, в скольких сражениях, наступая на неприятеля, вы с помощью богов одержали победу и какова участь бегущих от врагов, и не забывайте, что мы находимся у порога Эллады. (24) Итак, следуйте за Вождем Гераклом и ободряйте друг друга поименно. Сейчас каждый из вас может словом или делом выказать свое мужество и доблесть и тем самым оставить по себе память среди людей, мнением которых он дорожит».

(25) Он говорил эти слова на скаку, объезжая фалангу и в то же время указывая ей путь, и они пошли на врагов, выставив на обоих флангах пельтастов. Приказано было нести дротики на правом плече, а когда будет дан трубный сигнал, держать их наготове для нападения, итти шагом и не переходить на бег. Затем по рядам прошел пароль «Зевс Спаситель и Геракл Вождь». (26) Враги ожидали на месте, считая свою позицию выгодной. Когда они сблизились, эллинские пельтасты закричали «А-ля-ля!» и побежали на врагов еще до получения приказа. Враги — конница и густая масса вифинцев — устремились им навстречу и опрокинули пельтастов. (27) Но когда они встретились с наступающей быстрым шагом фалангой гоплитов и когда в одно и то же время затрубила труба, эллины запели пэан, а затем закричали «А-ля-ля!» и стали бросать дротики, тогда враги не устояли и побежали. (28) Тимасий и всадники преследовали их и убили стольких, сколько могли при своей малочисленности. Левое крыло неприятеля тотчас же рассеялось, то самое крыло, против которого находились эллинские всадники, но правое крыло, еще не испытавшее сильного натиска, стояло сомкнутым на холме. (29) Заметив, что те остановились, эллины решили, что легче и безопаснее напасть на них немедленно. Запев пэан, они тотчас же пошли в атаку, и эти враги тоже не устояли. Тогда пельтасты пустились преследовать их до тех пор, пока правое крыло тоже не рассеялось. (30) Правда, убитых было немного, так как многочисленная вражеская конница внушала

эллинам страх. Но когда эллины увидели еще не разбитую конницу Фарнабаза и стекавшихся к ней вифинских всадников, наблюдавших за ходом боя с какого-то холма, они, несмотря на усталость, решили напасть изо всех сил и на этих врагов и не дать им времени опомниться и вновь осмелеть. Они построились и пошли вперед. (31) Тогда вражеские всадники обратились в бегство по склону холма, словно их преследовала конница. Они скрылись в овраге, которого эллины не заметили, так как они до этого прекратили преследование из-за позднего времени. (32) Возвратившись к тому месту, где произошло первое столкновение, они воздвигли трофеи и дошли до моря на закате солнца, потому что до лагеря было около 60 стадий.

Глава VI

(1) После этого враги занялись своими делами и стали увозить как свои семейства, так и имущество как можно дальше, а эллины ожидали Клеандра с триэрами и судами для отплытия и каждый день, не подвергаясь опасности, выходили из лагеря с вьючным скотом и рабами и добывали пшеницу, ячмень, вино, овощи, просо и винные ягоды, так как эта страна изобиловала всевозможными благами, кроме маслин. (2) Когда войско оставалось на месте, отдыхая, желающим разрешалось отправляться за добычей и ходившие забирали ее в свою пользу; но когда выходило все войско, то вся добыча, даже забранная отдельными лицами, считалась общественным достоянием. (3) В это время все имелось в изобилии, потому что съестные припасы прибывали из многих эллинских городов, и плывущие мимо корабли охотно приставали к берегу, услышав, что здесь будто бы основывается город и имеется удобное место для стоянки судов. (4) И враги, жившие по соседству, до которых доходили слухи о заселении этой местности Ксенофонтом, направляли к нему послов с вопросом, чем они могли бы заслужить его дружбу. А Ксенофонт представлял послов солдатам.

(5) В это время прибыл Клеандр с двумя триэрами, но без единого грузового судна. Случилось так, что во время его приезда войско находилось вне лагеря, и некоторые солдаты, ушедшие за добычей в горы, забрали много мелкого скота. Опасаясь, чтобы его у них не отняли, они обратились к Дексиппу, тому самому, который на пятидесятивесельном корабле тайно бежал из Трапезунта, и просили его сохранить скотину, часть взять себе, а остальное отдать им. (6) Дексипп тотчас же прогнал стоявших кругом солдат, утверждавших, что это общественное достояние, и, придя к Клеандру, сказал ему, будто солдаты пытаются его ограбить. Клеандр тогда приказал привести к нему вора. (7) Дексипп схватил какого-то солдата и повел его. Встретившийся ему по пути Агасий отнял солдата, так как тот был из его лоха. А другие присутствовавшие при этом солдаты принялись бросать в Дексиппа камнями, называя его изменником. Многие из приехавших на триэрах испугались и побежали к морю. Побежал и Клеандр. (8) А Ксенофонт и другие стратеги удерживали их и говорили Клеандру, что дело это пустяшное и причиной его является только постановление войска. (9) Но Клеандр, отчасти побуждаемый Дексиппом, отчасти и сам досадуя на себя за свой испуг, сказал, что он уедет и прикажет всем городам не принимать их, так как они являются врагами. Ведь в это время лакедемоняне властвовали над всеми эллинами. (10) Тогда эллины увидели, что дело принимает дурной оборот и попросили Клеандра не выполнять угрозы. Но он ответил, что так оно и будет, если только не выдадут ему зачинщика в бросании камней и того человека, который отнял вора. (11) Тот, выдачи которого он требовал, был Агасий, верный друг Ксенофонта; поэтому-то Дексипп и оклеветал его.

Тогда, ввиду создавшегося трудного положения, начальники собрали войско. Некоторые из них, правда, не придавали большого значения Клеандру, но Ксенофонт не считал этого случая маловажным. (12) Он выступил и сказал: «Воины, если Клеандр действительно уедет, составив себе такое мне-

ние о нас, то это дело, как я думаю, не окажется пустяшным. Эллинские города, ведь, находятся близко, а в Элладе главенствуют лакедемоняне, и любой лакедемонянин может достигнуть в городах всего, чего он хочет. (13) Если Клеандр сперва не пустит нас в Византий, а затем прикажет и другим наместникам не принимать нас в города, как людей непослушных лакедемонянам и не признающих законов, и, если, наконец, эти речи дойдут до наварха Анаксибия, то нам трудно будет и остаться здесь и уехать. Ведь в настоящее время лакедемоняне властвуют на суше и на море. (14) Никоим образом нельзя допустить, чтобы из-за одного или двух человек мы, остальные, лишились Эллады; надо повиноваться любому приказу лакедемонян; ведь и те города, откуда мы родом, повинуются им.

(15) «До меня дошли слухи, будто Дексипп сказал Клеандру, что Агасий не сделал бы этого без моего приказа, и я поэтому заявляю: в том случае, если сам Агасий подтвердит, что я в чем-либо виновен, то я сниму обвинение с вас и с него, и, если только я окажусь зачинщиком в бросании камней или в каком-либо ином насилии, я сам признаю себя достойным тягчайшего наказания и претерплю это наказание. (16) И я считаю, что любой человек, обвиняемый Клеандром, должен предать себя в его руки для суда. Таким только образом вы освободитесь от обвинения. При настоящих же условиях тяжело будет нам, считающим себя достойными получить в Элладе славу и почет, вместо этого оказаться даже в неравном с другими эллинами положении людей, не допускаемых в города».

(17) После этого выступил Агасий и сказал: «Солдаты, я клянусь всеми богами и богинями, что ни Ксенофонт, ни кто-либо другой из вас не внушал мне освободить этого человека из рук стражи. Когда я увидел доблестного воина из моего лоха во власти Дексиппа, которого вы считаете предателем, то мне это показалось возмутительным. И, признаюсь, я освободил его. (18) А вы не выдавайте меня Клеандру: я сам, как предлагает Ксенофонт, отдам себя ему на суд, как бы он

ни намеревался со мной поступить. Не начинайте из-за этого дела войны с лакедемонянами, но спокойно поезжайте кто куда хочет. Пошлите вместе со мной к Клеандру нескольких человек из своей среды, чтобы они говорили и действовали за меня, если я о чем-нибудь позабуду».

(19) Тогда войско разрешило ему произвести выбор спутников по своему усмотрению. Он выбрал стратегов. После этого к Клеандру пошли: Агасий, стратеги и тот человек, которого отнял Агасий. (20) Стратеги сказали: «Войско послало нас, Клеандр, и оно просит тебя, если ты обвиняешь всех совокупно, быть единоличным судьей и поступить по своему усмотрению. Если же ты обвиняешь одного или двух, или нескольких человек, то, по мнению войска, они сами должны предать себя на твой суд. Если ты обвиняешь кого-нибудь из нас, то вот мы перед тобой, если кого-нибудь другого, то назови их, так как никто не решится ослушаться нас». (21) После этого Агасий выступил вперед и сказал: «Это я, Клеандр, отнял у Дексиппа того человека, которого он вел, и приказал бить Дексиппа. (22) Я знаю человека, схваченного из моего лоха как честного воина, а о Дексиппе мне известно, что после избрания его войском в качестве начальника пятидесятивесельного корабля, занятого у трапезунтцев для сбора судов, при помощи которых мы могли благополучно уехать, он тайно скрылся и тем самым предал тех самых солдат, вместе с которыми спасся. (23) Трапезунтцев мы таким образом лишили пятидесятивесельного корабля и из-за этого оказались у них на дурном счету, но, кроме того, мы и сами чуть было из-за этого не погибли. Так же, как и все мы, он прекрасно знал, что нашему походу и благополучному возвращению в Элладу по сухому пути мешают непроходимые реки. Поскольку этот человек таков, я и отнял у него солдата. (24) Но если бы его вел ты или кто-нибудь из твоих людей, а не из лиц, тайно бежавших от нас, то, будь уверен, я не сделал бы ничего подобного. Итак, имей в виду: если ты теперь казнишь меня, то умертвишь честного человека из-за труса и негодяя».

(25) Выслушав это, Клеандр сказал, что он не одобряет Дексиппа, если тот действительно поступил таким образом. «Однако, — сказал он, — даже если Дексипп великий негодяй, то все же, по моему мнению, он не должен подвергаться насилию, а претерпеть наказание по постановлению суда, как и вы сами сейчас предлагаете поступить. (26) Однако теперь удалитесь, оставив здесь этого человека, а когда я потребую, явитесь на суд. Я не обвиняю ни войска, ни кого-нибудь другого, поскольку этот человек сознается в освобождении солдата». (27) Тогда тот, кто был освобожден Агасием, сказал: «Клеандр, если ты думаешь, что меня взяли за преступные действия, то знай: я никого не бил и ни в кого не бросал камней, но только говорил, что забранный скот принадлежит всем. (28) Ведь у солдат существует постановление, согласно которому добыча, забранная одним лицом во время общей вылазки, является общественным имуществом. Таковы были мои слова, и за это Дексипп схватил меня и повел, стремясь зажать всем рты и присвоить себе часть добычи, сохраненной им, вопреки постановлению, для грабителей». На это Клеандр сказал: «Раз ты в самом деле. . .[25] останься, чтобы нам посоветоваться и относительно тебя».

(29) После этого Клеандр и окружавшие его стали завтракать, а Ксенофонт собрал войско и посоветовал ему послать нескольких человек к Клеандру и просить за обвиняемых. (30) Тогда решили послать стратегов и лохагов, спартиата Драконтия и еще нескольких человек, которых считали способными так или иначе упросить Клеандра отпустить обоих. (31) Придя к Клеандру, Ксенофонт сказал: «Клеандр, оба мои воина в твоих руках, и войско предоставило тебе поступить с ними и со всеми нами по своему усмотрению. Но сейчас оно убедительно просит тебя вернуть ему обоих и не предавать их казни, так как в прошлом они много сделали для войска. (32) Если ты уважишь их просьбу, то солдаты обещают, со своей стороны, доказать тебе, в случае если ты пожелаешь стать их вождем и если боги будут милостивы, что они умеют соблю-

дать порядок и способны, повинуясь начальнику и с помощью богов, хорошо воевать с врагами. (33) Просят они тебя также о том, чтобы ты, придя сюда и приняв над нами начальство, произвел расследование о Дексиппе и о всех прочих и каждому воздал по заслугам». (34) Выслушав это, Клеандр сказал: «Клянусь Диоскурами,[26] я не задержу ответа и тотчас же возвращу вам обоих арестованных. Я сам буду у вас и, если боги позволят, поведу вас в Элладу. Ваши слова совсем не соответствуют тому, что я слышал о некоторых лицах из вашей среды, а именно, будто они подстрекают войско к неповиновению лакедемонянам».

(35) Тогда посланные удалились, восхваляя Клеандра и захватив с собой обоих воинов. А Клеандр начал приносить жертвы по поводу похода, дружелюбно обошелся с Ксенофонтом, и они заключили между собой союз гостеприимства. Когда же Клеандр заметил, что солдаты точно выполняют приказания, то он еще больше захотел стать их начальником. (36) Но поскольку принесенные им в течение 3 дней жертвы не дали хороших результатов, он собрал стратегов и сказал: «Священные знаки не благоприятны для меня в том, что касается ухода отсюда войска под моим начальством. Однако не унывайте по этому поводу: повидимому, вам самим надлежит вести солдат. Итак, выступайте, а мы примем вас наилучшим образом, когда вы прибудете туда (в Византий)».

(37) Тогда солдаты решили подарить ему общественный мелкий скот. Он принял, но затем снова отдал обратно. Клеандр отплыл, а солдаты, разделив между собой хлеб, который им привезли, и остальное забранное имущество, отправились в поход через страну вифинцев. (38) Но так как, следуя прямой дорогой, они не повстречали ничего, с чем можно было бы вступить в дружественную страну, то они решили вернуться назад и итти в течение одного дня и ночи. Исполнив это, они захватили много рабов и скота и на шестой день пришли в Хрисополь Халхедонский и там пробыли 7 дней, сбывая добычу.

КНИГА VII

Глава I

(1) [О том, что совершили эллины во время совместного с Киром наступления, вплоть до битвы, а также после смерти Кира, направляясь к Понту, и что было содеяно ими, пока они шли пешим порядком и ехали по морю, намереваясь покинуть Понт, до прибытия за пределы его устья в азиатский Хрисополь, — рассказано в предыдущих главах].

(2) После этого Фарнабаз, боясь, чтобы войско не предприняло похода в его страну, направил посла к наварху Анаксибию, который находился тогда в Византии, и просил его переправить войско из Азии, обещая, со своей стороны, сделать все для этого необходимое. (3) Анаксибий призвал в Византий стратегов и лохагов и обещал, в случае если они переправятся, платить солдатам жалованье. (4) Стратеги и лохаги заявили, что они дадут ответ после совещания, а Ксенофонт сказал ему о своем желании покинуть войско и отплыть. Но Анаксибий попросил его совершить переправу вместе с войском и затем уже удалиться. Тот обещал исполнить это.

(5) Между тем, Севф-фракиец [1] через Медосада просил Ксенофонта содействовать переправе войска, присовокупив, что ему не придется в этом раскаиваться. (6) Ксенофонт ответил: «Войско и так переправится, за это не надо давать денег ни мне, ни кому-либо другому. После переправы я уеду, и

тогда пусть Севф обратится с предложениями к остающимся влиятельным лицам наиболее надежным, по его мнению, путем».

(7) После этого все войско переправилось в Византий. А Анаксибий не выплатил ему жалованья, но приказал солдатам с оружием и обозом уйти из города, якобы для того, чтобы он мог отправить их дальше, произведя им подсчет. Солдаты были очень рассержены, так как у них не было денег для покупки продовольствия на дорогу, и они стали снаряжаться в путь весьма неохотно. (8) А Ксенофонт, заключивший союз гостеприимства с гармостом Клеандром, пришел к нему и стал прощаться, собираясь уехать. Но Клеандр сказал ему: «Не делай этого. В противном случае на тебя падет обвинение, так как и сейчас уже некоторые лица обвиняют тебя за промедление с уходом войска». (9) Ксенофонт сказал: «Я нисколько в этом не виноват. Сами солдаты, нуждаясь в пополнении своих запасов, недовольны уходом». (10) «И все же, — сказал Клеандр, — я советую тебе выйти из города таким образом, словно ты намереваешься отправиться в поход вместе с солдатами, а когда войско будет за пределами города — уехать». «В таком случае, — сказал Ксенофонт, — переговорим об этом с Анаксибием». Они пошли к нему и изложили положение дела.

(11) Анаксибий приказал Ксенофонту поступить именно таким образом, а войску собраться в путь и уйти как можно скорее, и прибавил, что всякий, не явившийся на смотр и подсчет, ответит за это. (12) Затем из города сперва вышли стратеги, а за ними остальные. Уже все, кроме немногих, находились за пределами города, и Этеоник встал у ворот для того, чтобы закрыть их, когда все выйдут, и задвинуть засов. (13) Тогда Анаксибий созвал стратегов и лохагов и сказал: «Продовольствие вы можете достать из фракийских деревень, где много ячменя, пшеницы и других припасов. Забрав припасы, идите в Херсонес, где Киниск выдаст вам жалованье». (14) Солдаты подслушали эти слова или, может быть, кто-нибудь из лохагов разгласил их среди войска. А стратеги

тем временем стали наводить справки о Севфе: враг ли он, или друг и следует ли итти через Священную гору,[2] или в обход ей, по середине Фракии. (15) Пока они совещались, солдаты схватили оружие и пустились бегом к воротам, намереваясь вновь проникнуть в город. А Этеоник и его помощники при виде подбегавших гоплитов закрыли ворота и задвинули засов. (16) Солдаты стали колотить в ворота и кричать, что с ними поступают в высшей степени несправедливо, выгоняя их вон, к врагам. (17) Они грозили выломать ворота, если их не откроют добровольно. Другие солдаты побежали к морю и перелезли через городскую стену по выступу, а те воины, что оставались еще внутри стен, как только увидели происходящее у ворот, топорами изрубили засовы, открыли ворота, и солдаты ворвались в город.

(18) Увидя это, Ксенофонт испугался, что войско начнет грабить и произойдут непоправимые бедствия как для города, так и для него самого и для солдат. Он побежал и вместе с толпой ворвался в город. (19) А византийцы при виде силой вторгающегося войска побежали с рынка, одни к кораблям, другие в дома, а те, что находились в домах, выбегали на улицу; некоторые спускали триэры в море, чтобы спастись на них, и все ожидали гибели, словно город был взят неприятелем. (20) Этеоник укрылся на мысу, а Анаксибий бежал к морю, на рыбачьей лодке пробрался кружным путем на акрополь и тотчас же послал за гарнизоном в Калхедону, так как, по его мнению, отряд, находившийся на акрополе, был недостаточен для отражения нападающих.

(21) Когда солдаты увидели Ксенофонта, они обступили его большой толпой и сказали: «Теперь, Ксенофонт, ты можешь стать великим. В твоей власти город, триэры, богатства и великое множество людской силы. Теперь, если только ты пожелаешь это сделать, ты можешь обогатить нас, а мы тогда возвеличим тебя». (22) Ксенофонт, чтобы успокоить их, ответил: «Вы дельно рассуждаете, и я так и поступлю. Если вы действительно этого хотите, то немедленно стройтесь с ору-

жием в руках». (23) Он и лично уговаривал их исполнить это и через них просил других солдат взять оружие и встать в ряды. Солдаты стали строиться, и в скором времени гоплиты уже стояли по 8 человек в глубину и пельтасты побежали на оба фланга. (24) Та площадь, на которой можно было очень хорошо построить войско называется Фракийской;[3] она ровная и на ней нет строений. Когда солдаты заняли свои места в строю и все успокоились, Ксенофонт обратился к войску и сказал: (25) «Солдаты, я не удивляюсь тому, что вы негодуете и считаете себя обманутыми и обиженными. Однако представьте себе, что получится, если мы последуем нашему влечению, отомстим находящимся здесь лакедемонянам за обман и разграбим ни в чем неповинный город. (26) Мы станем тогда открытыми врагами лакедемонян и их союзников. А какая начнется тогда война — об этом легко догадаться тем, кто видел и помнит недавние события.[4] (27) Ведь мы, афиняне, вступили в войну с лакедемонянами и их союзниками, владея, по крайней мере, 300 триэр, находившимися частью в море, частью в доках, обладая огромными, хранившимися в городе денежными суммами и располагая ежегодным доходом с собственной страны и с чужих областей, равным, по крайней мере, 1000 талантам. Мы властвовали над всеми островами и владели многими городами в Азии и в Европе, в том числе и тем самым Византием, где мы сейчас находимся. И, несмотря на это, мы довоевались до того конца, который всем вам известен. (28) Что же придется испытать нам теперь, когда лакедемоняне располагают не только прежними союзниками, но когда и афиняне с их бывшими союзниками все присоединились к ним, когда Тиссаферн и все другие живущие у моря варвары — наши враги, а величайшим врагом нашим является сам персидский царь, так как мы пришли к нему с тем, чтобы отнять у него власть и даже убить его, если это будет в нашей власти? Поскольку все они заодно, то разве найдется такой безумец, который посмеет надеяться на нашу победу? (29) Ради богов, усмирим свой гнев, да не погибнем мы с позором

как враги отечества и собственных друзей и близких. Ведь все они живут в тех городах, которые пойдут на нас войной, и с полным правом, потому что мы не захотели овладеть ни одним варварским городом, даже одерживая победы, но собираемся опустошить первый эллинский город, в который мы пришли. (30) Я готов провалиться сквозь землю на глубину 1000 оргий прежде, чем мои глаза увидят такой с вашей стороны поступок. И я советую вам, как эллинам, попытаться добиться справедливости, покоряясь тем, кто властвует над эллинами. Если вам это не удастся, то мы хотя и претерпим обиду, все же не будем изгнаны из Эллады. (31) А сейчас, по моему мнению, надо отправить послов к Анаксибию и передать ему, что мы вошли в город не ради насилия, но в надежде по возможности получить от него помощь, а если это не удастся, показать ему, что мы удаляемся потому, что решили остаться послушными, хотя он и не сумел нас обмануть».

(32) Так и порешили, и с этим поручением послали элейца Иеронима, который должен был говорить, аркадянина Эврилоха и ахейца Филесия, и они отправились для переговоров.

(33) Пока солдаты еще ждали ответа, явился фиванец Койратид,[5] который странствовал по Элладе, хотя и не был изгнанником: он мечтал стать полководцем и предлагал свои услуги всем городам и народам, нуждавшимся в стратеге. Явившись в Византий с тем же намерением, он сказал, что готов вести эллинов в так называемую фрикийскую Дельту,[6] где они смогут захватить много богатой добычи. А тем временем, пока они дойдут туда, он обещал доставлять им пищу и питье в изобилии. (34) До солдат эти слова дошли одновременно с ответом Анаксибия, а тот ответил, что солдатам не придется раскаиваться в своем послушании и что он сообщит об этом своему правительству и сам по мере сил позаботится о них. (35) И они приняли Койратида в качестве стратега и вышли за пределы города. Койратид обещал притти к войску на сле-

дующий день с жертвенными животными, прорицателем, пищей и питьем для солдат. (36) А когда они вышли из города, Анаксибий закрыл ворота и объявил через глашатая, что всякий солдат, захваченный в городе, будет продан в рабство. (37) На следующий день пришел Койратид с жертвенными животными и прорицателем, и за ним следовало 20 человек, которые несли ячмень, другие 20 — вино, трое — масло, а один человек тащил такой большой груз чеснока, какой только был в силах снести, и, наконец, еще один нес такой же груз лука. Все это было сложено как предназначенное для раздачи, и Койратид стал совершать жертвоприношение. (38) А, между тем, Ксенофонт послал за Клеандром и просил добиться для него разрешения на вход в город и отплытие из Византия. (39) Клеандр пришел и рассказал, что он явился, добившись положительного ответа лишь с большим трудом, так как Анаксибию не нравится, что солдаты находятся за городом, а Ксенофонт в городе, тем более, что византийцы не согласны между собой и смотрят друг на друга как враги. Однако Анаксибий, по словам Клеандра, разрешил Ксенофонту войти в город, если только он согласен отплыть вместе с ним. (40) Ксенофонт простился с солдатами и вместе с Клеандром вступил в город. Между тем, Койратид в первый день не получил благоприятных предзнаменований при жертвоприношении и ничего не роздал солдатам. На следующий день, когда жертвенные животные уже стояли у алтаря и Койратид был увенчан венком для принесения жертвы, пришли Тимасий-дарданец, Неон из Асины и Клеанор из Эрхомен и сказали Койратиду, чтобы он воздержался от жертвоприношения, так как он не поведет войска, если не удовлетворит его продовольствием. Койратид тогда приказал раздать запасы. Но когда выяснилось, что у него большая нехватка припасов даже для того, чтобы прокормить солдат в течение одного дня, то он ушел, захватив с собой жертвенных животных, и отказался от стратегии.

Глава II

(1) Неон из Асины, ахейцы Фриниск, Филесий и Ксантикл и Тимасий из Дарданы остались при войске и, пройдя во фракийские деревни, что расположены близ Византия, встали там лагерем. (2) Между стратегами существовали разногласия, так как Клеанор и Фриниск хотели вести войска к Севфу, который просил их об этом, подарив одному лошадь, другому девушку. А Неон хотел вести солдат в Херсонес, надеясь получить начальство над всем войском, когда оно окажется под властью лакедемонян. Тимасий желал переправиться обратно на ту сторону, в Азию, думая таким образом снова водвориться на родину, и солдаты желали того же самого. (3) Но время шло, и многие солдаты, распродав оружие в этих местностях, разъехались кто куда мог, а другие [распродав оружие в этих местностях] смешались с населением городов. (4) Анаксибий радовался известию о распаде войска. Он надеялся этим особенно угодить Фарнабазу.

(5) Но когда Анаксибий отплыл из Византия, он встретился в Кизике с Аристархом, преемником Клеандра, гармоста Византия, и тот передал ему, будто и новый наварх [7] Полос скоро уже появится в Геллеспонте. (6) Тогда Анаксибий поручил Аристарху продать в рабство всех солдат Кира, которых он, может быть, еще застанет в Византии. Клеандр этого не сделал, но, наоборот, заботился об уходе за больными из сострадания к ним и заставлял принимать их в дома. Но Аристарх тотчас же по приезде продал в рабство не менее 400 человек. (7) Анаксибий, прибыв в Парий, послал к Фарнабазу, требуя выполнения условий. Но когда Фарнабаз узнал, что новый гармост Аристарх прибыл в Византий и Анаксибий уже не состоит навархом, он не обратил на последнего никакого внимания и стал вести с Аристархом такие же переговоры относительно войска Кира, какие раньше вел с Анаксибием.

(8) Тогда Анаксибий вызвал к себе Ксенофонта и просил его любым способом и как можно скорее отправиться к войску,

не дать ему распасться на части, собрать как можно больше разрозненных отрядов и, приведя их в Перинф, спешно переправить в Азию. Он предоставил ему тридцативесельный корабль, дал письмо и послал с ним человека, чтобы приказать перинфянам как можно скорее отправить Ксенофонта дальше к войску на лошадях. (9) Ксенофонт переплыл (пролив) и прибыл к войску; солдаты приняли его радостно и тотчас же охотно последовали за ним в надежде переправиться из Фракии в Азию.

(10) Услыхав о его возвращении, Севф послал к Ксенофонту по морю Медосада с просьбой привести войско к нему и сулил ему все, чем он надеялся склонить его на свою сторону. Но Ксенофонт ответил, что этому не бывать. (11) С этим ответом Медосад отплыл. Когда эллины прибыли в Перинф, Неон с 800 примерно человек отделился и встал лагерем поодаль; все же остальное войско расположилось вместе возле стен Перинфа.

(12) После этого Ксенофонт стал вести переговоры о кораблях с тем, чтобы переправиться как можно скорее. В это время, по наущению Фарнабаза, прибыл из Византия наместник Аристарх с двумя триэрами, запретил навклерам [8] перевозить войско и, придя в лагерь, велел солдатам не переплывать в Азию. (13) Ксенофонт сказал: «Таков приказ Анаксибия; ради этого он и послал меня сюда». «Анаксибий уже больше не наварх, — сказал Аристарх, — а я здесь гармост; если я захвачу кого-нибудь из вас на море, то потоплю его». С этими словами он ушел в город, а на следующий день послал за стратегами и лохагами. (14) Когда они уже были у самых городских стен, кто-то предупредил Ксенофонта, что если только он войдет в город, то будет схвачен и с ним либо расправятся здесь на месте, либо выдадут его Фарнабазу. Тогда Ксенофонт послал других вперед и сказал, что сам он предполагает принести жертву. (15) Возвратясь, он принес жертву и вопросил, позволят ли ему боги сделать попытку отвести войско к Севфу. Он видел, с одной стороны, что небезопасно переправляться, поскольку тот, кто намеревался оказать этому

противодействие, обладал триэрами, а с другой стороны, Ксенофонт не хотел оказаться окруженным со всех сторон, придя в Херсонес,[9] причем солдаты терпели бы большой недостаток во всем и тогда по необходимости подчинились бы тамошнему гармосту; ведь войско не позаботилось захватить с собой продовольствие.

(16) Этим был занят Ксенофонт. А лохаги и стратеги вернулись от Аристарха и сообщили, что тот приказал им теперь удалиться, а вечером притти к нему. Тут особенно ясно обнаружился злой умысел. (17) Так как жертвы оказались благоприятны уходу Ксенофонта и войска к Севфу, то он взял с собой лохага Поликрата из Афин и от каждого стратега, кроме Неона, по одному доверенному лицу и отправился ночью к войску Севфа за 60 стадий. (18) Когда он приблизился к нему на небольшое расстояние, то натолкнулся на брошенные сторожевые костры. Ксенофонт сперва подумал, что Севф ушел в другое место, но, когда он услышал шум и когда воины Севфа стали перекликаться, тогда он понял, что Севф велел зажечь костры впереди сторожевых постов для того, чтобы последние остались невидимыми в темноте и нельзя было установить ни их численности, ни места их пребывания, а подходящим к лагерю лицам невозможно было скрыться, находясь на виду, в свете костров. (19) Сообразив это, Ксенофонт послал вперед бывшего при нем переводчика и приказал ему сказать Севфу, что прибыл Ксенофонт и ищет с ним встречи. Они (стража) спросили, не тот ли это афинянин, что находится при войске, и когда переводчик подтвердил это, они вскочили на лошадей и помчались. (20) Немного погодя появилось около 200 пельтастов и, взяв с собой Ксенофонта и его спутников, они повели их к Севфу. (21) Он находился в башне под сильной охраной, а вокруг стояли взнузданные кони. Дело в том, что из страха (перед врагами) он разрешал пасти коней только днем, а по ночам они оставались взнузданными и под охраной. (22) Рассказывали, будто в прежние времена Тер, предок Севфа, в этой самой стране, имея при себе большое войско, понес большие потери от тех же врагов, причем у него был

даже отнят обоз. Враги эти были фины,[10] по рассказам, самый опасный противник в ночном бою.

(23) Когда они приблизились, Севф пригласил Ксенофонта войти вместе с двумя спутниками по его выбору. Войдя, они сперва поздоровались и по фракийскому обычаю пили за здоровье друг друга вино из рога. При Севфе находился и Медосад, который постоянно служил у него послом. (24) Затем Ксенофонт начал говорить: «Севф, ты в первый раз послал ко мне вот этого Медосада в Калхедон и просил меня содействовать переправе войска из Азии, обещая, если я исполню это, отблагодарить меня. Так передавал Медосад». (25) Затем Ксенофонт спросил Медосада, правду ли он говорит, и тот подтвердил. «Вторично Медосад приехал, когда я переправился обратно к войску из Пария, и обещал мне, что ты, в случае привода к тебе войска, станешь моим другом и братом и, кроме того, уступишь мне свои приморские владения». (26) Затем он снова спросил Медосада, говорил ли тот эти слова. Медосад опять подтвердил. «А теперь, — сказал Ксенофонт, — расскажи ему сперва, что я ответил тебе в Калхедоне». (27) «Ты ответил, — сказал Медосад, — что войско должно переправиться в Византий и за это не надо ничего платить ни тебе, ни другим, и прибавил, что после того, как ты сам переправишься, ты уедешь. И все случилось так, как ты говорил». (28) «А что я говорил, — спросил Ксенофонт, — когда ты прибыл в Селимбрию?». «Ты сказал, что это невозможно, так как вы, придя в Перинф, переправитесь в Азию». (29) «И вот, — сказал Ксенофонт, — теперь я явился к тебе вместе с Фриниском-стратегом и Поликратом-лохагом, а снаружи находятся доверенные лица от каждого стратега, кроме лаконца Неона. (30) Если ты хочешь придать нашим переговорам больше веса, то пригласи и их. Выйди к ним, Поликрат, скажи, что я приказываю им оставить там оружие, сам оставь свой меч и вернись».

(31) Услышав это, Севф сказал, что он доверяет всем афинянам, потому что они ему сродни,[11] и считает их добрыми

друзьями. Затем, когда вошли приглашенные, Ксенофонт сперва спросил Севфа, на какие цели он думает употребить войско, и Севф сказал следующее: (32) «Моим отцом был Майзад, который правил меландитами, финами и транипсами. Изгнанный из этой страны, когда дела одрисов[12] пришли в плохое состояние, он умер от болезни, а я, сирота, был воспитан у нынешнего царя Медока. (33) Когда я возмужал, то мне стало невыносимо жить, глядя на чужой хлеб, и однажды, сидя с царем за одной трапезой, я стал умолять его дать мне сколько он может людей, чтобы попытаться отомстить выгнавшим нас и чтобы я не оставался у него дольше из милости. (34) Тогда он дал мне тех людей и коней, которых вы увидите, когда наступит день, и теперь я повелеваю ими и живу, грабя мое отечество. Но если вы присоединитесь ко мне, то я надеюсь, с помощью богов, без труда вернуть свое царство. Об этом-то я и прошу вас».

(35) Ксенофонт сказал: «А что бы ты мог дать войску, лохагам и стратегам в случае нашего перехода к тебе? Объяви нам, чтобы мы могли сообщить солдатам». (36) Севф обещал платить каждому солдату по кизикину (в месяц), каждому лохагу вдвое и каждому стратегу в четыре раза больше и, кроме того, дать земли, сколько они пожелают, упряжных животных и укрепленное место у моря. (37) «Но в том случае, — спросил Ксенофонт, — если мы при всем старании не добьемся успеха и лакедемоняне будут грозить нам, примешь ли ты к себе тех, которые захотят перейти к тебе?». (38) Севф сказал: «Они станут нашими братьями, сотрапезниками и соучастниками во всем, что нам удастся добыть. А тебе, о Ксенофонт, я дам свою дочь, и если у тебя есть дочь, то я, по фракийскому обычаю, дам за нее выкуп и подарю ей для жительства Висанфу, самое лучшее из моих приморских поселений».

Глава III

(1) После этих речей, пожав правую руку Севфа, эллины удалились. До наступления утра они прибыли в лагерь и

каждый сообщил пославшим его результаты поездки. (2) Когда наступил день, Аристарх снова позвал к себе стратегов, но они решили не итти к нему и собрать войско. Собрались все, кроме солдат Неона, так как они находились на расстоянии примерно 10 стадий. (3) Когда все были в сборе, Ксенофонт выступил и сказал следующее: «Воины, Аристарх, имеющий в своем распоряжении триэры, препятствует нам плыть туда, куда мы хотим, и садиться на корабли не безопасно. Он также приказывает нам силой пробиться в Херсонес через Священную гору. Если мы придем туда, овладев этой горой, то он обещает не продавать вас в рабство, как было в Византии, и больше не обманывать, но платить вам жалованье, а также не допускать, чтобы вы, как это происходит в настоящее время, нуждались в продовольствии. (4) Таковы его слова. А Севф обещал, если вы придете к нему, облагодетельствовать вас. Итак, решайте, будете ли вы совещаться об этом здесь, на месте, или там, куда мы отправимся за продовольствием. (5) Мне кажется, если мы останемся совещаться здесь, у нас, прежде всего, не будет денег для закупок, а забирать без платы не дозволят. Если же мы отправимся в деревни, где беззащитные жители не смогут помешать нам захватить продовольствие, то там, располагая припасами, мы выслушаем предложение каждого из них (Аристарха и Севфа) и выберем то, что нам покажется наилучшим. (6) Кто согласен с этим, — сказал он, — пусть поднимет руку». Все подняли руки. «Теперь, — сказал он, — разойдитесь, собирайтесь в дорогу и по сигналу следуйте за передовым отрядом».

(7) Ксенофонт повел войско, и солдаты последовали за ним. Неон и посланцы Аристарха, правда, убеждали их вернуться, но они не послушались. Пройдя около 30 стадий, они повстречали Севфа. Увидя Севфа, Ксенофонт попросил его подъехать ближе, чтобы возможно большее количество солдат услышало то, что он считал нужным ему сказать. (8) Севф приблизился, и Ксенофонт сказал: «Мы идем туда, где войско может достать продовольствие. Там, выслушав предложения твои и лакеде-

монян, мы выберем то, что покажется нам лучшим. Если бы ты повел нас туда, где продовольствие имеется в изобилии, то мы сочли бы себя твоими гостями». (9) Севф сказал: «Мне известны многочисленные, близко расположенные друг от друга деревни, полные всяких припасов, находящиеся на таком от нас расстоянии, что, дойдя до них, вы с удовольствием там пообедаете». (10) «Итак, веди нас», — сказал Ксенофонт. Они прибыли туда после полудня, солдаты собрались на сходку, и Севф сказал следующее: «Солдаты, я прошу вас отправиться со мной в поход и обещаю дать каждому из вас по кизикину, а лохагам и стратегам — согласно установленному обычаю.[13] Кроме того, я буду награждать отличившихся. Пищу и питье вы, как и сейчас, будете забирать в стране. Но добычу я считаю нужным оставлять за собой, чтобы, продав ее, я мог заплатить вам жалованье. (11) Бегущих и скрывающихся врагов мы и сами сумеем преследовать и отыскать, а сопротивляющихся мы с вашей помощью постараемся победить». (12) Ксенофонт спросил: «На какое расстояние от моря ты хочешь повести за собой войско?». Он ответил: «Никак не более 7 дней пути, а в большинстве случаев и меньше».

(13) После этого было позволено говорить всем желающим. И многие высказались в том смысле, что предложение Севфа заслуживает всяческого одобрения. Ибо наступила зима и желающим отплыть домой нельзя этого сделать, а прожить в дружественной стране невозможно, раз необходимо за все платить, пребывать же и питаться во вражеской стране гораздо безопаснее вместе с Севфом, чем без него. А если при всех этих благах еще будет выдаваться жалованье, то это надо считать чистой находкой. (14) После них Ксенофонт сказал: «Если кто-нибудь хочет возразить — пусть выскажется, в противном случае поставим на голосование». Так как никто не выступил против, то он поставил вопрос на голосование. Предложение было принято, и Ксенофонт тотчас же сказал Севфу, что эллины пойдут с ним в поход.

(15) После этого воины разбили палатки по отрядам, а стратегов и лохагов Севф пригласил на обед в ближайшую занятую им деревню.

(16) Когда они подошли к двери Севфа, направляясь на обед, появился некий Гераклид из Маронеи; он подходил к каждому, кого считал в состоянии подарить что-либо Севфу, и сперва заговорил с несколькими гражданами Пария, которые находились там, направляясь к царю одрисов Медоку, чтобы заключить с ним союз, и везли подарки ему и его жене.[14] Он сказал, что Медок находится в глубине страны на расстоянии 12 дней пути от моря, а Севф, с помощью такого войска, станет властвовать в приморской области. (17) «В качестве вашего соседа он более других будет способен оказать вам услугу или причинить зло, — говорил Гераклид. — Будьте же благоразумны и отдайте ему то, что вы везете с собой. Это будет выгоднее для вас, чем если вы отдадите все Медоку, живущему так далеко». И он убедил их такими речами.

(18) Затем он подошел к Тимасию из Дарданы, так как слышал, что у того имеются варварские кубки и ковры, и сказал, что Севф рассчитывает получить подарки от приглашенных к обеду. «Если Севф добьется здесь господства, — сказал он, — то в его власти будет отправить тебя домой, а если ты останешься здесь, сделать тебя богатым». Так он твердил всем и каждому. (19) Подойдя к Ксенофонту, он сказал: «Ты происходишь из самого великого города, и имя твое у Севфа пользуется самым большим почетом. Может быть, ты захочешь получить в этой стране укрепленные стенами города и поместья, какие уже получили многие из нас. Поэтому тебе следует почтить Севфа и наиболее великолепными подарками. (20) Даю тебе этот совет как друг. Я, ведь, прекрасно знаю, что в той же степени, в какой твои подарки превзойдут подарки других лиц, и Севф облагодетельствует тебя преимущественно перед остальными». Внимая этим словам, Ксенофонт был в затруднении; ведь он приехал из Пария, имея

при себе всего навсего одного раба и деньги только на дорожные расходы.

(21) Когда собрались на пир самые знатные из находившихся налицо фракийцев, эллинские стратеги и лохаги, а также бывшие там в то время посольства из городов, приступили к обеду, усевшись в круг. Затем для каждого из обедавших внесли по столу на трех ножках; на них [числом около 20] лежали куски мяса и, кроме того, к ним были привязаны большие кислые хлеба. (22) Кушанья подносились, главным образом, гостям, ибо таков был их обычай, и Севф показал пример, поступив следующим образом: он взял лежавшие перед ним хлеба, разломил их на небольшие куски и бросил кому хотел (из присутствующих), и так же поступил он с мясом, оставляя себе лишь столько, сколько он мог съесть сам. (23) И другие обедавшие, перед которыми стояли столы, поступали таким же образом. Но некий аркадянин по имени Ариста, большой обжора, не захотел бросать другим еды; взяв в руку хлеб, величиной примерно в 3 хойника, и положив мясо на колени, он принялся уписывать еду. (24) Разносили также рога с вином, и все брали по рогу. Но когда виночерпий с рогом подошел к Аристе, тот, видя, что Ксенофонт уже кончил есть, сказал: «Подай ему, он уже отдыхает, а я еще занят». (25) Севф заметил происходивший разговор и спросил виночерпия, что говорит Ариста. Виночерпий объяснил, так как он знал язык эллинов, и все рассмеялись.

(26) Когда началась попойка, вошел фракиец, ведя за собой белого коня, и, взяв наполненный вином рог, сказал: «Пью за твое здоровье, Севф, и дарю тебе этого коня; на нем ты догонишь всякого, кого захочешь, а при отступлении ты можешь не бояться врага». (27) Другой ввел раба и подарил его таким же образом, выпив за здоровье Севфа; третий подарил одежды для его жены. А Тимасий выпил за здоровье Севфа и подарил ему серебряную чашу и ковер ценой в 10 мин. (28) Один афинянин, Гнесипп, встал и сказал, что существует прекрасный древний обычай, согласно которому

имущие одаряют царя в знак питаемого к нему уважения, а неимущих одаривает царь. «И я, — сказал он, — только таким путем мог бы подарить тебе что-нибудь и оказать тебе почет». (29) А Ксенофонт не знал, как ему поступить, тем более, что он как почетный гость сидел на ближайшем к Севфу дифросе. [15] Тем временем Гераклид приказал виночерпию поднести Ксенофонту рог. Тот, будучи уже несколько навеселе, встал, смело взял рог и сказал: (30) «Севф, я отдаю тебе самого себя и вот этих моих товарищей в качестве верных друзей, причем ни один из них не идет к тебе против воли, но все они еще больше, чем я, желают твоей дружбы. (31) Сейчас они находятся здесь, больше ничего от тебя не требуют и согласны добровольно обречь себя на труды и опасности ради тебя. С ними, если это будет угодно богам, ты обретешь и те обширные земли, которые тебе пришлось оставить, хотя они и принадлежали твоему отцу, и множество коней, мужей и прекрасных жен, и тебе не придется добывать все это грабежом, но эти люди сами поднесут их тебе как подарки». (32) Севф встал, выпил вместе с Ксенофонтом и вместе с ним опрокинул рог.[16] После этого вошли люди, которые трубили в такие рога, какими подают сигналы, и в трубы, сделанные из сырой бычачьей кожи, и все это в такт, как при игре на мегадиде.[17] (33) Тут сам Севф поднялся, прокричал военный клич и пустился скакать с большой легкостью, словно он спасался от пущенного в него копья. Появились также скоморохи.

(34) Когда солнце стало клониться к закату, эллины встали и заявили, что пора расставить стражу на ночь и отдать пароль. Они попросили Севфа распорядиться, чтобы ни один фракиец не подходил ночью к эллинскому лагерю. «Ибо фракийцы, — говорили они, — наши враги, а вы, наши друзья, тоже фракийцы». (35) Когда они вышли, то встал и Севф, уже без всяких следов опьянения. Выйдя из помещения и отозвав в сторону одних стратегов, он сказал: «Эллины, враги еще ничего не знают о нашем союзе. Если мы пойдем на них прежде, чем

они примут меры к самосохранению и приготовятся к отпору, то мы несомненно захватим как их самих, так и их имущество». (36) Стратеги согласились с этим и попросили его вести войско. Он сказал: «Итак, будьте готовы и ждите меня, а когда наступит время, я приду, захвачу с собой вас и пельтастов и вместе с конницей поведу вас впереди». (37) А Ксенофонт заметил: «Подумай, однако, не лучше ли будет последовать эллинскому обычаю, поскольку мы отправимся в поход ночью. Ведь днем в походах в авангарде идут наиболее подходящие для этого, смотря по характеру местности, отряды, — когда гоплиты, когда пельтасты, а когда и конница, но ночью, согласно эллинскому обычаю, впереди идут всегда наиболее медленно движущиеся отряды. (38) Благодаря этому войско не так легко раскалывается на части и оторвавшиеся отряды не так легко теряются. А между тем блуждающие отряды нередко наталкиваются друг на друга и, не признав своих товарищей, наносят друг другу урон». (39) Тогда Севф ответил: «Вы правы, и я последую вашему обычаю. Я дам вам в проводники стариков, лучше всех знающих страну, а сам вместе с конницей последую за вами в хвосте войска. А если это потребуется, я быстро проскачу вперед». Пароль назначили «Афина», в силу родственных связей. Порешив таким образом, они предались отдыху.

(40) Около полуночи появился Севф с одетыми в панцыри всадниками и вооруженными пельтастами. После передачи проводников, впереди пошли гоплиты, следом за ними пельтасты, а конница составляла арьергард. (41) С наступлением дня Севф проехал вперед и похвалил эллинский обычай. По его словам, он сам вместе с конницей во время ночных походов, даже с немногочисленным войском, неоднократно отбивался от пехоты. «Теперь же, — говорил он, — как оно и надлежит, мы с наступлением дня все оказываемся в сборе. Однако подождите меня здесь и отдохните, а я вернусь, произведя разведку». (42) Сказав это, он поскакал через гору по какой-то дороге. Доехав до глубокого снега, он стал искать, нет ли

где следов людей, проходивших вперед или назад. Но, убедившись в том, что никто не проходил этой дорогой, он быстро возвратился назад и сказал: (43) «Воины, все пойдет прекрасно, если это будет угодно богу, так как мы нападем на них врасплох. Я вместе с конницей поскачу вперед, чтобы в случае, если кто попадется нам на глаза, он не мог убежать и дать знать врагам. Следуйте за мной, и если вы отстанете, идите по конским следам. Перейдя гору, мы придем в многочисленные и богатые деревни».

(44) С наступлением полудня он уже был на вершине горы и, увидав внизу деревни, прискакал к гоплитам и сказал: «Я сейчас прикажу коннице быстро спуститься на равнину, а пельтастов направлю в деревни. Следуйте за ними как можно скорее, чтобы отразить всех, кто будет сопротивляться». Услышав это, Ксенофонт сошел с коня. Севф спросил его: «Почему ты сходишь с коня, когда надо торопиться?». «Я понимаю, — ответил Ксенофонт, — но ведь не за мной одним дело. А гоплиты побегут быстрее и охотнее, если я поведу их пешком». (45) После этого Севф удалился, а с ним и Тимасий со своими 40 эллинскими всадниками. А Ксенофонт приказал всем легко вооруженным солдатам моложе 30 лет выступить из лохов. Сам он побежал вместе с ними вперед, а Клеанор повел остальных. (46) Когда они пришли в деревни, Севф с 30 примерно всадниками подскакал к ним и сказал: «О, Ксенофонт, твои слова сбылись: местные жители в наших руках, однако мои всадники рассеялись в разные стороны, преследуя разбежавшихся, и я боюсь, чтобы враги не собрались воедино и не наделали нам хлопот. Необходимо также кому-нибудь из нас остаться в деревнях, так как они очень многолюдны». (47) Ксенофонт ответил: «Тогда я с моими солдатами займу вершины, а ты прикажи Клеанору вытянуть фалангу по равнине вдоль деревень». Когда это было выполнено, они захватили около 1000 рабов, рогатого скота около 2000 и мелкого скота около 10 000 (голов). Затем они там же расположились на ночлег.

Глава IV

(1) На следующий день Севф сжег до основания деревни, не оставив в целости ни одного дома, с целью нагнать страх на других жителей страны и показать им, какая их ждет участь, если они ему не покорятся, и пошел дальше. (2) Он послал Гераклида продать добычу в Перинфе, чтобы было чем выплатить жалование солдатам, а сам вместе с эллинами расположился лагерем на равнине финов. А фины покинули свои дома и бежали в горы. (3) Тем временем выпал глубокий снег и настал такой холод, что вода, приносимая к обеду, замерзала, так же как и вино в глиняных сосудах, и многие эллины отморозили себе носы и уши. (4) Тогда выяснилось, почему фракийцы носят на головах и ушах лисьи шкуры,[18] а также хитоны, прикрывающие не только грудь, но и бедра, а при верховой езде — плащи, доходящие до пят, а не хламиды.[19] (5) Между тем Севф послал кое-кого из пленных в горы с наказом передать беглецам, что если они не вернутся в свои жилища и не покорятся ему, то он сожжет их деревни, а также хлеб, и они погибнут от голода. Тогда с гор стали спускаться женщины, дети и старики; а молодые люди остались в деревнях у подножья горы. (6) Узнав об этом, Севф приказал Ксенофонту взять с собой самых молодых гоплитов и последовать за ним. Выступив ночью, они на рассвете пришли в деревни. Бóльшая часть финов убежала, так как горы находились поблизости, но всех схваченных Севф приказал, не давая им пощады, убить дротиками.

(7) Некий Эписфен из Олинфа [. . .] увидел вооруженного щитом мальчика, почти юношу, которому грозила смерть, прибежал к Ксенофонту и стал умолять его оказать мальчику помощь. (8) Ксенофонт пошел к Севфу, попросил не убивать мальчика.[...]. (9) Севф спросил Эписфена: «Может быть, Эписфен, ты согласен умереть вместо него?». Тот подставил свою шею и сказал: «Руби, если мальчик согласен и будет мне благодарен». (10) Севф спросил мальчика, не убить ли этого человека вместо

него? Мальчик воспротивился этому и умолял оставить обоих в живых. [. . .]. (11) Севф рассмеялся и дал свое согласие. Он решил расположиться тут же, чтобы бежавшие в горы не могли получить пропитания из этих деревень. Сам он сошел на равнину и стал там лагерем, а Ксенофонт с отборными воинами остановился в самой верхней деревне у подножья горы, остальные эллины разбили лагерь поблизости, среди так называемых горных фракийцев.

(12) Прошло несколько дней, и фракийцы стали спускаться с гор к Севфу и вести переговоры о союзе и заложниках. А Ксенофонт, придя к Севфу, заявил, что его отряд стоит в невыгодных условиях и враги находятся близко от них. «Лучше было бы, — сказал он, — расположиться под открытым небом в укрепленных местах, чем в домах, где эллины легко могут погибнуть». Но Севф просил его не беспокоиться и указал на находившихся у него заложников. (13) В то же время кое-кто из спустившихся с гор просил самого Ксенофонта содействовать в заключении договора. Он согласился, уговаривал их не бояться и ручался за то, что они не потерпят ничего плохого, покорившись Севфу. А на самом деле фракийцы вели эти переговоры в целях соглядатайства.

(14) Все это случилось днем, а при наступлении ночи фины спустились с горы и произвели нападение. Проводниками им служили хозяева домов, так как иначе трудно было в темноте найти в деревнях жилища и, кроме того, из-за мелкого скота дома были окружены со всех сторон высокими частоколами. (15) Подойдя к дверям дома, одни метали дротики, другие колотили дубинами, — теми дубинами, которые, по их словам, служили им для сбивания наконечников копий, — а третьи поджигали и, называя Ксенофонта по имени, приказывали ему выйти из дома и принять смерть, а в противном случае грозили сжечь его тут же на месте. (16) Уже показался огонь через крышу и солдаты Ксенофонта стояли вокруг него в панцырях и шлемах, со щитами и мечами, когда Силан из Макисты, юноша лет 18, дал трубный сигнал. И тотчас же сол-

даты с мечами наголо выскочили из других жилищ. (17) Фракийцы побежали, перекинув, согласно своему обычаю, щиты за спину. Некоторые из них были захвачены в то время, когда они перелезали через частокол, так как они зацепились щитами за колья и повисли; другие погибли, не найдя выхода; а эллины преследовали врагов за пределами деревни. (18) Некоторые фины, повернув назад, в темноте метали дротики в пробегающих мимо пылающих домов (эллинов), метали из мрака в освещенное пространство и ранили Иеронима из Эвбеи — лохага и Феогена из Локр — лохага. Никто не был убит, однако кое у кого сгорела одежда и имущество. (19) Севф прибыл на помощь с семью самыми быстрыми всадниками и фракийским трубачом. Как только до Севфа дошли слухи о происшедшем, он приказал трубить все время, пока спешил на помощь, что увеличивало страх среди врагов. Приехав к эллинам, он приветствовал их и сказал, что ожидал найти много убитых.

(20) После этого Ксенофонт попросил Севфа передать ему заложников и либо отправиться вместе с ним в поход на гору, либо позволить ему пойти туда одному. (21) Итак, на следующий день Севф передал эллинам заложников — уже немолодых, но, как говорили, самых влиятельных людей среди горных жителей, — и сам пошел в поход со своими воинами. В это время он уже обладал войском в три раза бóльшим, чем прежде, так как, услышав о действиях Севфа, многие одрисы сошли с гор и вступили в ряды его войска. (22) Когда фины увидели с горы множество гоплитов, пельтастов и конницы, они сошли вниз и умоляли о пощаде, соглашаясь все исполнить и предлагая принять от них залоги верности. (23) Севф призвал Ксенофонта, объяснил ему их речи и сказал, что не пощадит финов, если Ксенофонт захочет отомстить им за нападение. (24) Ксенофонт ответил: «Я считаю, что они будут достаточно наказаны, если из свободных превратятся в рабов». А затем он дал Севфу совет: в будущем брать в заложники тех, кто способен воевать, а стариков отпускать домой. Таким образом, все жители этой местности признали Севфа.

Глава V

(1) Эллины переправились через горы и пошли на фракийцев, живущих за Византием, в так называемую Дельту. Это уже были владения не Майзада, но Тера, сына Одриса [какого-то древнего царя]. (2) Туда явился Гераклид с деньгами, вырученными от продажи добычи. Севф приказал вывести три пары мулов — больше их и не было — и несколько пар волов, позвал Ксенофонта и велел ему взять часть себе, а остальное разделить между стратегами и лохагами. (3) Ксенофонт ответил: «Я, с своей стороны, согласен получить оплату позже, а ты одари тех стратегов и лохагов, которые последовали за мной». (4) Таким образом, из мулов одну пару взял Тимасий из Дарданы, другую Клеанор из Эрхомен, третью Фриниск-ахеец; а волы были разделены между лохагами. Жалованье выдали, несмотря на то, что уже прошел месяц, — только за 20 дней, так как, по словам Гераклида, он большего не мог выручить при продаже. (5) Ксенофонт пришел в негодование и сказал: «Клянусь, Гераклид, мне кажется, ты заботишься об интересах Севфа не так, как должно; ведь если бы ты действительно проявил о них заботу, то привез бы жалованье сполна, хотя бы тебе пришлось для этой цели занять деньги или даже продать свою одежду, раз этого нельзя было достигнуть другим способом».

(6) Гераклид рассердился за эти слова и, боясь лишиться расположения Севфа, с этого дня стал усиленно клеветать последнему на Ксенофонта. (7) А тем временем солдаты начали ругать Ксенофонта за недополучение ими жалованья, а Севф сердился на Ксенофонта за то, что тот настойчиво требовал жалованье для солдат. (8) Раньше он постоянно обещал тотчас же по прибытии к морю отдать Ксенофонту Висанфу, Ган и крепость Неон; но с этого времени он больше не упоминал об этом, так как Гераклид внушил ему, будто небезопасно передавать крепости человеку, располагающему воинской силой.

(9) Тогда Ксенофонт стал обдумывать, следует ли продолжать поход в еще более отдаленные страны. А между тем Гера-

клид привел остальных стратегов к Севфу и подговаривал их сказать, что они могли бы предводительствовать войском не хуже Ксенофонта; а жалованье за 2 месяца он обещал выплатить по прошествии нескольких дней и убеждал их отправиться вместе с ним в поход. (10) Но Тимасий ответил: «Что касается до меня, то я не отправился бы с вами в поход без Ксенофонта, даже если бы мне уплатили жалованье за 5 месяцев». Фриниск и Клеанор согласились с Тимасием. (11) Тогда Севф стал порицать Гераклида за то, что тот не пригласил Ксенофонта. Затем его пригласили отдельно от других. Но он, зная коварство Гераклида, стремившегося оклеветать его перед другими стратегами, пришел, захватив с собой всех стратегов и лохагов.

(12) И поскольку все пришли к соглашению, они отправились в совместный поход, прошли через страну так называемых фракийцев-просоедов, имея Понт по правую руку, и прибыли в Салмидесс.[20] Здесь многие из плывущих в Понт кораблей садятся на мель и их прибивает затем к берегу, так как море тут на большом протяжении очень мелководно. (13) Фракийцы, живущие в этих местах, отмежевываются друг от друга столбами и грабят корабли, выбрасываемые морем на участок каждого из них. Рассказывают даже, что до размежевания многие из них погибли, убивая друг друга при грабежах. (14) Там нашли много кроватей, сундуков, книг и других вещей, какие навклеры обычно перевозят в деревянных ящиках. (15) В это время войско Севфа было уже многочисленнее эллинского войска, так как большое количество одрисов спустилось к нему (с гор) и покорившиеся всегда присоединялись к походу. Они все вместе расположились лагерем на равнине за Селимбрией,[21] на расстоянии 30 стадий от моря. Но о жаловании попрежнему ничего не было слышно. (16) Солдаты были очень сердиты на Ксенофонта, а Севф обращался с ним уже не так дружелюбно, как прежде, и всякий раз, когда Ксенофонт приходил к нему, ища встречи, оказывались тому всевозможные препятствия.

Глава VI

(1) В это время, по прошествии почти 2 месяцев с начала службы у Севфа, прибыли от Фиброна лаконцы Хармин и Полиник и сообщили, что лакедемоняне решили воевать с Тиссаферном [22] и Фиброн уже отплыл для ведения войны. А так как последнему необходимо присоединить к себе эллинское войско, то он обещает следующее жалованье: солдатам по одному дарику в месяц, лохагам в два, а стратегам в четыре раза больше.

(2) Когда прибыли лакедемоняне, Гераклид тотчас же разузнал, что они приехали за войском, и сказал Севфу, что дела принимают хороший оборот: «Лакедемоняне, — говорил он, — нуждаются в войске, а ты уже больше не имеешь в нем надобности; отпустив солдат, ты сделаешь лакедемонянам одолжение, а солдаты больше не будут требовать у тебя жалованья и покинут страну». (3) Выслушав это, Севф приказал привести к нему послов, и когда те подтвердили, что они прибыли за войском, он обещал отпустить солдат и выразил свое желание поддерживать дружбу и союз с лакедемонянами. Он пригласил их к себе и угостил великолепно. А Ксенофонта он не пригласил, так же как и других стратегов. (4) Когда же лакедемоняне спросили, что за человек Ксенофонт, он ответил, что в общем это человек не плохой, но уж очень любит солдат и этим вредит себе. Они спросили: «Может быть, он умеет речами привлекать солдат на свою сторону?». (5) Гераклид сказал: «И еще как!». «В таком случае, — сказали они, — как бы он не воспрепятствовал уводу войска». «Если вы соберете солдат, — сказал Гераклид, — и пообещаете им жалованье, то они не очень-то будут о нем вспоминать и побегут за вами». (6) «Но как нам созвать их?», — спросили послы. Гераклид ответил: «Завтра утром мы вас приведем к ним, и я уверен, что при виде вас они с радостью сбегутся на сходку». Этот день окончился таким образом.

(7) На следующий день Севф и Гераклид повели лаконцев к войску, и солдаты собрались на сходку. Лаконцы ска-

зали: «Лакедемоняне решили воевать с Тиссаферном, который поступил с вами несправедливо. Если вы пойдете с нами, то отомстите врагу и, кроме того, каждый солдат будет получать по дарику в месяц, лохаги по два дарика, а стратеги по четыре». (8) Солдаты обрадовались этим словам и немедленно выступил один аркадянин с обвинениями против Ксенофонта. Севф тоже присутствовал при этом, желая узнать, чем все кончится; вместе с переводчиком он стоял на таком расстоянии, что мог расслышать речи. (9) Впрочем, он и сам достаточно понимал греческий язык. Аркадянин сказал: «Мы, лакедемоняне, давно пришли бы к вам, если бы Ксенофонт не убедил нас притти сюда, где мы, воюя в жестокую стужу, не знаем отдыха ни днем, ни ночью, а он пользуется нашими трудами. Севф обогатил только его одного, а нас он лишает жалованья. (10) Поэтому, если бы только я [первый высказавшийся] увидел Ксенофонта, побитого камнями и понесшего возмездие за все то, во что он нас впутал, то я согласился бы признать себя удовлетворенным в отношении жалования и больше не печалился бы о понесенных трудах». После него выступил другой с такими же речами и за ним третий. Тогда Ксенофонт произнес следующую речь:

(11) «Поистине человек должен быть ко всему готов: ведь я сейчас выслушиваю от вас порицания за те поступки, за которые, по моему убеждению, я достоин вашей глубокой благодарности. Клянусь Зевсом, не слухи о вашем благоденствии побудили меня вернуться, когда я уже находился в пути на родину. В действительности я поступил так, узнав о вашем безвыходном положении, и возвратился для оказания вам посильной помощи. (12) Когда я прибыл к вам и вот этот самый Севф стал засылать ко мне послов и многое обещал мне,[23] в случае если мне удастся убедить вас перейти к нему, я, как вам известно, не взялся за это дело, но повел вас туда, откуда, как я думал, вы могли всего скорее переправиться в Азию. Я считал это наилучшим для вас выходом и знал, что это согласуется и с вашими желаниями. (13) Но когда прибыл Аристарх с триэрами и помешал нам переправиться, я, как это было

у нас в обычае, собрал вас на совещание о дальнейших действиях. (14) И вот, выслушав Аристарха, который приказывал вам следовать в Херсонес, и Севфа, убеждавшего вас отправиться в поход вместе с ним, разве вы не высказались за поход с Севфом и не утвердили этого единодушным голосованием? В чем же здесь мое преступление, когда я повел вас туда, куда все вы сами решили итти? (15) Что же до Севфа и его обмана в отношении вашего жалованья, то вы были бы совершенно правы, обвиняя меня и негодуя, если бы только я поддерживал его. Но поскольку прежде я был ему самым близким другом, а сейчас стал самым неугодным человеком, то разве справедливо с вашей стороны обвинять меня, разошедшегося с Севфом именно из-за вас?

(16) «Вы, может быть, скажете, что можно взять от Севфа принадлежащие вам деньги и притвориться ничего не получившим. Но разве не очевидно, что если Севф мне действительно что-то дал, то он сделал это не с целью лишиться этих денег и еще сверх того выплатить вам другую сумму. Я думаю, если он действительно это сделал, то он имел в виду отдать мне меньше, а удержать с вас больше. (17) Если вы держитесь такого мнения, то у вас есть возможность сейчас же уничтожить эту сделку, взыскав с него деньги. Ведь ясно, что Севф, если я получил что-нибудь от него, потребует деньги назад и потребует справедливо, раз я не сдержал своего слова в том деле, ради которого получил взятку. (18) Но уверяю вас, я далек от присвоения себе вашего имущества. Клянусь вам всеми богами и богинями, — я не получил даже обещанного Севфом мне лично. Он ведь сам присутствует здесь и, слушая мои слова, не хуже меня знает, приношу ли я ложную клятву или нет. (19) А вы еще больше удивитесь, когда я поклянусь, что не получил от него даже таких подарков, какие он роздал другим стратегам и даже некоторым лохагам.

(20) «Однако зачем же я поступал таким образом? Я полагал, воины, что чем больше будет оказанная ему при его тогдашней бедности помощь, тем крепче будет дружба, которую он

подарит мне, когда достигнет власти. И вот теперь я являюсь свидетелем его благополучия и одновременно познаю его нрав. (21) Может быть, кто-нибудь скажет: «Разве тебе не стыдно, что тебя так глупо провели?». Клянусь Зевсом, я несомненно стыдился бы, если бы был обманут врагом, но, по моему мнению, среди друзей более стыдно быть обманщиком, чем обманутым. (22) Но раз уже приходится остерегаться даже друзей, то мы, я это утверждаю, приняли все меры к тому, чтобы не дать ему справедливого повода удержать обещанное нам: мы ведь ничем не обидели его, не показали себя нерадивыми к его интересам и не уклонялись от тех заданий, ради которых он нас призвал.

(23) «Но, может быть, вы скажете: тогда нужно было взять у него залог, чтобы он даже при всем желании не мог нас обмануть. По этому поводу выслушайте то, что я никогда не сказал бы в присутствии Севфа, если бы не считал вас вовсе неразумными и уж слишком по отношению ко мне неблагодарными. (24) Вспомните, в каких вы находились обстоятельствах, когда я выручил вас, приведя к Севфу. Разве, когда вы подошли к городу Перинфу, лакедемонянин Аристарх не воспрепятствовал вам войти в него, заперев ворота? Вы расположились лагерем за пределами города под открытым небом, а была середина зимы, и вы пользовались базаром, видя, что продовольствия мало, и зная, что вы скудно снабжены средствами для покупки. А между тем, необходимость заставляла нас оставаться во Фракии, так как готовые к нападению триэры препятствовали переправе. (25) Но если бы мы остались там, то оказались бы во враждебной стране, с многочисленной неприятельской конницей и пельтастами, (26) а у нас, правда, хотя и было налицо войско гоплитов, с помощью которого, дружно напав на деревни, мы могли бы, возможно, забрать продовольствие в небольшом количестве, но мы не были бы в состоянии захватить рабов и мелкий скот, так как по своем возвращении я уже не застал у вас ни конницы, ни пельтастов.

(27) «И вот, поскольку вы находились в таких трудных обстоятельствах, разве вы имели право считать, что я плохо позаботился о вас, заключив союз с Севфом, обладавшим необходимыми для вас конницей и пельтастами, даже если бы я не выхлопотал для вас жалованья? (28) Ведь, присоединившись к нему, вы находили в деревнях хлеб в большом количестве, потому что фракийцы были принуждены бежать более поспешно, и на вашу долю приходилось много мелкого скота и рабов. (29) И, кроме того, с тех пор, как к нам присоединилась конница, мы потеряли врагов из виду. А до тех пор они смело за нами следовали, мешая нам при помощи конницы и пельтастов всякий раз, когда, разделившись на мелкие отряды, мы пытались достать побольше продовольствия. (30) И если тот человек, который участвовал в предоставлении вам такого благополучия, не сумел достать для вас кроме того очень большого жалованья, то разве это такое тяжкое преступление, что вы на этом основании даже не хотите отпустить его живым?

(31) «А теперь посмотрим, в каких условиях вы уходите отсюда? Разве вы не провели зиму среди изобилия и не сохранили кое-что из полученного от Севфа? Вы ведь жили за счет врагов и притом в вашей среде не было ни убитых, ни пропавших без вести. (32) И если вами совершены славные дела в борьбе с варварами Азии, причем эта слава останется при вас, то разве вы теперь не присоединили к ней новые блистательные подвиги, победив в Европе тех фракийцев, с которыми вы воевали? Я говорю вам: за то, за что вы на меня негодуете, следовало бы возблагодарить богов как за милость.

(33) «Так обстоят ваши дела. Теперь, во имя богов, выслушайте, каково мое положение Когда я первый раз уезжал домой, мне сопутствовала ваша горячая признательность, а также добытая благодаря вам слава среди всех эллинов. И лакедемоняне доверяли мне; иначе они не послали бы меня обратно к вам. (34) Теперь я удаляюсь оклеветанный вами перед лакедемонянами и из-за вас же у меня произошла ссора с Севфом, тем самым Севфом, которому я надеялся с вашей

помощью оказать услуги и благодаря этому заручиться надежным приютом для себя и для своих детей, если таковые у меня будут.[23] (35) А вы, ради которых я, собственно, и испытал столько вражды, и притом от людей, гораздо более меня могущественных, и для пользы которых я и сейчас не перестаю трудиться по мере моих сил, — вы составили себе обо мне такое мнение!

(36) «И вот, я стою перед вами, но не как пойманный беглец, пытавшийся скрыться. Если вы исполните ваши угрозы, то знайте, — вы будете убийцами человека, который неусыпно о вас заботился, вместе с вами перенес много тягот и опасностей, часто не считаясь с очередностью службы, который по милости богов воздвиг вместе с вами много трофеев в честь побед над неприятелем и сделал все, от него зависящее, для того, чтобы вы не стали врагами ни одному эллинскому государству. (37) Теперь у вас есть возможность спокойно отправиться по суше или по морю куда кому угодно. И вот, когда вам улыбнулось счастье, когда вы плывете туда, куда давно стремились, и вас зовут к себе самые могущественные вожди, когда имеется в виду жалованье, и к вам явились лакедемоняне, которые считаются самыми лучшими военачальниками, — тогда вы решаете, что наступило время как можно скорее умертвить меня? (38) А когда мы переживали трудные времена, разве вы, — якобы так хорошо все хранящие в памяти, — не называли меня тогда родным отцом и другими подобными именами и не обещали никогда не забывать во мне своего благодетеля? Однако те люди, которые теперь приехали за вами, тоже ведь не лишены рассудка; и я полагаю, ваши поступки по отношению ко мне едва ли возвысят вас в их мнении». На этом он кончил свою речь.

(39) Лакедемонянин Хармин поднялся и сказал: «Клянусь Диоскурами, мне кажется, вы несправедливо негодуете на этого человека. Я даже сам могу свидетельствовать в его пользу. Когда мы с Полиником спросили Севфа о Ксенофонте, что это за человек, то тот ничего дурного не мог привести и

сказал только, что он слишком любит своих солдат. Поэтому-то он и находится на дурном счету и у нас, лакедемонян, и у самого Севфа». (40) После него выступил Эврилох из Лус [аркадянин] и сказал: «По моему мнению, лакедемоняне, прежде чем стать нашими стратегами, вы должны добиться от Севфа добровольной или недобровольной выплаты нам жалованья, а до того времени не уводить нас отсюда». (41) Афинянин Поликрат выступил в защиту Ксенофонта и сказал: «Я вижу присутствующего тут же Гераклида, который получил и продал заработанные нашими трудами богатства и не отдал денег ни Севфу, ни нам, но припрятал и присвоил их. Благоразумие требует задержать его, тем более, что этот человек не фракиец: он обижает эллинов, сам являясь эллином».

(42) Услышав это, Гераклид очень испугался и, подойдя к Севфу, сказал: «Было бы благоразумно с нашей стороны удалиться отсюда из-под власти этих людей». И сев на коней, они уехали в свой собственный лагерь.

(43) Оттуда Севф послал Ксенофонту своего переводчика Абросельма с просьбой остаться у него вместе с 1000 гоплитами. Он обещал подарить ему приморские местности и все прочее, что было им раньше обещано, и под условием сохранения тайны сообщил ему, будто он слышал от Полиника, что если Ксенофонт подчинится лакедемонянам, то он непременно будет казнен Фиброном. (44) И многие другие лица предупреждали Ксенофонта о том же, а именно, что на него наклеветали и ему надо быть настороже. А Ксенофонт, получив эти известия, взял двух жертвенных животных и принес жертву Зевсу-Царю, вопросив его, следует ли ему остаться на предложенных Севфом условиях или уйти с войском. Вышло — уйти с войском.

Глава VII

(1) После этого Севф расположился лагерем в отдалении. А эллины расквартировались по деревням, откуда они намеревались, набрав достаточно продовольствия, пойти к морю.

Эти деревни были отданы Севфом Медосаду. (2) Медосад, видя как расточается эллинами имущество деревень, сильно разгневался и, взяв с собой одного одриса, самого влиятельного из спустившихся с гор горных жителей, и около 30 всадников, приехал и вызвал Ксенофонта из эллинского войска. Тот захватил с собой нескольких лохагов и других подходящих людей и вышел к нему. (3) Тогда Медосад сказал: «Ксенофонт, вы поступаете несправедливо, опустошая наши деревни. И мы приказываем вам, — я, от лица Севфа, и этот человек, пришедший от Медока, царя горных областей, — уйти из этой страны. А в случае если вы не исполните этого требования, мы не будем вам потворствовать, но раз вы разоряете нашу страну, то мы защитим себя от вас как от врагов».

(4) Выслушав это, Ксенофонт сказал: «Нелегко ответить тебе на такие слова; однако я буду говорить ради этого юноши (Одриса), чтобы он понял, какая разница между вами и нами. (5) Прежде чем был заключен между нами союз, мы ходили по этой стране в любом направлении, грабя что попадалось под руку и сжигая все по своему усмотрению. Да и ты, явившись к нам тогда в качестве посла, стал жить у нас, не боясь никаких врагов. (6) А вы, вообще говоря, избегали тогда этой страны, и если когда и появлялись в ней, то оставались там, словно в стране более могущественных царей, со взнузданными круглые сутки конями. (7) А теперь, когда вы стали нашими друзьями и благодаря нам, с помощью богов, завладели этой областью, теперь вы изгоняете нас из страны, которую получили от нас, силой нашего оружия. Как ты и сам знаешь, враги ведь не сумели прогнать нас отсюда. (8) И притом ты даже не считаешь себя обязанным отправить нас в путь как людей, достойных получить дары и благодарность за оказанные вам благодеяния, но из всех сил стремишься к тому, чтобы нам на нашем обратном пути даже негде было встать лагерем. (9) И, рассуждая таким образом, ты не стыдишься ни богов, ни этого человека, который теперь видит тебя богатым и знает, что до дружбы с нами ты, по собствен-

ным же словам, жил грабежом. (10) Впрочем, зачем ты говоришь об этом мне? Ведь не я теперь начальствую, а лакедемоняне, которым вы, — удивительные вы люди, — даже не посоветовавшись со мной, передали войско с целью отвода его обратно, повидимому с таким расчетом, чтобы я, заслуживший гнев лакедемонян при передаче войска вам, не заслужил теперь их благодарности при передаче его им».

(11) Когда Одрис услышал это, он сказал: «Что касается до меня, Медосад, то после этих слов я готов от стыда провалиться сквозь землю. Если бы я раньше был об этом осведомлен, то не поехал бы с тобой. А теперь я удаляюсь, так как и сам царь Медок не похвалил бы меня, если бы я стал выгонять благодетелей». (12) Сказав это, он сел на коня и уехал вместе с другими всадниками, за исключением четырех или пяти. А Медосад, который горевал о разорении страны, просил Ксенофонта позвать обоих лакедемонян. (13) Ксенофонт, захватив с собой друзей, пошел к Хармину и Полинику и сказал, что Медосад приглашает их для предъявления им того же требования, которое было предъявлено ему, т. е. покинуть страну. (14) «Я полагаю, — сказал он, — что вы добьетесь для солдат полагающегося им жалованья, если заявите, что войско требует от вас добром или силой взыскать жалованье с Севфа и после этого охотно последует за вами, а также что и вы со своей стороны считаете это справедливым и потому обещали им вывести их из страны только после того, как солдаты получат принадлежащее им по праву».

(15) Тогда лаконцы заявили о своем согласии высказать все эти, равно как и другие, по их мнению весьма убедительные, доводы и тотчас же отправились в путь вместе со всеми причастными к этому делу лицами. Придя к Медосаду, Хармин заявил: «Медосад, если ты хочешь нам что-нибудь сказать — говори; в противном случае говорить будем мы». (16) Тогда Медосад сказал, на этот раз очень скромно: «Я ведь только говорю — и Севф говорит то же самое, — что наши друзья по справедливости не должны были бы испытывать

от вас никакого зла. Ведь то зло, которое вы причиняете им, вы наносите нам, так как они ведь принадлежат нам». (17) «Мы, — сказали лаконцы, — уйдем отсюда тогда, когда люди, доставившие вам все это, получат плату. А если они ее не получат, то мы и теперь (после твоих угроз) придем им на помощь и покараем тех, которые обидели их вопреки своим клятвам. А если таковыми окажетесь вы, то мы с вас начнем свою месть». (18) Ксенофонт сказал: «Медосад, не предоставите ли вы тем (людям), в чьей стране мы находимся и которых вы считаете своими друзьями, решить, кому следует покинуть страну, вам или нам?». (19) Он на это не согласился, но настаивал на том, чтобы оба лаконца направились к Севфу за жалованьем, говоря, что, по его мнению, Севф уступит. В случае их отказа он предлагал послать вместе с ним Ксенофонта, причем обещал свое содействие, но просил не жечь деревень.

(20) Послали Ксенофонта вместе с наиболее подходящими для этого лицами. Придя к Севфу, Ксенофонт сказал: «Севф, я пришел к тебе не с требованиями, но для того, чтобы доказать — если это будет в моих силах — как несправедливо ты возненавидел меня за настойчивое испрашивание для солдат обещанного тобой по доброй воле. (21) Ведь я полагал, что для тебя не менее выгодно отдать обещанное, чем для них получить его. (22) И прежде всего — кто как не эллины, с помощью богов сделав тебя царем большой и многолюдной страны, вознесли тебя не высоту, доступную для всех взоров, и ты не можешь теперь скрыть ни хороших, ни дурных своих поступков.

(23) «Для такого человека, я думаю, очень важно избежать упрека в том, что он отослал от себя своих благодетелей, не отблагодарив их. Важно также услышать похвалу из уст 6000 человек, а еще важнее никогда не изменять своему слову. (24) Ведь слова людей, не достойных доверия, остаются суетными, бессильными и презираемыми, а слова людей, известных своей любовью к правде, когда эти люди просят о чем-нибудь, могут доставить им то, что другим дает сила. А если они хотят обуздать кого-нибудь, то, по моему мнению, одни их

угрозы столь же действительны, как налагаемые другими лицами наказания; и одними обещаниями подобные люди достигают того, что получают другие с помощью денег.

(25) «Вспомни, выдал ли ты нам задаток, заключив с нами союз? Я утверждаю: ты ничего не выдал, но поскольку мы верили твоим обещаниям, ты убедил такое множество людей отправиться в поход вместе с тобой и покорить тебе царство, которое стоит не 30 талантов, следуемых теперь с тебя по мнению солдат, а неизмеримо больше. (26) И неужели за такие деньги можно купить как доверие к тебе, так и предоставленное тебе царство? (27) Затем припомни еще, какое большое значение ты придавал тогда завоеванию твоих теперешних владений. Я уверен, ты тогда гораздо сильнее желал добиться того, что теперь уже достигнуто, чем получить даже неизмеримо больше денег, чем данная сумма. (28) Я полагаю, что для человека гораздо пагубнее и позорнее не удержать того, чем он владеет, чем вовсе им не владеть, совершенно так же, как несравненно тяжелее из богатого превратиться в бедного, чем никогда не знать богатства, и гораздо более досадно из царя превратиться в рядового человека, чем никогда не царствовать. (29) И разве ты не понимаешь, что твои теперешние подданные не по доброму к тебе расположению согласились быть под твоим началом, но по необходимости, и что они попытались бы снова стать свободными, если бы их не сдерживал страх. (30) Не думаешь ли ты, что они больше будут тебя бояться и поведение их по отношению к тебе будет более благоразумным, если они убедятся, что эти солдаты либо совсем здесь останутся по твоему приказу, либо будут готовы к тебе вернуться, когда это потребуется, и если они в то же время будут знать, что и другие воинские отряды, узнав от этих солдат много о тебе хорошего, быстро придут сюда, когда ты этого пожелаешь? Неужели ты думаешь, что они будут более послушны, если, основываясь на настоящих событиях, они поймут, что другие войска, не доверяя тебе, откажутся притти сюда, а эти солдаты более расположены к ним, чем к тебе? (31) Кроме того,

они ведь покорились тебе не потому, что были подавлены нашей многочисленностью, но из-за отсутствия у них вождей. Тебе, пожалуй, грозит теперь еще одна опасность: они могут избрать предводителем кого-нибудь из тех людей, которые считают себя обиженными тобой, а то даже и самых могущественных лакедемонян, особенно если солдаты обещают с большой охотой отправиться с ними в поход, при условии получения с тебя обещанного, а лакедемоняне согласятся на это, нуждаясь в войске. (32) А вряд ли можно сомневаться в том, что подвластные тебе теперь фракийцы охотнее пошли бы против тебя, чем за тобой, так как под твоей властью их ожидает рабство, а в случае победы — свобода.

(33) «Если ты считаешь себя обязанным заботиться об этой стране как о своей собственности, то не думаешь ли ты, что она меньше претерпит бедствий, если эти солдаты, получив должное, покинут ее с миром, чем если они останутся здесь как в стране враждебной, а ты будешь вынужден выставить против них другое войско, более многочисленное и тоже нуждающееся в продовольствии? (34) Когда ты израсходуешь больше денег: тогда ли, когда ты отдашь свой долг, или когда долг останется за тобой и тебе еще придется взять на жалованье другое, более сильное войско? (35) Правда, Гераклиду, как он заявил мне, и эта сумма кажется огромной. Но ведь в настоящее время тебе куда легче было бы достать и выплатить такую сумму, чем прежде, до нашего прихода сюда, выдать даже десятую ее часть. (36) Ведь не количество определяет при платеже понятия «много» или «мало», но средства того, кто платит и кто получает. А твой ежегодный доход теперь больше стоимости всего, чем ты владел в прежнее время. (37) А я, Севф, в качестве твоего друга предвидел все это, желая, с одной стороны, чтобы ты оказался достойным тех благ, которые тебе даровали боги, а с другой, — чтобы я не лишился всякого значения среди солдат. (38) Потому что, — пойми это, — с помощью этого войска я уже не мог бы теперь причинить зла врагу, если бы стремился к этому, и также

не был бы в состоянии при всем желании вторично притти тебе на помощь; так относится ко мне теперь это войско. (39) И все же, — я призываю в свидетели тебя самого и всеведущих богов, — я никогда не только не получал от тебя ничего за счет солдат и не просил для себя лично того, что принадлежало им, но даже никогда не требовал и того, что ты обещал мне самому. (40) Клянусь, я и теперь не принял бы твоих подарков, если бы ты не решил одновременно отдать солдатам должное. Ведь для меня было бы позором устраивать свои делишки и в то же время оставлять без внимания их неудачу, особенно поскольку я пользуюсь у них уважением. (41) Правда, Гераклиду все кажется пустяками, помимо собственного обогащения любыми средствами: но я, Севф, считаю, что для всякого человека, а особенно для начальника, не существует ничего более достойного, чем доблесть, справедливость и благородство. (42) Ведь человек, обладающий этими качествами, — богат, так как у него много друзей, богат и потому, что другие стремятся стать его друзьями; в благоденствии у него есть с кем поделиться радостью, а если его счастье поколеблется, то у него не будет недостатка в людях, готовых оказать ему поддержку.

(43) «Однако если ты по моим поступкам не мог понять, что я был твоим искренним другом, и не убедился в этом из моих речей, то взвесь, по крайней мере, все, что говорили солдаты; ты ведь присутствовал там и слышал речи нападавших на меня. (44) Они доносили на меня лакедемонянам, будто я предан тебе больше, чем им, и обвиняли меня в том, что твои интересы для меня дороже их интересов. (45) Они прибавляли еще, будто я получил от тебя подарки. Неужели они обвиняли меня в получении даров, заметив во мне дурное к тебе отношение, а не наоборот, полную тебе преданность? (46) Я, по крайней мере, думаю, что всякий человек обязан выказывать благодарность тому, кто одарил его. А ты, в то время, когда я еще ничего для тебя не сделал, выражал мне свое расположение и взглядами, и речью, и подарками и надавал мне обе-

щаний без счета; а когда я исполнил твои желания и возвысил тебя насколько мог, ты осмеливаешься оставлять без внимания даже тот факт, что я впал в такую немилость у солдат? Однако я верю — ты решишься отдать должное. (47) И время научит тебя этому, и сам ты не захочешь слышать порицания со стороны людей, с такой готовностью сделавших тебе так много добра. Поэтому я прошу тебя при выплате денег представить меня солдатам таким, каким ты нашел меня при первом нашем знакомстве».

(48) Выслушав это, Севф стал проклинать виновника задержки выплаты жалованья, и все считали, что это не кто иной, как Гераклид. «Я, — говорил Севф, — никогда и не помышлял о задержке жалованья и, конечно, все выплачу». (49) Тогда Ксенофонт снова взял слово и сказал: «Так как ты теперь согласился выдать деньги, то я прошу тебя заплатить их через меня, чтобы я по твоей милости не оказался у войска в меньшем почете теперь, чем тогда, когда я прибыл к тебе». (50) Севф сказал: «По моей вине солдаты не станут меньше уважать тебя, а если ты останешься у меня только с 1000 гоплитами, то я отдам тебе поместья и все, что было мной обещано». (51) Ксенофонт ответил: «При данных условиях это невозможно; ты должен нас отправить». «Но я уверен, — сказал Севф, — что для тебя было бы безопаснее остаться у меня, чем уйти». (52) Ксенофонт снова ответил: «Благодарю тебя за предупреждение, но мне невозможно остаться. Однако знай, если мне придется пользоваться где-нибудь известным влиянием, то и ты сможешь извлечь из этого некоторую пользу». (53) Тогда Севф сказал: «У меня нет денег, но то немногое, что я имею — один талант, — я отдаю тебе, так же как и 600 быков, до 4 тысяч голов мелкого скота и примерно 120 рабов. Возьми все это и сверх того провинившихся перед тобой заложников и уходи». (54) Ксенофонт улыбнулся и сказал: «Если этого не хватит для выплаты жалованья, то чьей собственностью я должен объявить этот талант? В самом деле, ведь и отъезд для меня опасен, а может быть, мне надо еще остере-

гаться побития камнями? Ты ведь слышал угрозы?». Ксенофонт провел этот день у Севфа.

(55) А на следующий день Севф отдал им все, что обещал, и вместе с тем послал людей, чтобы пригнать скот. Между тем, солдаты говорили, будто Ксенофонт ушел к Севфу с целью остаться у него и получить обещанное. Когда же они увидели его, то обрадовались и побежали ему навстречу. (56) А Ксенофонт, заметив Хармина и Полиника, сказал: «Войско получило это благодаря вам и поэтому я все вам передаю; разделите и выдайте войску». Они приняли имущество и, назначив продавцов, продали его, причем на их долю выпало много нареканий. А Ксенофонт не ходил к ним, но на виду у всех стал собираться домой, так как в Афинах еще не было вынесено постановления об его изгнании.[24] Но его друзья из войска пришли к нему и просили не уезжать до тех пор, пока он не выведет солдат из Фракии и не передаст их Фиброну.

Глава VIII

(1) Оттуда эллины переплыли в Лампсак, где Ксенофонт встретился с флиасийским жрецом Эвклидом, сыном того Клеагора,[25] который нарисовал фрески в Ликее. Он поздравил Ксенофонта с тем, что тот остался жив, и спросил, сколько он накопил денег. (2) Ксенофонт под клятвой сообщил жрецу, что у него не хватило бы денег даже на дорогу домой, если бы он не продал коня и кое-какие вещи. (3) Тот не поверил, но когда лампсакийцы прислали Ксенофонту дары гостеприимства и он стал приносить жертву Аполлону, то Эвклид, присутствовавший при этом, рассмотрел принесенную жертву и сказал, что верит отсутствию денег у Ксенофонта. «Я вижу, — сказал он, — что если бы даже тебе когда-нибудь представилась возможность разбогатеть, то этому будут мешать какие-то препятствия, а если таковых не окажется, то ты сам будешь для себя помехой». (4) Ксенофонт согласился с этим. Эвклид сказал тогда: «Тебе препятствует Зевс Мейлихий»,[26] и затем он спросил: «Приносил ли ты ему такие жертвы, какие я совер-

шал у вас дома, т. е. жертвоприношения со всесожжением жертвы?».[27] Ксенофонт ответил, что не приносил жертв этому богу с тех пор, как выехал из дому. Эвклид посоветовал принести жертву согласно принятому ритуалу и уверял, что это принесет большую пользу. (5) На следующий день Ксенофонт отправился в Офриний, принес в жертву и целиком сжег поросят, согласно отечественному обычаю, и получил хорошее предзнаменование. (6) В тот же день прибыли для раздачи денег войску Бион и Навсиклид. Они пригласили Ксенофонта в гости и, подозревая, что тот лишь по крайней нужде продал свою лошадь в Лампсаке за 50 дариков, так как слышали о том, как сильно он ее любил, выкупили ее, возвратили Ксенофонту и отказались от платы.

(7) Отсюда они (эллины) пошли по Троаде и, перевалив через Иду, прибыли сперва в Антандр и затем, идя вдоль берега [азиатского моря], пришли в Фивскую долину. (8) Оттуда, пройдя через Атрамитий и Китоний, они пришли в долину Каика и достигли Пергама в Мисии.

Здесь Ксенофонт был дружественно принят Элладой, женой Гонгила [28] из Эретрии и матерью Горгиона и Гонгила. (9) Она рассказала ему, что в равнине обитает некий перс Асидат [29] и если Ксенофонт отправится туда ночью с 300 солдат, то он, по ее словам, захватит его самого с женой и детьми, а также все его богатства, каковых у него немало. В качестве проводников она послала с ними своего племянника и Дафнагора, к которому питала особое расположение. (10) Когда они собрались у него, Ксенофонт принес жертву и присутствовавший при этом жрец Басий из Элиды сказал, что жертвенные знаки чрезвычайно благоприятны для Ксенофонта и тот перс будет захвачен. (11) Итак, после ужина, Ксенофонт отправился в путь, взяв с собой наиболее близких ему лохагов, остававшихся ему верными при всех обстоятельствах, с целью их осчастливить. Отправилось еще около 600 человек, настоявших на том, чтобы Ксенофонт взял их с собой; но лохаги ушли от них, не желая делиться уже готовым попасть в их руки богатством.

(12) Когда они около полуночи прибыли на место, находившееся в окрестностях замка, рабы и бо́льшая часть скота убежали, так как эллины не обратили на них внимания, стремясь захватить самого Асидата и его богатства. (13) Они пошли на приступ, но оказались не в состоянии взять замок, так как стены были толсты и высоки, с немалым количеством бойниц, а многочисленные защитники сражались храбро. (14) Тогда они попытались пробить стену, но она имела в толщину до 8 кирпичей. К утру пролом был готов, но как только образовался просвет, кто-то с внутренней стороны стены огромным копьем проколол насквозь бедро стоявшего всего ближе к нему эллина. Затем они (персы) стали пускать стрелы через отверстие и добились того, что было небезопасно даже подойти к нему на близкое расстояние. (15) На крики защитников и на зажженные ими для вызова помощи огни прибыли: Итаменей со своим отрядом, а из Комании — ассирийские гоплиты и около 80 гирканских[30] всадников, тоже наемников царя, и еще до 800 пельтастов, а также конница из Парфения, Аполлонии и других близлежащих местностей.

(16) Тут пришлось подумать об отступлении. Забрав сколько там нашлось рогатого и мелкого скота и рабов, загнали их в середину образованного эллинами каре, помышляя уже не о богатствах, а о том, чтобы отступление не превратилось в бегство, если они уйдут, побросав добычу, и враги станут более смелыми, а солдаты более малодушными. Теперь же они отступали, как бы сражаясь за взятую добычу. (17) А когда Гонгил увидел, как мало эллинов и как много нападающих врагов, он, вопреки воле матери, вышел в поле со своим отрядом, желая принять участие в сражении. На помощь явился также Прокл, потомок Демарата, с отрядами из Галисарны и Тевфрании. (18) А отряд Ксенофонта уже терпел большой урон от стрелков из лука и пращников и шел, построившись в круг, чтобы щиты могли служить защитой от снарядов. Эллины с трудом перешли реку Каркас, когда уже почти половина отряда получила ранения. (19) Тогда же был ранен и лохаг Агасий из Стимфалы, который все время сражался

с врагами. Эллины благополучно вышли из битвы, сохранив около 200 рабов и мелкий скот в количестве, достаточном для принесения жертв.

(20) На следующий день Ксенофонт совершил жертвоприношение и повел все войско ночью, с целью пройти более длинной дорогой через Лидию: он надеялся, что перс перестанет тревожиться из-за близости эллинов и не будет остерегаться. (21) Однако Асидат проведал, что Ксенофонт вторично принес жертву и пошел на него со всем войском, и укрылся в деревнях, соседних с крепостью Парфением. (22) Здесь настиг его отряд Ксенофонта и захватил в плен как его самого, так и его жен, детей, коней и все имущество. Таким образом исполнились предзнаменования первого жертвоприношения.

(23) Затем эллины возвратились в Пергам. Тут Ксенофонт имел случай возблагодарить бога: лаконцы, лохаги, другие стратеги, а также прочие солдаты согласились между собой и предоставили ему на выбор коней, повозки и прочее имущество, так что он даже имел бы теперь возможность облагодетельствовать других.

(24) В это время прибыл Фиброн, принял войско и, влив его в остальные эллинские воинские силы, начал войну против Тиссаферна и Фарнабаза.

(25) [Наместниками тех царских областей, через которые мы прошли, были: Лидии—Артим, Фригии—Артаком, Ликаонии и Каппадокии—Митридат, Киликии—Сиеннесий, Финикии и Аравии—Дерн, Сирии и Ассирии—Велесий, Вавилона—Ропар, Мидии—Арбак, фазианцев и гесперитов [31]—Тирибаз; кардухи, халибы, халдеи, макроны, колхи, моссинойки, кеты [32] и тибарены — автономны; Пафлагонии — Корила, Вифинии—Фарнабаз, европейских фракийцев — Севф. (26) Протяжение всего похода — 215 переходов, 1150 парасангов, 34 255 стадий. Продолжительность похода — год и 3 месяца.[33]].

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОТ РЕДАКТОРА

Среди книг, завещанных нам античностью, одно из первых мест по их глубокому историческому интересу принадлежит мемуарам афинянина Ксенофонта, носящим заглавие «Анабасис».

Хронологически «Анабасис» относится к самому началу IV в. до н. э., началу того периода истории Греции, следующего непосредственно за Пелопоннесской войной, когда в античном рабовладельческом обществе уже с полной резкостью начинают обозначаться стремительно нарастающие социально-экономические противоречия. Толпы голодных, оборванных людей бродят по Греции в поисках работы и хлеба. Отношения между верхами и низами общества начинают к этому вермени резко обостряться. Чтобы выйти из создавшегося экономического и политического кризиса, господствующие слои населения нередко обращаются к международным отношениям. Крупные греческие государства (Афины, Спарта и др.), то воюя друг с другом, то заключая между собой союзы, вмешиваются и в дела соседней Персии, вступают в связи то с одной, то с другой из персидских политических партий. Поэтому совсем не случайно, а напротив, вполне закономерно, что немаловажной военной силой в составе армии персидского царевича Кира, идущего походом против Артаксеркса, оказываются греческие наемники.

15*

Трудно установить сейчас с достаточной степенью ясности, какие общественные силы группировались вокруг тогдашнего царя Персии Артаксеркса и какие вокруг его противника Кира, стремившегося завладеть персидским престолом. Однако на основании свидетельств Ксенофонта мы вправе заключить, что дело тут было не только в личных, династических интересах самого Кира, но и в том, что Кир, видимо, опирался на прогрессивные силы страны и столкновение Артаксеркса и Кира было столкновением двух взаимно враждебных группировок. Дело Кира не увенчалось успехом; сам он был убит в сражении при Кунаксе, близ Вавилона (в 401 г.). Поход Кира к Вавилону и обратное отступление на родину греческого десятитысячного отряда и описаны в «Анабасисе» Ксенофонтом, который являлся участником похода и был выбран после битвы при Кунаксе в состав греческого военного руководства.

Для истории этого времени «Анабасис» представляет большой интерес. Проделанный Ксенофонтом путь от Вавилона к Черному морю проходил по обширной территории, населенной различными племенами, о которых Ксенофонт более или менее подробно рассказывает. Сведения о хозяйстве, социально-экономическом укладе, быте, нравах и обычаях различных народностей Малой Азии представляют особую ценность для кавказоведов и исследователей древнейшего Курдистана.

Литературные достоинства «Анабасиса» еще в древности получили признание. Художественная сила произведения Ксенофонта очаровала и нашего писателя С. Т. Аксакова (см. «Детские годы Багрова-внука», главу «Зима в Уфе»).

Текст такого замечательного стилиста, каким был Ксенофонт, требует от переводчика особого умения в передаче подлинника. Переводы Теплова (1762), Янчевецкого (1876) и других давно устарели. Издаваемый теперь перевод М. И. Максимовой выгодно отличается от них, отвечает всем современным требованиям к переводу и, надеемся, встретит одобрение читателя.

Академик *И. И. Толстой.*

КСЕНОФОНТ И ЕГО «АНАБАСИС»

Поход греческого войска в Переднюю Азию, описанный в «Анабасисе» Ксенофонта, вряд ли можно рассматривать как крупное историческое событие, оказавшее решающее влияние на судьбы народов древнего мира. Отряд греческих наемников, численностью примерно в 13 000 человек, был присоединен к большой армии, собранной в 401 г. до н. э. сатрапом Лидии, Фригии и Великой Каппадокии персидским царевичем Киром в целях свержения с престола его старшего брата, царя Персии Артаксеркса II. Поход Кира на Вавилон в сущности мало чем отличался от нередких в Персии Ахеменидов восстаний сатрапов, стремившихся к царской власти, но, как и большинство этих восстаний, попытка Кира завладеть престолом успеха не имела. Кир погиб в решающем сражении при Кунаксе, на подступах к Вавилону, и, несмотря на победу, одержанную греками над войском царя, армия Кира распалась и эллинам удалось вернуться на родину только ценой огромных усилий и жертв.

Экспедиция персидского царевича не имела, таким образом, никаких непосредственных военных и политических результатов и, казалось, была обречена на быстрое и полное забвение. Однако этого не случилось. Поход греческих наемников Кира произвел глубокое впечатление на современников, почуявших в нем симптомы грядущей новой эпохи, эпохи эллинизма,

а историки нового времени, имеющие возможность оценить это событие в исторической перспективе, в связи с постепенным развитием взаимоотношений Эллады с ее могущественным восточным соседом, продолжают и сейчас уделять ему много внимания. И нужно признать, что приговор истории в данном случае вполне справедлив.

Покорив греческие города западного побережья Малой Азии, персы задумали распространить свою власть и на греческий материк. Но жестокие поражения, понесенные ими на суше и на море во время греко-персидских войн (первая половина V века до н. э.), заставили их отказаться от подобных намерений. В дальнейшем Персия заняла по отношению к Элладе позицию стороннего якобы наблюдателя, заинтересованного в ослаблении противника и старающегося поэтому поддерживать внутренние распри в его лагере. Именно такую выжидательную политику, по словам Фукидида (VIII, 37), вела Персия во время жестокого кризиса, охватившего Элладу с началом Пелопоннесской войны (431—404 гг.), попеременно оказывая помощь то Спарте, то Афинам.

Греция также стремилась к экспансии на Восток за счет персидской монархии, но эта идея созревала медленно и постепенно. Если верить рассказу Геродота (V, 49), то еще на грани VI и V вв. до н. э. греки Малой Азии мечтали о богатствах покоривших их персов. Подготовляя восстание малоазийских городов, милетянин Аристагор в 500/499 г. прибыл в Спарту и в Афины в надежде заручиться поддержкой этих государств. Во время переговоров со спартанским царем Клеоменом он показал ему вырезанную на медной доске карту, на которой был изображен «весь круг земной, все моря и все реки», и убеждал его отправиться в поход на Сузы. «У жителей того материка, — говорил он, — столько богатств, сколько нет у всех прочих народов вместе: прежде всего золото, затем серебро, медь, пестрые одежды, вьючный скот и рабы. Вам нужно только захотеть, и все это будет ваше». Но Клеомен ответил: «Предложение твое совершенно невыполнимо, если

ты желаешь, чтобы лакедемоняне отошли от моря на 3 месяца пути». Переговоры сорвались.

Если, как полагают многие историки, переговоры между Аристагором и Клеоменом нельзя принять за исторический факт, то все же в этом рассказе Геродота явственно отразились мечтания греков о захвате богатых персидских областей, а в то же время и сдерживающее начало, мешающее их осуществлению, — сознание собственной неподготовленности и столь свойственная грекам боязнь удалиться от своей родной стихии — моря. Даже после разгрома персов во время греко-персидских войн греки не отважились преследовать разбитого врага вглубь Малой Азии.

А между тем идея экспансии на восток не умирала. С началом общего кризиса рабовладельческого общества Греции, во время Пелопоннесской войны, сопровождавшейся ожесточенной борьбой партий в отдельных греческих полисах, аристократическая партия Афин видела в походе на Персию своего рода радикальное средство от всех социальных зол, средство, способное сплотить всех эллинов в борьбе против общего врага (Аристофан-Лисистрата, стихи 1133—34). Конечно, подобные призывы не имели и не могли иметь реальных последствий в то время. когда враждующие греческие государства прибегали к помощи персидского царя и воевали друг с другом на его деньги. Но всего через несколько лет после окончания Пелопоннесской войны значительное греческое войско — наемники Кира — направилось по давно намечавшемуся пути. Правда, оно завлечено было вглубь Передней Азии обманом (Кир открыл эллинам истинную цель похода только по прибытии на берега Евфрата) и руководили им не политические цели, а только жажда личного обогащения, но все же оно преодолело огромные, пугавшие греков, пространства, дошло до «порога царя» и разбило его армию у самого Вавилона, а затем, несмотря на свою относительную малочисленность, сумело вернуться на родину, тем самым наглядно доказав превосходство греческого оружия и реальную возможность победить царя на его террито-

рии. Немудрено, что подвиги наемников Кира вызвали широкий отклик во всей Элладе и оживили стремления греков на восток.

В начале IV в. спартанский царь Агесилай пытался проникнуть со своим войском вглубь Малой Азии, а несколько позднее тиран Фессалии Ясон носился с широкими планами объединения Греции под своей властью и последующего общеэллинского похода на Персию. К такому же походу горячо призывал эллинов и афинский политический оратор Исократ.

Наконец спустя 67 лет (в 334 г.) после описанного в «Анабасисе» похода, Александр Македонский, пройдя по стопам наемников Кира через всю Малую Азию, нанес смертельный удар Персии Ахеменидов и положил начало новой эпохе в истории древнего мира. Историческое значение похода эллинского войска в 401 г. раскрывается в свете последующих грандиозных событий: он был предтечей решающего похода Александра Македонского и предвозвестником грядущего эллинизма, одним из тех незначительных на первый взгляд событий, в которых, безотчетно для их участников, отражается надвигающийся перелом исторического процесса, отчего они становятся знаменательными в глазах современников и историков последующих поколений.

Одним из показателей живого интереса, проявленного современниками к походу наемников Кира, может служить факт появления в свет ряда литературных трудов, ему посвященных. Из них полностью до нас дошел только «Анабасис» Ксенофонта, но благодаря выдержкам и пересказам, сохранившимся у более поздних авторов, мы имеем некоторое представление о других сочинениях, касавшихся той же темы. Так, греческий врач и историк Ктесий, проживший 17 лет (с 414 по 398 г.) при персидском дворе и лечивший Артаксеркса от раны, полученной им в битве при Кунаксе от руки Кира, включил рассказ о деяниях греческого отряда персидского царевича в свой большой труд по истории Востока. Описание похода было также сделано одним из его участников, стратегом Софенетом из Стимфалы, и весьма возможно, как полагают некото-

рые современные критики, что тот довольно пространный рассказ об этой экспедиции, который сохранился в «Библиотеке» греческого историка I в. до н. э. Диодора (XIV, 19—31 и 37), в конечном итоге восходит к сочинению Софенета.

Пересказ Диодора и отрывки из Ктесия очень ценны для историка, но первое место среди источников, из которых наука черпает сведения о походе наемников Кира, бесспорно принадлежит «Анабасису» Ксенофонта; и не только потому, что этот труд сохранился полностью, но также и вследствие выдающихся его достоинств как сводки огромного количества фактического материала и как замечательного памятника литературы. «Анабасис» (кстати сказать, древнейший из дошедших до нас образчиков литературного жанра исторических мемуаров) высоко ценился греками и римлянами и сейчас является одним из наиболее популярных произведений древнегреческой литературы.

Автор «Анабасиса», известный писатель и военачальник афинянин Ксенофонт, частично изложил свою автобиографию в разбираемом труде (Анабасис, III, I и V, III). Родился он в Афинах около 430 г., в состоятельной семье, возможно принадлежавшей к сословию всадников.[1] Его детские и юношеские годы протекали в обстановке Пелопоннесской войны, что не помешало ему получить не только военное, но и широкое общее образование. Его учителем был Сократ. Однако философские идеи того времени, в том числе и идеалистическое учение Сократа, оказали на него лишь небольшое влияние. Мировоззрение Ксенофонта осталось традиционным мировоззрением той социальной среды, к которой он принадлежал по рож-

[1] Более подробное изложение биографии Ксенофонта, а также общую оценку его литературной деятельности можно найти в статьях С. И. Соболевского, приложенных к его переводу сократических сочинений Ксенофонта (Academia, 1935). См. также: С. И. Радциг. История древнегреческой литературы. М.—Л., 1940, стр. 261. — И. М. Тронский. История античной литературы. Л., 1946, стр. 174—175, 182.

дению. Это особенно ярко сказалось в его религиозных взглядах, для которых характерна вера в непосредственное вмешательство богов в людские дела, вера во всевозможные знамения, посредством которых боги сообщают смертным свою волю. Этические взгляды Ксенофонта не возвышаются над прописной моралью, а политические его симпатии всецело на стороне спартанского аристократического государственного устройства.

Крушение могущества демократических Афин в 404 г. Ксенофонт пережил уже в сознательном возрасте, и во время последующих за тем политических событий он, видимо, поддерживал реакцию. Антидемократические настроения, вероятно, и заставили его покинуть родину в 401 г. и присоединиться в качестве частного лица к экспедиции Кира. Вместе с греческими наемниками Кира он проделал весь поход: наступление на Вавилон, битву при Кунаксе и отступление через Армению к Трапезунту и далее на Запад в Византий, Фракию и Пергам. В Пергаме Ксенофонт, который еще в Месопотамии был избран одним из стратегов греческого войска, а впоследствии во Фракии фактически состоял его главнокомандующим, передал уцелевших солдат (около 5000 человек) в распоряжение Фиброна — спартанского военачальника, собиравшего войско для ведения войны с сатрапом Фарнабазом, причем Ксенофонт, повидимому, сохранил начальство над своим отрядом.

Переход под начало спартанцев послужил причиной для изгнания Ксенофонта из пределов его родины, что, в свою очередь, определило всю его дальнейшую судьбу. В Малой Азии Ксенофонт сблизился со спартанским царем Агесилаем, вместе с ним переправился в Грецию и служил под его начальством, принимая участие в битвах и походах против врагов Спарты, в том числе и против Афин. В конце 80-х годов он отошел от общественных дел, поселившись в отведенном ему спартанцами имении в Скиллунте близ Олимпии. Здесь он прожил десять лет, занимаясь сельским хозяйством, охотой и литературой. К этому времени относится и написание «Ана-

басиса». Примирение с родным городом произошло лишь в конце жизни Ксенофонта. Когда разгорелась война между Спартой и Фивами, Афины оказались в союзе со Спартой и Ксенофонт получил амнистию. Но о возвращении его на родину и о дате его смерти никаких сведений нет.

Политические симпатии Ксенофонта, определившие весь ход его жизни и деятельности, нашли яркое выражение и в его литературных трудах, из которых некоторые являются прямыми панегириками Спарте. Из его исторических сочинений «Анабасис», пожалуй, меньше всех носит на себе отпечаток политических воззрений автора. Правда, и здесь критика отметила отдельные случаи изложения событий с желательной для Спарты точки зрения и даже факт сознательного искажения истины в угоду политическим интересам Спарты, но в общем Ксенофонт сохраняет в «Анабасисе» свое лицо природного афинянина, с гордостью вспоминает былую славу родного города, неоднократно подчеркивает свое афинское происхождение и даже позволяет себе шутки над спартанскими установлениями и обычаями. И если, направляя действия войска во время отступления, он прилагает все усилия для того, чтобы избежать конфликта со спартанскими властями, то в этом скорее можно усмотреть здравый смысл и правильную оценку соотношения сил, чем проявление его политических симпатий.

Таким образом в «Анабасисе» мало заметна политическая тенденция, но зато в нем весьма сильно отразился личный элемент — стремление автора к подчеркиванию собственных заслуг как военачальника, и с этой особенностью мемуаров Ксенофонта необходимо считаться, чтобы дать себе ясный отчет о характере этого труда как исторического источника.

Современная наука полагает, что «Анабасис» был написан с прямой апологетической целью: изгнанный из родного города Ксенофонт хотел выдвинуть свои заслуги как спасителя греческого войска и тем самым добиться на родине признания и амнистии. Возможно, что этим объясняется и сравнительно глухое проявление симпатий автора к Спарте. В то же время,

прямым стимулом к составлению мемуаров для Ксенофонта, вероятно, послужило появление на свет вышеупомянутых записок Софенета, в которых, если верить Диодору, роль Ксенофонта как военачальника замалчивалась. Как бы то ни было, но даже строго продуманная с этой целью композиция «Анабасиса» обнаруживает явное стремление автора окружить себя ореолом славы, что достигается путем применения искусного литературного приема — постепенной смены лиц, выдвигаемых на передний план повествования.

Центральной фигурой первой книги «Анабасиса», повествующей о наступлении на Вавилон и битве при Кунаксе, бесспорно является Кир, инициатор и организатор похода. Незаурядная личность юного царевича, видимо, произвела на Ксенофонта сильное впечатление. В повседневную историю похода он вплетает такие эпизоды, которые постепенно выявляют выдающиеся качества Кира как человека и вождя: его щедрость, великодушие, широкую образованность, мужество. Тем сильнее впечатление от его трагической гибели в момент, когда, казалось, сбылись его надежды и окружающие уже спешат воздать ему царские почести.

Во второй книге «Анабасиса», содержащей в себе историю начальной стадии отступления, на первый план выдвигается спартанец Клеарх. Один он из всех страгетов при внезапном повороте судьбы сохраняет полное хладнокровие, благодаря чему фактически становится во главе отступающего войска. Но Клеарха также ждет скорая гибель. Вместе с четырьмя другими стратегами и двадцатью низшими офицерами он попадает в ловушку, подстроенную сатрапом Тиссаферном. Греческое войско остается без предводителей и ему грозит стать легкой добычей персидского царя. И вот тут-то, в самый критический момент похода, на сцене появляется Ксенофонт, афинянин, самое имя которого до тех пор упоминалось только вскользь. Именно Ксенофонт, несмотря на свою молодость (около 30 лет) и на то, что он не занимал никакого официального положения в войске, находит в себе достаточно сил и

энергии, чтобы разогнать охватившее эллинов уныние и призвать их к немедленным действиям. С этого момента имя Ксенофонта уже не сходит со страниц «Анабасиса». В качестве одного из вновь избранных стратегов он входит в число предводителей отступающих греков и принимает ближайшее участие во всех дальнейших событиях; от него исходят лучшие, спасительные советы, он предводительствует в военных столкновениях, ведет ответственные дипломатические переговоры, и только он — любимый и дальновидный вождь — умеет сдерживать опасные порывы забывших дисциплину солдат; словом, истинным спасителем является Ксенофонт, а прочие стратеги играют по сравнению с ним лишь второстепенную роль.

Желая придать своему изложению больше убедительности, Ксенофонт издал собственные мемуары под чужим, вымышленным именем. Мы узнаем об этом из другого труда Ксенофонта, его «Греческой истории». Подойдя к изложению событий 401 г., он отсылает читателя к «Анабасису» и говорит (III, I, 2): «Как Кир собрал войско, как он с этим войском отправился вглубь страны против брата, при каких обстоятельствах произошла битва, как Кир погиб и как после этого грекам удалось благополучно добраться к берегу моря — обо всем этом написано уже в книге сиракузца Фемистогена». Скрывшись за вымышленным именем, Ксенофонт таким образом рекламирует свое собственное произведение. Но вряд ли ему удалось ввести читателей в заблуждение. По крайней мере Плутарх был хорошо осведомлен об истинном положении вещей и понимал причину, побудившую Ксенофонта скрыть свое авторство. В сочинении «О славе афинян» (345 E) Плутарх говорит: «Ксенофонт был собственным историком, так как он описал собственное командование, увенчавшееся успехом. Он приписал это повествование сиракузцу Фемистогену, уступив другому славу написания этого труда, чтобы рассказ его, трактующий как бы не о самом авторе, а о другом лице, казался достовернее».

Мы лишены возможности вследствие скудости источников проверить в деталях, насколько Ксенофонт погрешил против

истины, приписав себе ведущую роль в деле спасения греческого войска. Но вряд ли можно сомневаться в том, что он в данном случае сгустил краски и представил ход событий несколько односторонне, тем более, что и в его собственном изложении встречаются противоречия.[1] Но, признавая тенденциозность «Анабасиса» в сторону чрезмерного подчеркивания заслуг автора как полководца, а также известную односторонность в освещении событий и характеристике действующих лиц в соответствии с симпатиями Ксенофонта к Спарте, вправе ли мы по этой причине ставить под сомнение историческую достоверность этого ценнейшего литературного источника, как это еще не так давно рекомендовалось некоторыми исследователями древнего мира?

Конечно, нет. После довольно длительных колебаний между слепым доверием к Ксенофонту и полным отрицанием его добросовестности как историка (Нибур и его школа) историческая наука, путем проверки данных, сообщаемых Ксенофонтом, по другим первоисточникам, пришла к положительной оценке этого писателя как историка. Современная историческая критика подчеркивает, что несмотря на определенную тенденциозность, сочинениям Ксенофонта свойственна высокая степень исторической достоверности, так как в огромном большинстве случаев автор точно и с полным пониманием дела передает события и факты, особенно когда речь идет о лично им виденном и пережитом.[2] А поскольку в «Анабасисе» содержатся воспоминания о походе, проделанном самим Ксенофонтом в молодые годы, то читатель находит здесь особенно яркое изложение происшествий и фактов, известных автору по личному опыту, и потому, естественно, в этом произведении очень

[1] См., например, примеч. III, 23.

[2] См.: В. Бузескул. Введение в историю Греции. СПб., 1915, стр. 112 и сл. — С. А. Жебелев. Древняя Греция. Пгр., 1920, ч. 1, стр. 46 и сл. — С. Я. Лурье. Предисловие к переводу «Греческой истории» Ксенофонта. Л., 1935. — В. С. Сергеев. История древней Греции. М., 1948, стр. 25 и сл.

выразительно проявляются положительные качества Ксенофонта как точного регистратора текущих событий: его острая наблюдительность, широкая осведомленность и разносторонние интересы.

Читая «Анабасис», невольно приходишь в изумление от богатства и разнообразия заключающихся в нем сведений. Находясь в походе, Ксенофонт, конечно, уделяет главное внимание войску и военному делу («Анабасис» является одним из основных источников по истории военного дела в древней Греции), но попутно он не забывает отмечать все, что могло бы так или иначе интересовать обыкновенного путешественника, совершающего поездку по малоизвестным странам. Он описывает обычаи персидского двора, географические и климатические условия посещенных им районов, флору и фауну, экономические условия существования населения, его нравы, религиозные верования, военную тактику, вооружение, местные легенды и даже встречающиеся на пути археологические памятники.

Из этих разрозненных наблюдений складывается яркая и живая картина жизни Малой Азии и прилегающих к ней областей на грани V—IV вв. до н. э. Перед читателем развертывается панорама значительной части персидской державы с ее разнородным по этническому составу населением, далеко не всегда покорным центральной власти и персидским администраторам. По этой стране, иногда дружественной ему, но по большей части враждебной, проходит греческое наемное войско, особенно живо и наглядно описанное Ксенофонтом. Наемничество было типичным явлением в жизни античного общества на данной ступени его развития, когда, под влиянием растущей конкуренции со стороны рабского труда, мелкий свободный производитель все чаще и чаще уходил со своего земельного надела, от своего ремесла и в надежде на быстрое обогащение нанимался на военную службу к отдельным военачальникам, возглавлявшим отряды наемников. К ним присоединялись деклассированные элементы: беглые

рабы и преступники. Предводитель отряда наемников был типичным искателем приключений, готовым служить кому угодно за хорошую плату. «Анабасис» дает целую галерею портретов подобных античных кондотьеров, начиная от сурового Клеарха — мастера своего дела — и кончая комической фигурой странствующего в поисках работы стратега Койратида.

Сквозь искусно сплетенную сеть рассказа о мелких и крупных событиях похода, во многих местах «Анабасиса» пробиваются важные сведения о самой основе социально-экономической структуры античного общества — рабстве. Не говоря уже об отдельных интереснейших эпизодах (вроде неожиданного опознания одним греческим солдатом, в прошлом раба в Афинах, своей родины в стране макронов, в глуши северо-восточной части Малой Азии, откуда он был похищен, повидимому, еще мальчиком), при внимательном чтении «Анабасиса» нетрудно заметить, как рабство, это повседневное явление в обыденной жизни того времени, неотделимо, и притом в качестве одного из важнейших его факторов, от похода наемников Кира. Так, в течение долгих месяцев не получая жалованья, греческие наемники живут грабежом. При этом само собой разумеется, что, нападая на мирные поселения, они не только захватывают продовольствие и скот, но также угоняют с собой и жителей. Этих людей продают затем при первом удобном случае в рабство, преимущественно в греческих городах. Вырученные деньги идут в пользу солдат, а часть их откладывается для благодарственных приношений богам — покровителям похода. Впрочем, греческие наемники не скрывают от себя угрозы, нависшей также и над ними, и твердо помнят, что военная катастрофа в борьбе с их многочисленными противниками непременно приведет греков к рабской доле. Но большой неожиданностью было для них, вероятно, частичное осуществление этой постоянной угрозы не в результате военного поражения, а по приказу одного из спартанских начальников — всесильных в то время хозяев в греческих городах. В греческом

городе Византии, в наказание за самовольные действия, 400 наемников Кира окончили свою военную карьеру на невольничьем рынке в качестве выставленного на продажу живого товара.

Наблюдения Ксенофонта имеют огромную ценность, так как они единственные в своем роде свидетельства очевидца о таких сторонах жизни народов и племен древнего мира, которые ускользнули бы от внимания потомства, если бы автор «Анабасиса» не запечатлел их в своих мемуарах. Правда, недоверчивый читатель, вспомнив о том, что Ксенофонт писал «Анабасис» спустя 20—30 лет после похода, мог бы усумниться в точности этих сведений и задаться вопросом, каким образом мог автор удержать в своей памяти в течение столь продолжительного срока такие мелкие подробности, как, например, базарные цены на продукты в Месопотамии, емкость мер сыпучих тел у персов или количество пройденных за день парасангов. Сомнения эти вполне законны, и историческая критика обязана здесь допустить одну из двух возможностей: либо эти данные совершенно произвольны и не заслуживают поэтому доверия, что бросает некоторую тень и на другие наблюдения Ксенофонта, либо Ксенофонт во время похода делал записи и воспользовался ими впоследствии при составлении своих мемуаров, и в таком случае его наблюдения приобретают почти документальную ценность. Внимательное изучение «Анабасиса» позволяет, как нам кажется, притти к заключению, полностью подтверждающему второе предположение.

Свое продвижение по Передней Азии греки совершали как по большим, государственным, так и по проселочным дорогам. Из сочинений Геродота и Ктесия хорошо известно, что большие дороги персидского царства были весьма благоустроены. На них имелись станции, расстояния между которыми измерялись парасангами, что означало либо точно установленную меру длины, либо, как склонны думать современные иранисты, условную величину, определяемую количеством времени, потребным для прохождения этого расстояния. В «Анабасисе» постоянно

приводятся точные данные о количестве пройденных за день парасангов. Но если последовательно проследить эти указания на протяжении всего повествования, то оказывается, что парасанги упоминаются только на тех отрезках пути, где войско двигалось по большим дорогам и где, следовательно, Ксенофонт имел возможность получать на местах точные цифры. Так, почти весь путь от Сард до Кунаксы пройден был по государственным, дорогам, и Ксенофонт в этой части своего труда отмечает парасанги с неизменной аккуратностью, с одним, однако, исключением. Когда войско вторгается в Киликию с севера, оно уклоняется от большой дороги и проходит через тесное и длинное горное ущелье, по узкому и крутому пути. На этом переходе упоминаний о парасангах нет, но как только войско спускается в плодородную долину Киликии, парасанги вновь начинают мелькать на страницах «Анабасиса».

При отступлении из-под Вавилона эллины идут сперва по богатой и густо населенной области Месопотамии, и Ксенофонт продолжает отсчитывать парасанги, правда не с прежней аккуратностью, что легко объяснимо напряженностью обстановки и ночными переходами. Но вот эллины подходят к области независимых кардухов (Западный Курдистан), куда не отваживается проникать персидское войско. В течение 7 дней греки пробиваются через горную и труднопроходимую местность, и на протяжении этих 7 дней парасанги не упоминаются ни разу.

К северу от страны кардухов находилась Армения, управляемая персидским сатрапом. При переходе через пограничную реку греки увидели перед собой, как говорит Ксенофонт, «. . .единственную, повидимому, искусственную дорогу. . .», по которой и направилось эллинское войско, причем Ксенофонт вновь возвращается здесь к измерению пути парасангами, допуская, впрочем, значительные пропуски, вызванные тяжелыми условиями похода, совершаемого частично по глубокому снегу. Так измеряется путь во время длительных блужданий эллинского войска между Арменией и Трапезунтом. Но по прибытии в этот город парасанги совсем исчезают со стра-

ниц «Анабасиса», и при описании дальнейшего пути Ксенофонт, желая дать читателю представление о пройденных расстояниях, прибегает к обычному у греков приему измерения пути часами или, приближенно, стадиями. Причина этой перемены выясняется из текста самого «Анабасиса». Южный берег Черного моря, вдоль которого направилось греческое войско из Трапезунта, в то время был фактически независим от персидского управления, и последнее не было заинтересовано в проведении там удобных путей сообщения. По рассказу Ксенофонта, прибрежная дорога была так плоха, что войско с его обозом не могло бы пройти по ней, если бы он не заставил жителей греческих городов привести ее в порядок. Подобная дорога не могла быть измерена парасангами, и потому их нет и в рассказе Ксенофонта.

Итак, проверка сообщаемых Ксенофонтом сведений о пройденном пути при помощи данных, частично почерпнутых из самого «Анабасиса», раскрывает до известной степени метод работы автора над своим произведением и позволяет утверждать, что Ксенофонт чрезвычайно строго относился к своим обязанностям летописца похода, не разрешая себе, как правило, никаких отступлений от собранного им на местах фактического материала. Впрочем, добросовестность Ксенофонта как историографа похода подтверждается и другими наблюдениями над текстом «Анабасиса». Так, Ксенофонт всегда строго различает виденное собственными глазами от передаваемого с чужих слов и в последнем случае он обычно указывает источник осведомления. Даже тогда, когда, по примеру своего предшественника Фукидида, Ксенофонт прерывает повествовательную форму изложения иногда весьма пространными и составленными по всем правилам риторики речами, вкладываемыми им в уста действующих лиц, он не скрывает того, что предается здесь свободному творчеству, и часто предпосылает выступлениям ораторов слова: «такой-то сказал примерно то-то».

Таким образом, за «Анабасисом», в том, что касается описания объективной обстановки похода, необходимо признать

высокую степень исторической достоверности — вывод, имеющий немаловажное значение для истории древнего мира и в частности для ранней истории некоторых народов Советского Союза, так как в IV и V книгах разбираемого сочинения содержатся довольно подробные описания племен, обитавших в V в. до н. э. в северо-восточных областях Малой Азии и на южном берегу Черного моря и впоследствии вошедших в состав населения Закавказья. Для истории Закавказья эти страницы «Анабасиса» имеют примерно столь же высокую ценность, как IV книга Геродота для истории юга СССР, «Германия» Тацита для Средней Европы и «Записки» Юлия Цезаря для галльских стран.

Говоря о заметках, которые Ксенофонт составлял на местах, мы никоим образом не желаем создать представления, будто весь «Анабасис» является только литературно обработанным сухим дневником похода. Путевые заметки касались, вероятно, лишь мелких подробностей и цифровых данных. Крупные события и яркие эпизоды не нуждались в немедленном закреплении на табличках или свитках: они и так запомнились Ксенофонту на всю жизнь и в нужный момент воскресли в его памяти с былой силой и свежестью. Ксенофонт сумел воспроизвести их в своем повествовании в целом ряде необычайно наглядных, как бы выхваченных из живой действительности, сценок, искусно вставленных в отчет о наступательном движении войска. И если в композиции вышеупомянутых речей он показал себя хорошим оратором, знакомым со всеми тонкостями искусства красноречия, то в этих сценках проявился его замечательный талант рассказчика (от которого, кстати сказать, приходил в восторг такой мастер искусства повествования, каким был Проспер Мериме). Простым и ясным языком, изящным и гибким стилем, заслужившим ему прозвание «аттической пчелы», Ксенофонт в немногих словах набрасывает незабываемые по живости и яркости картины, которые прямо переносят нас в конкретную обстановку похода и дают гораздо больше, нежели могли бы дать пространные описания.

И раз завладев вниманием, Ксенофонт уже не отпускает читателя и ведет его за собой до окончания похода. Читатель сам как бы превращается в участника экспедиции, постепенно сживается с греческим войском — этой своеобразной вольницей, способной как на подвиги, так и на грубые эксцессы, — вместе с ним переносит все превратности судьбы, и по отзыву Плутарха о битве при Кунаксе в описании Ксенофонта (Сравнительные жизнеописания, Артаксеркс, 9), «. . .сам чувствует опасность и переживает события прошлого, как живого настоящего».

Пусть Ксенофонт иногда пристрастен, пусть он временами нарочито подбирает факты, стремясь выдвинуть собственные заслуги, — предупрежденный читатель легко в этом разберется и, совершив мысленно поход вглубь Малой Азии вместе с Ксенофонтом, почувствует себя обогащенным не только знаниями, но и надолго запоминающимися впечатлениями. В этой способности приобщать людей иных времен к далекому прошлому сказывается сила художественного дарования Ксенофонта; в этом и причина неувядаемой юности его произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

К книге I

[1] Перевод сделан с издания: Xenophontis Expeditio Cyri recensuit Guilelmus Gemoll. Editio minor. Bibliotheca Teubneriana, Lipsiae, 1910. Части текста, взятые в квадратные скобки, считаются Гемоллем не принадлежащими Ксенофонту позднейшими вставками древних издателей «Анабасиса». В круглые скобки заключены отдельные слова, введенные в текст переводчиком в целях необходимого иногда уточнения смысла греческих фраз.

Название произведения Ксенофонта — «Анабасис» (Ἀνάβασις — существительное от глагола ἀναβαίνω — в буквальном переводе на русский язык означает «восхождение, подъем». Однако греки применяли глагол «восходить» не только тогда, когда речь шла о подъеме на гору, но и когда имелся в виду далекий путь в направлении от берега моря вглубь материка. Именно такой смысл имеет и заглавие труда Ксенофонта. Его можно было бы передать по-русски примерно как «Поход вглубь страны», в данном случае — вглубь Малой и Передней Азии.

[2] Дарий II Нот, царь Персии с 423 по 405 г.[1] Парисатида — сестра и жена Дария II — отличалась властолюбием и жестокостью, оказывала сильное влияние на мужа, а также на своего старшего сына — царя Артаксеркса II. Артаксеркс II Мнемон (Памятливый) — сын Дария и Парисатиды, царь Персии с 405 по 358 г. По одним известиям, он родился в 451 г., по другим, — в 443 г. Кир, согласно свидетельству Плутарха (Сравнительные жизнеописания, Артаксеркс, 2), родился после восшествия Дария на престол, т. е. не раньше 423 г. Следовательно, в год смерти Дария ему было не более 18 лет. Притязания Кира на престол основывались на том, что он родился после воцарения Дария, тогда как Арта-

---

[1] Вся встречающаяся в примечаниях хронология — до н. э.

ксеркс родился в то время, когда его отец еще не занимал престола. Известия о столь значительной разнице в возрастах Артаксеркса и Кира сомнительны, так как, согласно свидетельству «Анабасиса» (I, IX, 2), [1] оба брата воспитывались вместе, чего не могло быть даже в том случае, если бы Артаксеркс был старше Кира на 20 лет.

Подробные сведения о Персии в эпоху Артаксеркса II и Кира Младшего можно найти в следующих работах: Б. А. Тураев. История древнего Востока. Под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирева, т. II, 1936, Отд. V, стр. 109—201 (особенно стр. 138—174); здесь имеется и подробная библиография. — В. В. Струве. История древнего Востока. ОГИЗ, 1941, гл. XXXII, стр. 376—388. — В. И. Авдиев. История древнего Востока. 1948, гл. XVIII, стр. 443—476. — Специально Киру Младшему посвящена статья: Э. Н. Саломоник. Кир Младший. Уч. зап. Ленингр. Гос. унив., Сер. историч. наук, вып. 10, 1941.

[3] Дарий находился тогда в Мидии (Передняя Азия), куда он направился в 404 г. для подавления восстания племени кадусиев.

[4] Сатрап — эллинизованное персидское слово *кшатрапаван*, означающее — «блюститель области», т. е. наместник. Персидское царство делилось на сатрапии, которыми управляли сатрапы. В их руках была сосредоточена верховная административная власть области. Военная власть часто принадлежала другому лицу. При таком делении власти сатрап и военачальник взаимно контролировали друг друга. Кир, обладавший в своей сатрапии всей полнотой административной и военной власти, был наместником Лидии, Великой Фригии и Каппадокии (см. текст, I, IX, 7; см. также: Ксенофонт. Греческая история, I, IV, 3). Согласно Геродоту (III, 89 и сл.), Дарий I учредил в Персии 20 сатрапий, но это число не было постоянным. В некоторых областях Персии помимо сатрапа имелись наследственные туземные цари, князья и другие правители, а также вольные города, которые находились под верховным наблюдением сатрапа. Подробнее о сатрапах и сатрапиях см.: Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирева, т. II, Отд. V, 1936, стр. 138 сл.

[5] Кастола — долина у реки Гермоса в Лидии (западная часть Малой Азии). По поводу ежегодных смотров войска в Персии Ксенофонт (Домострой, 4) рассказывает: «Мы согласны, что персидский царь чрезвычайно заботится о военном деле: каждому правителю каждого народа, с которого он собирает дань, он предписал, сколько всадников, стрелков, пращников и вооруженных щитами он (правитель) должен

---

[1] Здесь и далее в ссылках на текст настоящего издания «Анабасиса» первая римская цифра обозначает книгу, вторая римская — главу, третья цифра, арабская, указывает параграф.

содержать, сколько необходимо их для управления подчиненными ему (царю) и для защиты страны в случае нашествия неприятеля. Кроме того, он (царь) содержит гарнизоны в акрополях. Содержит их правитель, которому это поручено, а царь ежегодно производит смотр наемникам и другим войскам, которым предписано быть в полном вооружении. Всех, кроме гарнизонов, он собирает в одно место, где назначено собрание. Тех, которые (находятся) вблизи резиденции, он смотрит сам, а смотреть живущих далеко посылает надежных людей» (пер. Б. А. Тураева: История Древнего Востока, т. II, 1936, стр. 141). В Кастоле собирались на ежегодный смотр войска той части Малой Азии, которая расположена к западу от реки Галиса (современный Кизиль-Ирмак) (Ксенофонт. Киропедия, VI, 2, 11. — Ксенофонт. Домострой, 4, 6).

[6] Тиссаферн сын Гидарна — один из крупнейших государственных деятелей Персии в конце V и начале IV в. до н. э. После подавления восстання лидийца Писсутна он был назначен в 413 г. сатрапом Лидии, Карии и Ионийских городов. Артаксеркс II был женат на дочери Тиссаферна Статире, а брат Тиссаферна Теритухм — на дочери Дария II Амастриде. Теритухм составил заговор с целью свержения Дария, но заговор был раскрыт и, по настоянию Парисатиды, были истреблены все потомки Гидарна, кроме Тиссаферна и Статиры. В 407 г. Артаксеркс II по требованию Парисатиды отнял от Тиссаферна Лидию и передал ее в управление Киру. Отсюда ненависть Тиссаферна к Киру. После гибели Кира Тиссаферн вновь получил в управление эту область. Парисатида сумела отомстить Тиссаферну за смерть сына лишь много позднее. В 395 г., после неудачной для персов битвы с греками, Тиссаферн впал в немилость у Артаксеркса. По приказу царя Арией, бывший ближайший помощник Кира, заманил Тиссаферна в ловушку и арестовал его. Тиссаферн был казнен в городе Келены во Фригии. Его голову Артаксеркс отослал своей матери.

[7] Гоплиты — тяжело вооруженная пехота, основная сила греческого войска. Вооружение гоплитов состояло из медного панцыря, шлема, поножей (см. примеч. I, 33), большого щита, длинного тяжелого копья и короткого меча (см. Примеч., I, 31);[1] по истории военного дела в древности см.: Ганс Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, т. I. Госвоениздат, М., 1939. — Е. Разин. История военного искусства, ч. 1. Воениздат, 1939.

[8] Плутарх (Сравнительные жизнеописания, Артаксеркс, 2, 3) передает другую версию этого события. Согласно его рассказу, Кир готовил

[1] В ссылках на примечания первая цифра указывает номер книги, вторая — номер примечания.

покушение на жизнь Артаксеркса в Пасаргадах, во время церемонии коронования, но был выдан брату своим бывшим воспитателем-жрецом и Тиссаферном. Мать спасла Кира от казни.

[9] Греки называли *варварами* все не-греческие народы и племена. Этот термин не имел в древности того презрительного оттенка, какой он приобрел впоследствии.

[10] Под титулом царя, без обозначения страны, греки подразумевали царя Персии, своим могуществом неизмеримо превосходившего прочих царей и царьков Востока, что находило себе выражение и в его персидском титуле «царя царей». Персия была первой державой, объединившей под своей властью весь Ближний Восток.

[11] Ионийские города — греческие города Ионии (в центральной части западного побережья Малой Азии), которые находились под властью Персии, обязаны были платить ей дань и оказывать военную помощь. Персидское правительство через соответствующего сатрапа и поставленных им тиранов контролировало внешнюю и внутреннюю политику городов, предоставляя им в остальном полную автономию. Во время Пелопоннесской войны царь Персии, по словам Фукидида (VIII, 57), «. . . хотел уравновесить взаимное положение греков», оказывая помощь то олигархической Спарте, то демократическим Афинам, стремясь, таким образом, затянуть войну и ослабить обе стороны, и, в зависимости от этого, поддерживал в греческих городах Малой Азии то олигархическую, то демократическую партии. К концу войны (в 411/10 г.) Спарта путем отказа от независимости греческих городов Малой Азии добилась того, что Персия склонилась на ее сторону и оказала ей значительную денежную помощь. Проводником этой дружественной Спарте политики персидского царя был Кир, тогда как Тиссаферн заступался за Афины. Ксенофонт в данном случае излагает события неточно и освещает их с предвзятой, выгодной для Спарты, точки зрения. Ионийские города не сами отпали от Тиссаферна к Киру, но были отторгнуты спартанцами под предводительством друга Кира Лисандра, который ввел в них олигархический строй.

[12] Греческие города западного побережья Малой Азии со времен Дария I платили персидскому царю определенную дань (Геродот, VI, 42). При Кире и Камбизе подчиненные Персии области вместо установленной дани ежегодно подносили царю подарки (Геродот, III, 89).

[13] Клеарх сын Рамфия — выдающийся спартанский полководец, упоминаемый целым рядом греческих историков: Фукидидом, Ксенофонтом, Диодором и другими. Биография Клеарха, изложенная Ксенофонтом в «Анабасисе» (II, VI, 1—15) после рассказа о его смерти, в общем передана правильно, за исключением периода его жизни от последних лет

Пелопоннесской войны до знакомства с Киром. Выдвинувшись в качестве талантливого полководца во время Пелопоннесской войны, Клеарх в 408/7 г. потерпел неудачу при защите осажденного афинянами Византия (в отсутствие Клеарха город был сдан врагам несколькими гражданами Византия). В 403 г. Клеарх был послан эфорами (см. Примеч., **II**, 24) в Византий в качестве гармоста (см. Примеч., V, 26). Мстя за свою прежнюю неудачу, он проявил такую жестокость по отношению к византийцам, что эфоры отправили войско с целью изгнания Клеарха из этого города. Клеарх удалился во Фракию в качестве изгнанника, так как эфоры заочно приговорили его к смерти за непослушание. Ксенофонт, высоко чтивший Клеарха, умолчал об этих невыгодных для Клеарха фактах. Но общая характеристика, которую Ксенофонт дает Клеарху, несомненно близка к действительности. Это был типичный для того времени военный авантюрист, который путем военной карьеры стремился достигнуть власти.

[14] Дарик — золотая персидская монета, весом около 8.4 г. 3000 дариков составляли 1 талант (греческая весовая и денежно-весовая единица, равная примерно 26 кг).

[15] Союзы гостеприимства заключались между гражданами различных греческих государств для взаимпой охраны их интересов в пределах этих государств. Союзы гостеприимства имели большое значение для урегулирования внешних сношений городов, так как действие законодательства в каждом из них не простиралось на граждан других греческих государств. Кир, который знал и любил греческую культуру, пользовался этой юридической формой для сношения со своими эллинскими помощниками.

[16] Проксен-беотиец — один из стратегов наемников Кира, друг Ксенофонта. «Анабасис» (**II**, VI, 16) сообщает биографию Проксена и характеризует его как честолюбивого, но благородного представителя греческой молодежи из высших слоев общества, обладавшего мягким характером, мало подходящим для роли военного авантюриста. В своей собственной автобиографии (см. текст, **III**, I, 4 и сл.) Ксенофонт рассказывает, как Проксен убедил его принять участие в походе Кира.

[17] Писидия — горная область на юге Малой Азии, между Ликией и Киликией. Писидийцы, так же как и обитатели смежных областей — Ликаонии, Исаврии и Памфилии, жили в расположенных на высоких горах Тавра поселениях и городах. До середины V в. они подчинялись персидскому владычеству, но затем, пользуясь ослаблением центральной власти в Персии, отложились и стали совершать набеги на соседние, подвластные персам, области. Персы уже не были в состоянии подчинить себе полностью как эти, так и многие другие горные области Малой Азии (см. текст, **III—V**).

[18] Софенет из Стимфалы (Аркадия) — один из стратегов в греческом войске Кира. Софенет известен нам только по «Анабасису» Ксенофонта, но у Стефана Византийского встречается упоминание о том, что некий Софенет написал книгу Κύρου 'Ανάβασις — «Поход Кира вглубь страны», и большинство современных ученых полагает, что автором этого труда был Софенет, стратег наемников Кира. Месс (Mess) в журнале «Rheinisches Museum» (1906, стр. 360—390) пытался доказать, что мемуары Софенета послужили источником для Диодора в его повествовании о походе наемников Кира (XIV, 19—31), но эта гипотеза не может считаться общепризнанной [см.: Pauly-Wissowa. Realencyclopädie, Sophainetos (Bux). В дальнейшем — RE].

[19] Акрополь — возвышенная и укрепленная часть греческого города, примерно соответствующая русскому кремлю.

[20] Гимнеты — легко вооруженная пехота, не имевшая оборонительного оружия. Гимнеты делились на метателей дротиков, пращников и лучников. Так же, как и пельтасты (см. сл. примеч.), гимнеты действовали преимущественно в рассыпном строю.

[21] Пельтасты — род войска, занимавший среднее место между гоплитами и гимнетами. Свое имя они получили от «пельты» — легкого круглого щита, который составлял часть их вооружения. Кроме пельты, у них имелись короткие полотняные панцыри, дротики и длинные мечи. Пельтасты как особый род пехоты появились в греческом войске лишь во время Пелопоннесской войны. Широкое применение они получили в начале IV в. благодаря афинскому полководцу Ификрату.

[22] Кир выступает из г. Сард ранней весной 401 г. Первоначально он направляется на юго-восток (см. карту в конце книги) в сторону Писидии, желая, вероятно, как можно дольше сохранить видимость похода против этой страны. Но, дойдя до горной цепи Тавра, образующей северную границу Писидии, он не пытается вторгнуться в эту область, а уклоняется в сторону, сперва на восток, затем на север и, наконец, на юго-восток, в Ликаонию — страну, граничащую с Писидией с северо-востока. Так как он при этом идет все время вдоль Тавра, то его истинные планы еще не обнаруживаются: войско могло думать, что Кир ищет удобного места для вторжения в Писидию. Когда же затем Кир через Тавр вторгается не в Писидию, а в Киликию, через которую проходил наиболее удобный путь в Сирию и Месопотамию, его скрытые намерения становятся понятными для греческого войска (см. текст, I, III, 1 и сл.).

На основании данных «Анабасиса» о днях, проведенных наемниками Кира в пути, и продолжительности остановок некоторые ученые пытались воссоздать календарные даты всего похода. Но эти попытки осно-

ваны на догадках и не приводят к несомненным результатам, хотя бы уже потому, что не известен день выступления из Сард.

[23] Парасанг — персидская мера длины; вероятно, условная величина, определяемая количеством времени, нужным для прохождения этого расстояния. Плетр — греческая мера длины, равная примерно 3 м.

[24] Менон — родом из Ларисы в Фессалии, помимо рассказа Ксенофонта известен нам по диалогу «Менон» Платона и по упоминаниям у некоторых поздних авторов. Уничтожающая характеристика, которую ему дает Ксенофонт (см. текст, II, VI, 21—29), видимо, пристрастна. Менон был соперником Клеарха и претендовал на первое место среди стратегов греческих наемников Кира. Ксенофонт считал его предателем и виновником смерти четырех других стратегов, в том числе Клеарха и друга Ксенофонта Проксена, и сильно сгустил краски, оценивая Менона как военачальника и человека. По крайней мере, у Платона Менон охарактеризован иначе. Однако дурная слава Менона как предателя укрепилась среди эллинов и дожила до поздней античности (см.: Афиней, XI, 505). Долопы — племя, обитавшее в Эпире; энианы — жители южной Фессалии; олинфяне — жители г. Олинфа.

[25] Ксенофонт в «Домострое» (гл. 4) рассказывает: «Где бы царь ни жил, куда бы ни отправлялся, он заботится, чтобы везде были сады, называемые „парадисами“, полные всем красивым и хорошим из того, что может производить земля. В них он проводит бо́льшую часть времени, если этому не препятствует время года». Дальше Ксенофонт передает анекдот о прогулке Кира с Лисандром в парке Сард, причем Лисандр выражает свое удивление «. . . красоте деревьев и тому, что они все одинакового роста, посажены прямыми рядами, под прямыми углами; что их во время прогулки сопровождали приятные запахи». А Кир в своем ответе уверяет Лисандра, что он сам «. . . все это размерил и распределил, кое-что даже и сам посадил!».

[26] Фут — греческая мера длины; аттический фут равен 0.296 м.

[27] Имеется в виду известный миф о сатире (см. Примеч., I, 30) Марсии, осмелившемся вступить в музыкальное соревнование с самим Аполлоном. Согласно этому мифу, Аполлон, одержав победу над Марсием, в наказание за его дерзость велел содрать с него кожу. Ксенофонт описывает пещеру и реку Марсий как виденную им по пути достопримечательность. Город Келены упоминается и Геродотом (VII, 26): «После переправы через реку Галис войска (Ксеркса) вступили во Фригию, прошли ее и пришли в Келены, где показываются ключи реки Меандра и другой, не уступающей Меандру по величине и носящей имя Катаракты; река эта начинается на рынке в Келенах и изливается в Меандр. Подле этого рынка висит мех из кожи сына Силена Марсия, относительно

которого фригийцы рассказывают, что Аполлон содрал с него кожу и там повесил ее».

[28] В 480 г.

[29] Ликеи — праздник в честь верховного греческого бога Зевса, справлявшийся в Аркадии на Ликейской горе, где находилось очень древнее святилище Зевса. Помимо жертвоприношения Зевсу, на этом празднике происходил также агон, т. е. состязание, в данном случае гимнастическое (гимнический агон, см. текст, IV, VIII, 25). Греческий военачальник Ксений на чужбине справлял обычай своей страны. Стленгиды — скребки, при помощи которых греки после гимнастических упражнений счищали с тела грязь и масло.

[30] Мидас — полулегендарный царь Фригии. Сатир — одно из низших божеств греческой мифологии, спутник бога Диониса, питавший пристрастие к «влаге Диониса» — вину. Легенда о поимке сатира приурочивалась и к другим местностям (см.: Геродот, VIII, 138).

[31] Принятый у греков боевой порядок построения войска — фаланга. Это тесно сомкнутое, непрерывное линейное построение гоплитов. Фаланга имела большую протяженность в ширину и несколько шеренг в глубину (в данном случае 4). Занимать правый фланг считалось особенно почетным. Это место было самым опасным, потому что гоплиты держали щит в левой руке. Атака велась параллельным фронтом, шагом или бегом, под звуки боевой песни — пэана. В пэане криками «А-ля-ля!» призывался бог Энниалий — одно из наименований бога войны Ареса. При помощи фаланги эллины направляли «. . . всю тяжесть их сосредоточенной и двигающейся массы на определенный пункт вражеского фронта». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. II. М., 1933, стр. 439. См. также: Е. Разин. История военного искусства, ч. I. 1939, стр. 59 и сл.).

[32] Стратегами в Афинах первоначально назывались члены верховной военной коллегии из 10 лиц, ежегодно выбиравшихся из числа полноправных граждан. В «Анабасисе» термин «стратег» употребляется в смысле военного начальника.

[33] Хитон — род рубашки без рукавов. Кнемиды — поножи (металлическая броня, защищавшая колено и голень воина от ударов во время боя).

[34] Киликия — область на юго-востоке Малой Азии. Имела очень большое стратегическое значение, так как через нее проходила кратчайшая дорога в Сирию и Месопотамию (см. текст, I, IV, 4). Ксенофонт весьма наглядно описывает эту страну, представлявшую собой плодородную приморскую равнину, окруженную труднопроходимыми горами Тавра и потому совершенно обособленную. Во времена Ксенофонта Киликии принадлежали также земли к северу и северо-востоку от Тавра.

По течению Евфрата Киликия в это время граничила с Арменией. Киликия входила в состав Персидского царства, но управлялась династией местных царей, оставленной у власти потому, что она добровольно подчинилась Киру Старшему. Согласно свидетельству Курция Руфа (III, 4), кроме Киликийских ворот в древности известно было еще два прохода в Киликию через Тавр (см.: F. Schaffer. Die kilikischen Hochpässe und Menon's Zug nach Tarsus; Jahrb. d. Oestr. Arch. Inst., 1901, SS. 204—207. — Walter Siche. Der Marsch des Cyrus durch Kappadozien und Zilizien. Petermanns Mitteilungen, 1919, 2. Halbband, SS. 233—236, Taf. 39). Путь через Киликийские ворота доступен повозкам в течение круглого года. Остальные два пути совершенно непроходимы зимой, а летом по ним можно двигаться лишь пешком или верхом. Эпиакса и Менон, вероятно, направились по наиболее прямой тропе через Ларанду (ныне Караман) и Мару на Селевкию и оттуда по берегу моря до Тарса. Продолжительность всего пути около 5 дней. Таким образом отряд Менона зашел в тыл войскам Сиеннесия, охранявшим Киликийские ворота, вследствие чего эти войска и не были в состоянии противодействовать армии Кира, когда она подошла из г. Даны к главному проходу в Киликию. Это обходное движение имело полный успех.

[35] Значение этого титула не вполне ясно. Быть может, так назывались высокопоставленные персы, имевшие право носить пурпурные кафтаны, или знаменосцы, так как персидские знамена были пурпурного цвета, а может быть лицо, управлявшее царскими красильнями.

[36] Кир Младший вторгся в Киликию через так называемые «Киликийские ворота», единственный удобопроходимый путь через Тавр. Диодор (XIV, 20) описывает его следующим образом: «Это узкий проход длиной в 20 стадий (около 3.5 км), замкнутый по обеим сторонам высокими и крутыми горами. С той и с другой стороны с гор к дороге спускается стена и на ее стыке построены ворота». Согласно описанию В. Зихе (см. Примеч., I, 34), ущелье начинается в 25 км к югу от г. Даны (ныне Килиссе-Гисар) у местечка Оваджик. Здесь Кир, вероятно, пережидал уход Сиеннесия с вершин. От Оваджика дорога очень круто поднимается в горы и вступает в ущелье. У местечка Иоллек-Богаз ущелье имеет всего несколько метров ширины, и здесь, вероятно, находились ворота. Все горное ущелье тянется примерно на 87 км.

[37] Триэра — корабль с тремя рядами гребцов. См. Примеч., I, 44.

[38] Иссы — приморский город в Киликии, близ границы Сирии. Знаменит победой, одержанной в этих местах Александром Македонским над персами (333 г.).

[39] Лох — тактическая единица пехоты в греческом войске, приблизительно соответствующая современной роте. Численность лоха не была постоянной, но по большей части равнялась примерно 100 человекам.

[40] Залогами верности могли быть клятвы, скрепленные взаимным пожатием правой руки, возлияниями и жертвоприношениями, обмен заложниками и т. п.

[41] Диодор (XIV, 20) иначе, чем Ксенофонт, описывает поведение царя Киликии Сиеннесия. По его словам, не будучи в состоянии противиться Киру силой, он решил повести двойственную политику. Одного из своих сыновей Сиеннесий отправил вместе с Киром в поход против Артаксеркса, дав ему воинский отряд. Но одновременно тайно послал другого сына к персидскому царю, чтобы оповестить последнего о численности войска Кира, о своей верности и готовности предать Кира при первом удобном случае. Ухищрения Сиеннесия, видимо, не имели успеха, так как в IV в. его династия уже не правила Киликией, вероятно, вследствие пропуска Кира через эту страну. Акинак — короткий персидский меч.

[42] Солдаты в греческом войске не получали пайка. Они должны были сами себя содержать, покупая продукты на базаре, если войско находилось в дружественной стране. Во вражеской стране войско обычно жило грабежом. Только в исключительных случаях, например при переходе через пустыню, войско везло с собой запас продовольствия. Одной из главных для стратега была забота о наличии базара со съестными припасами близ стоянок войска.

[43] Стадий — греческая мера длины, равная греческим 600 футам. Так как фут в отдельных городах Эллады имел различную длину, то соответственно колебалась и длина стадия. Наибольшее распространение имел аттический стадий, равный примерно 0.177 км. Ксенофонт как афинянин считает аттическими стадиями.

[44] Перед нами в данном случае пример сознательного извращения Ксенофонтом исторического факта, пример, особенно любопытный потому, что тот же Ксенофонт в другом сочинении, а именно в «Греческой истории» (III, I, 1), излагает те же события в ином, правильном освещении. В «Анабасисе» Ксенофонт рассказывает, что в Иссы прибыло 35 триэр лакедемонцев под начальством наварха (наварх — командующий спартанским флотом) Пифагора вместе с 25 кораблями самого Кира, причем из Эфеса весь этот флот вел египтянин Тамос, который помогал Киру при осаде Милета. Между тем в «Греческой истории» читаем: «Через короткое время после этого (в 402/1 г.) Кир, отправив послов в Лакедемон, просил, чтобы лакедемоняне приняли в нем такое же участие, какое он сам принял в них во время их войны с афинянами. Эфоры сочли его просьбу справедливой и поручили Самию, занимавшему тогда пост наварха, оказать потребную помощь Киру. Последний охотно исполнил просьбу Кира: во главе своего флота и флота Кира он поплыл вдоль берега в Киликию и добился того, что властитель Киликии Сиеннесий

потерял возможность оказывать на суше противодействие Киру, идущему походом на персидского царя» (пер. С. Я. Лурье). В «Анабасисе» Ксенофонт умалчивает о посольстве Кира в Лакедемон — факт, упоминаемый и другими писателями (Диодор, XIV, 19. — Плутарх, Артаксеркс, 6), а начальниками морской экспедиции, вместо Самия, он называет египтянина Тамоса и вымышленное лицо — наварха Пифагора. Ксенофонт всячески старается замолчать прямое участие Спарты в походе Кира. Причины, побудившие Ксенофонта поступить таким образом, раскрыты Эд. Мейером (Ed. Meyer. Geschichte des Altertums, B. III, S. 278). «Анабасис» написан между годами 379 и 371, когда Спарта была в добрососедских отношениях с Персией и ее царем Артаксерксом. Поэтому спартанцам было желательно затушевать их участие в походе мятежника Кира. А «Греческая история» составлена после 369 г., когда Персия встала на сторону враждебных Спарте Фив, ввиду чего уже не было никаких препятствий для изложения данного факта согласно с действительностью. Когда Ксенофонт писал свои воспоминания о походе Кира Младшего, он находился в полной политической, а, вероятно, и экономической зависимости от Спарты и не мог не считаться с интересами своих покровителей (см. текст, I, II, 21).

[45] Согласно свидетельству Диодора (XIV, 19), 800 спартанских воинов под предводительством Хирисофа были посланы Киру Спартой в ответ на его просьбу о помощи.

[46] Геродот (V, 52 и сл.) рассказывает, что на больших дорогах Персии, по большей части на границе отдельных сатрапий и в труднопроходимых по природным условиям местностях, были построены укрепления, которые он называет «воротами» или «проходами». Ворота охранялись гарнизонами, правительство имело таким образом возможность контроля над движением по дорогам и в случаях надобности могло оказать вооруженное сопротивление в данных укрепленных пунктах. Описанные Ксенофонтом «ворота» из Киликии в Сирию, упоминаемые и другими греческими писателями, находились, как передает Страбон (XIV, 5, 18; XVI, 2, 8), «. . . в самой природой укрепленном пункте», в том месте, где гора Аман ответвляется от Тавра и, протянувшись вдоль Киликии с восточной стороны, подходит к морю. Проход этот также назывался Аманскими воротами. У северного их входа до настоящего времени сохранились развалины древнего сторожевого укрепления (см.: Explorations in Hittite Asia Minor in 1929. Oriental Inst. of the Univ. of Chicago. Orient. Inst. Communications, № 8, p. 59).

[47] Имеется в виду учрежденная персидским правительством так называемая провинция по ту сторону реки, в которую входили области к югу от Тавра и Амана и к западу от Евфрата. К ней принадлежал и Кипр. Сюда же, повидимому, была присоединена и Арамейская область

к востоку от Евфрата, а также Месопотамская пустыня вплоть до границы вавилонской области (см.: Ed. M e y e r. Geschichte des Altertums, B. III, S. 136). Начиная с этого пункта описание Ксенофонтом местностей, через которые проходит войско, становится менее подробным.

[48] См. текст, I, III, 7.

[49] В культе семитической богини Атаргатис большое значение придавалось священным рыбам; главный храм Атаргатис находился в городе Бомбике, расположенном к северо-востоку от реки Гал, недалеко от Евфрата и от пути, по которому шла армия Кира. Культ богини был очень распространен в населенных семитами областях.

[50] Члены царской семьи, а также отдельные персидские магнаты, получали доходы натурой с городов и областей, подаренных им с этой целью царем. Эти средства шли на содержание двора и на гардероб. Выражение «на пояс», вероятно, означает «на наряды». Геродот (II, 98, 99) передает, например, что город Атилла в Египте поставлял персидской царице обувь. Доходы с упоминаемых в «Анабасисе» (II, IV, 27) других деревень Парасатиды шли, надо полагать, на иные цели.

[51] Евфрат — крупнейшая река Передней Азии, берет свое начало двумя рукавами в северо-восточной части Малой Азии и впадает в Персидский залив.

[52] Вавилон — древняя столица Вавилонского царства, основанная, вероятно, в третьем тысячелетии. Находился на реке Евфрате. Персидский царь обычно проводил там зимние месяцы.

[53] См. текст, I, I, 2.

[54] Мина — греческая мера веса, равная примерно 617 г.

[55] Фрурарх — начальник гарнизона. Лохаг — начальник, командир лоха.

[56] Глус — сын египтянина Тамоса, переводчик и друг Кира; после смерти Кира перешел на сторону Артаксеркса и впоследствии был адмиралом персидского флота.

[57] После переправы через Евфрат войско Кира вступает в Месопотамию и идет по Месопотамской пустыне, которая представляет собой продолжение Аравийской пустыни, отделенное от последней рекой Евфратом.

[58] Ксенофонт неправильно называет Аравией область от реки Аракса до границы Вавилонии. Аравия — область между Сирией и Месопотамией.

[59] Слово «пилы» по-гречески означает «ворота». Здесь проходила граница вавилонской области. Очевидно в Пилах находилось укрепление (ворота), охранявшее вход в вавилонскую область по большому торговому пути от Вавилона в Киликию (см. текст, I, IV, 4; Примеч., I, 46).

[60] Капифа — персидская мера сыпучих и жидких тел, равная примерно 2.3 л; сикль — персидская серебряная монета, весом в 5.6 г.

обол — греческая мелкая серебряная монета; хойник — греческая мера сыпучих тел, равная примерно 1.1 л.

[61] Между центральной частью пустыни и Евфратом встречаются местами огромные, покрытые жидкой грязью, пространства — результат испарения осадков, падающих здесь в период дождей, между ноябрем и апрелем.

[62] Анаксириды — длинные и узкие персидские штаны.

[63] По подсчету Эд. Мейера (Ed. Meyer. Geschichte des Altertums, B. III, S. 91), народонаселение персидского государства составляло не менее 50 млн человек.

[64] Способ переправы через реку, практикуемый в тех местах и по настоящий день, описан также у Арриана (Анабасис, III, 29, 4) и в Бехистунской надписи Дария.

[65] Среди высших персидских сановников имелось семь советников — ближайших помощников царя. Кир как сатрап и царский сын, повидимому, имел при себе такое же число ближайших советников. Его двор был организован по образцу двора персидского царя.

[66] В Персии при появлении царя все подданные обязаны были пасть перед ним на землю, выражая этим поклонение царю как божеству. Судя по данному описанию Ксенофонта, некоторые персидские вельможи получали такую же дань поклонения от своих приближенных.

[67] Не объясненный еще персидский придворный титул. Кузэн (Cousin. Kyrus le jeune en Asie Mineure, p. 128 etc.) полагает, что его носили евнухи царского гарема.

[68] Геродот (I, 137) говорит: «Обычай этот (относящийся к воспитанию мальчиков в Персии, — *М. М.*) я нахожу похвальным, равно как и тот, что ни сам царь не предаст никого смерти за одну вину, ни другой кто-либо из персов не наказывает смертью своих слуг, провинившихся однажды. Только расследовав и убедившись, что виновный совершил много преступлений и что причиненный им вред превышает заслуги виновного, только тогда персы изливают свой гнев». Геродот, безусловно, идеализирует обычаи персов. Имеется много свидетельств жестокости персидских правителей по отношению к подчиненным. Обречение на смерть путем прикосновения к поясу обвиняемого засвидетельствовано для персов и другими античными писателями (см.: Диодор, XVII, 30 и др.).

[69] В греческих государствах отличившиеся граждане награждались венками. Золотые венки считались высокой наградой. Кир здесь следует эллинскому обычаю.

[70] Согласно Ксенофонту (Киропедия, VI, 1, 30), обычные боевые колесницы были превращены в серпоносные колесницы при Кире Старшем и с тех пор вошли в употребление в персидском войске. К оси с каж-

дой стороны были прикреплены железные серпы длиной в два локтя (около 0.9 м), одна пара острием кверху, другая — острием книзу. Эти серпы должны были искрошить все живое, попадавшееся на пути колесниц (См. также: Д и о д о р, XVII, 53).

[71] Согласно Диодору (XIV, 19 и 21), армия Кира насчитывала 70 000 варваров, среди них 3000 всадников и 13 000 греческих наемников, главным образом пелопоннесцев, а армия Артаксеркса состояла из 400 000 человек. Некоторые исследователи (см.: W. W. T a r n. Cambrige Ancient History, t. VI, p. 7) считают и эти цифры непомерно раздутыми и предполагают, что армии обоих противников были приблизительно равны по численности и состояли каждая примерно из 30 000 человек, но Артаксеркс имел большое преимущество в коннице — 6000 человек против 2500 всадников Кира, что и решило исход сражения.

[72] Оргия — греческая мера длины, равная 1.85 м.

[73] Имеется в виду более подробно описанное Ксенофонтом (см. текст, II, IV, 12) заградительное сооружение, построенное Навуходоносором II (605—562) в том месте Месопотамии, где Тигр и Евфрат всего ближе подходили друг к другу. Восточный его конец упирался в Тигр, где впоследствии был построен город Селевкия на Тигре, а западный — в город Синнару, мимо которого протекал в то время Евфрат, переместивший впоследствии свое русло далее на запад. Длина сооружения равнялась примерно 30 км. Это был глубокий, наполненный водой, ров, с земляным валом, укрепленным кирпичной, уложенной в цемент, стеной (см.: RE Μηδίας Τεῖχος). Эд. Мейер помещает эту стену в другое место. (Ed. M e y e r. Sitzungsberichte der Preussischen Academie der Wissenschaften, 1912, S. 1032).

[74] Восьмая и десятая главы первой книги «Анабасиса» посвящены описанию решающей битвы между Киром и Артаксерксом, так называемой битвы при Кунаксе, — наименование, заимствованное из Плутарха (Артаксеркс, 9). Точное местоположение Кунаксы не установлено. Возможно, она находилась близ холма Куниэ, примерно в 82 км к северу от Вавилона. Описание битвы у Ксенофонта отличается живостью и наглядностью. Еще Плутарх отзывался о нем с большой похвалой, говоря, что Ксенофонт сумел изобразить ход сражения с такой силой, что читатель как бы сам чувствует опасность и переживает событие не как прошлое, а как живое настоящее. Но некоторые ученые (см., например: W. W. T a r n. Cambrige Ancient History, t. VI, p. 7) считают это описание неточным и предпочитают ему изложение того же события у Диодора (XIV, 23, 24). Согласно Диодору, решающее значение в битве имела многочисленная конница Артаксеркса, которую Тиссаферн бросил в брешь, открывшуюся в строю Кира вследствие наступления греков под командой Клеарха.

[75] Арией — друг Кира и начальник его варварского войска. Как явствует из последующего рассказа Ксенофонта, первое время после битвы при Кунаксе он поддерживал дружеские отношения с эллинским войском, но, получив от Артаксеркса обещание безопасности, он предал эллинов и принял участие в пленении и убийстве стратегов и лохагов, совершенном по приказу Тиссаферна. Получив в управление сатрапию, Арией в 395 г. по приказу царя схватил и казнил Тиссаферна (см. Примеч., I, 6). В 394 г. он, повидимому, принял участие в восстании против персидского царя (Ксенофонт. Греческая история, IV, I, 27).

[76] Каре строилось таким образом, что его головная и замыкающая части представляли собой фаланги, а боковые ряды — колонны. Между сторонами каре, под прикрытием войска помещались легко вооруженные, обоз и нестроевые участники похода.

[77] В религиозном культе греков весьма важное значение имело искусство толковать знамения, посылаемые, как полагали греки, богами людям для руководства в жизни (мантика). Подобные гадания производились главным образом по полету и крику птиц и по внутренностям приносимых в жертву животных, а также путем толкования снов. К жертвоприношениям прибегали в тех случаях, когда намечались какие-либо важные действия. На войне, как правило, не принимали никаких решений без подобных жертвоприношений (иероскопия). Гадания производились перед выступлением в поход, при переходе через границу вражеской страны, перед битвой и т. д. Ксенофонт, уже будучи стратегом, хвалится тем, что он ничего не предпринимал, не посоветовавшись с богами. Так как гадание по внутренностям животных в представлении греков было делом сложным и требовавшим специальных знаний, то оно обычно поручалось ученым жрецам-гадателям, которые благодаря этому приобретали большое влияние. Несколько таких гадателей состояло и в эллинском войске Кира. Однако многие лица, и в том числе Ксенофонт, не будучи профессиональными гадателями, обладали достаточными познаниями в данной области и могли контролировать жрецов. В случае неблагоприятного исхода жертвы, жертвоприношения обычно повторялись до тех пор, пока не получались хорошие предзнаменования.

[78] Культ Зевса-Спасителя был широко распространен по всей Элладе. Этот бог особенно часто призывался греками перед началом сражений. См. Примеч., III, 9.

[79] См. Примеч., I, 31.

[80] Персидская пехота не имела оборонительного оружия, кроме легкого, обтянутого кожей, щита. Ее вооружение не годилось для рукопашного боя с облеченными в шлемы, панцыри и поножи эллинскими

гоплитами. Поэтому персидское войско не могло выдержать натиска тяжело вооруженной эллинской пехоты.

[81] В последней главе «Киропедии» (VIII, 8, 24 и сл.), где повествуется об упадке военного дела у персов во времена Ксенофонта, сообщается, что хотя серпоносные колесницы попрежнему, как и в былые времена, посылаются в бой, но не приносят вреда врагу, так как возницы до столкновения с врагами либо падают с колесниц, либо с них соскакивают, и последние, лишенные управления, нередко наносят больше вреда своим, чем неприятелю.

[82] Греки очень опасались паники, возникавшей иногда при состязаниях колесниц на гипподромах вследствие пугливости лошадей. При большом количестве одновременно выпускаемых на пробег колесниц (иногда до 40) паника, действительно, могла повлечь за собой тяжелые последствия и для собственников упряжек и для возниц. На больших гипподромах Эллады — в Олимпии, Дельфах и других — существовал алтарь, носивший название «конского пугала» (Ταραξίππος), посвященный какому-нибудь местному герою, обладавшему, согласно верованиям греков, силой наводить испуг на лошадей. На этих алтарях возницы перед состязаниями приносили жертвы умилостивления. (Павсаний. Описание Эллады, VI, 20, 8).

[83] См. Примеч., I, 66.

[84] Сотрапезниками назывались те чиновники и придворные персидского царя, которые однажды в течение дня столовались во дворце за счет царя. В обычные дни они ели в отдельном от царя помещении, но по праздникам и в торжественных случаях царь ел за одним с ними столом. Придворные обычаи сатрапа Кира и в этом отношении копировали большой двор царя.

[85] Врач Ктесий — грек, уроженец г. Книда. Ктесий провел 17 лет при дворе персидского царя (с 414 по 398 г.) и написал историю Востока; он изложил в своем труде и историю похода Кира Младшего. Плутарх использовал труд Ктесия для своей биографии Артаксеркса. Как видно из данного места «Анабасиса», Ксенофонт также читал Ктесия. До нас эта работа дошла лишь в извлечениях византийского патриарха Фотия.

[86] Девятая глава первой книги «Анабасиса» целиком посвящена характеристике Кира. Личность юного претендента на персидский престол (если верить Плутарху, Кир погиб, имея от роду самое большее 22 года) произвела на Ксенофонта сильное впечатление, и на протяжении всей первой книги «Анабасиса» фигура Кира вольно или невольно выдвигается у него на первый план, привлекая к себе симпатии читателя. Заключительная характеристика дополняет набросанный попутно с изложением событий похода образ Кира, который несомненно был незаурядным персидским деятелем; он обладал большой энергией, широтой

взгляда, личным мужеством и умением привлекать к себе людей; в отличие от других знатных персов, он знал и любил греческую культуру и мог объясняться на греческом языке (см. текст, I, 8, 15); но все же Ксенофонт сильно идеализировал своего героя, умолчав о менее привлекательных сторонах его характера — неукротимом честолюбии, самомнении и жестокости по отношению к тем, кто стоял на его пути (Кир казнил своих двоюродных братьев Актобесака и Митрея по одному подозрению в недостаточном к нему почтении). Созданный Ксенофонтом образ Кира как бы воплотил в себе все черты идеального правителя государства, согласно представлениям самих персов, отчасти воспринятых Ксенофонтом. В своем позднейшем произведении «Киропедии» (Воспитание Кира) Ксенофонт подробно развил взгляды на образцового главу государства, применительно к личности Кира Старшего, но приписывая последнему многие черты характера Кира Младшего.

[87] О воспитании сыновей знатных персов Ксенофонт подробно рассказывает в своем сочинении «Киропедия».

[88] Охота была не только любимым времяпрепровождением персидских вельмож, но на нее смотрели также как на упражнение в воинской доблести и подготовку к воинским подвигам. Знатные персидские юноши вступали друг с другом в соревнование во время охоты.

[89] См. Примеч., I, 11.

[90] Поднесение подарков (одна из форм натуральной подати) царю и могущественным персидским магнатам было обязательным для всех лиц, так или иначе входивших с ними в соприкосновение, а также для подвластных городов и областей. Историк Феопомп рассказывает (F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker, B. 2. Berlin, 1927, SS. 526—617, Fragm. 125): «Все имеющиеся в персидском государстве продукты природы и ремесленные изделия доставляются царю в виде подарков: ковры, одежда, палатки, мебель художественной работы, золотые и серебряные сосуды, бесчисленное количество оружия, кроме того вьючные животные и убойный скот, далее пряности, шелк, бумажные ткани и вообще все, что может найти себе какое-либо применение».

[91] Имя этой уроженки Фокеи—Мильто. Кир называл ее Аспасией по имени знаменитой подруги Перикла (Плутарх. Перикл, 26—28.— Элиан. Variae Historiae, XII, 1). Она стала наложницей Артаксеркса.

[92] Царский штандарт упоминается Ксенофонтом в «Киропедии» (VII, 1, 4): «Золотой орел, поднятый на длинное копье».

К книге II

[1] Демарат — спартанский царь. Он был лишен сана как незаконный сын царя Аристона, бежал к персидскому царю Дарию I и принимал участие в походе Ксеркса на Грецию. В благодарность за содействие,

персидский царь отдал Демарату в наследственное владение полугреческие города Мисии — Тевфранию и Алисарну (Геродот, VI, 65 сл. — Ксенофонт. Греческая история, III, I, 6). Известны и другие случаи, когда греческие государственные деятели бежали к персидскому царю и получали от него в дар целые области, например Фемистокл (Фукидид, I, 138) и Гонгил (см. текст, VIII, VIII, 8 и др.). Эти лица были полновластными правителями данных областей и пользовались доходами с них, но были обязаны поставлять войска персидскому царю по его требованию. Гонгил и Фемистокл даже имели право чеканить монеты.

[2] О греке Фалине, пользовавшемся доверием Тиссаферна, известно, что он был родом из Закинфа — острова у западного побережья Греции. Его имя упоминается также Диодором (XIV, 25, 1) и Плутархом (Артаксеркс, 13) в связи с теми же эпизодами похода наемников Кира. Никаких других известий о нем не сохранилось.

[3] Некоторые ученые думают, что под именем Феопомпа Ксенофонт вывел самого себя (см.: Анабасис. Издание К. Крюгера, 1830 г., Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, B. V, S. 185 etc.), но это не согласуется с фразой «Анабасиса» (II, 1, 14) «. . .другие, говорят, выступали», из которой следует, что Ксенофонт рассказывает об этих переговорах с чужих слов.

[4] Во время царствования Дария II в Египте произошло восстание, которое привело к полному отложению страны от Персии и воцарению там фараонов. Попытки Артаксеркса II Мнемона вновь подчинить себе Египет окончились неудачей.

[5] Тигр — одна из крупнейших рек Передней Азии, берет свое начало в западной Армении, течет на юг почти параллельно Евфрату, образуя вместе с этой рекой так называемое Двуречье (точнее Междуречье) — Месопотамию, впадает в Персидский залив.

[6] Быки, кабаны и бараны обычно закалывались греками при произнесении самых священных клятв.

[7] Первые этапы отступления греков из-под Кунаксы не вполне ясны, так как в этой части рассказа Ксенофонта, повидимому, спутаны некоторые географические названия, а другие, как, например, приток Тигра Малый Заб, совсем пропущены. Перейдя через Тигр по мосту на дороге из Вавилона в Сузы, войско направилось на север вдоль восточного берега Тигра.

[8] Элеец — житель Элеи (иначе Элиды), области, расположенной в северо-западной части Пелопоннеса.

[9] В вольном строю расстояние от одного бойца фаланги до другого (от копья до копья соседнего солдата и от груди его до груди солдата,

стоявшего за ним в следующем ряду) составляло примерно 1.85 м. В боевом, густом строю те же расстояния составляли примерно 0.90 м.

[10] Ирригационная система каналов и рвов в вавилонской области имела огромное значение для плодородия страны. Она существовала еще в глубокой древности (в пятом—четвертом тысячелетиях), в ту эпоху, когда в данной местности обитали шумерийцы. Вавилонская земля славилась в древности своим плодородием; между прочим, евреи представляли себе существование рая в области между Тигром и Евфратом, т. е. в Вавилонии. Геродот (I, 193) следующим образом описывает эту страну и ее сельское хозяйство: «Земля ассириян (т. е. вавилонян) орошается дождем мало; дождевой воды достаточно только для питания корней хлебных растений; вырастает же посев и созревает хлеб при помощи орошения из реки; река эта не разливается, впрочем, по полям, как в Египте; орошают здесь руками и с помощью насосов. Вавилония вся, так же как и Египет, изрезана каналами; наибольший из них — судоходный — тянется от Евфрата на юг до другой реки Тигра, на которой лежит город Нин. Эта страна — плодороднейшая из всех нам известных в отношении хлеба; во всем остальном она терпит крайний недостаток, например во фруктовых деревьях, каковые — фига, виноград, олива. Напротив, плоды Деметры здесь так обильны, что обыкновенно земля родит сам-двести, а при наибольшем урожае сам-триста. . . Оливкового масла они вовсе не употребляют, а приготовляют себе масло из сезама (кунжута). Пальмы растут у них по всей равнине; большинство их приносит плоды, из которых приготовляются хлеб, вино и мед».

[11] Артаксеркс, вероятно под влиянием Парисатиды, не только простил Ариейя и его ближайшего помощника Митридата (см. текст, II, V, 35), но и назначил их впоследствии на важные государственные должности: Арией стал сатрапом Фригии, а Митридат — Каппадокии. Переводчик Кира Глус — как выше указано — был назначен персидским адмиралом.

[12] См. Примеч., I, 73.

[13] Весьма возможно, что этим юношей был не кто иной, как сам Ксенофонт.

[14] Согласно описанию Ксенофонта, за Описом кончалась плодородная часть Месопотамии и начиналась «пустыня». Мидией Ксенофонт называет часть Месопотамии, расположенную по среднему течению Тигра и Евфрата, — исконную область Ассирии. На самом деле Мидия расположена была дальше на восток, к югу и юго-востоку от Каспийского моря.

[15] См. Примеч., I, 50.

[16] Геродот (I, 194) рассказывает, что жители Месопотамии изготовляли остовы судов из ивы, срубаемой в Армении и сплавляемой по

течению Тигра в Месопотамию. Остовы обтягивались кожей, причем судну придавалась форма круглого щита.

[17] Ксенофонт употребляет здесь термин «эфедр», взятый из практики гимнастических состязаний. Если при предварительной жеребьевке кто-нибудь из состязующихся оставался без пары, то он назывался «эфедром» и вступал в соревнование с победителями в парных состязаниях. Его положение было выгодным, так как он со свежими силами боролся с усталыми противниками.

[18] См. Примеч., II, 4.

[19] Равнины были удобны для действия многочисленной персидской конницы, в то время как у греческих наемников Кира этого рода войск не имелось.

[20] Тиара — персидский головной убор, похожий на современный башлык. Только царь имел право носить расправленную тиару; остальные персы были обязаны придавливать ее верхнюю часть книзу. Тиссаферн здесь как бы намекает на свои планы занять царский престол, но на самом деле он всегда был верным слугой Артаксеркса.

[21] Все подданные персидского царя, независимо от их положения, считались рабами царя, их господина.

[22] Жизнь эллинских стратегов в плену и их казнь описана Плутархом (Артаксеркс, 20), который заимствует свой рассказ у Ктесия, подружившегося с Клеархом после его пленения.

[23] Имеется в виду Пелопоннесская война 431—404 гг.

[24] Эфоры — высший правительственный орган в Спарте. Коллегия эфоров состояла из пяти членов, ежегодно избиравшихся народным собранием. Эфоры были облечены судебной и исполнительной властью и контролировали остальных магистратов. Один из эфоров председательствовал в народном собрании.

[25] Истм — перешеек. Под этим названием обычно понимался перешеек, соединяющий Пелопоннес с Средней Грецией (современный Коринфский перешеек).

[26] Горгий из Леонтины — знаменитый софист, последователь Зенона, автор философских и других трудов, первый в Греции учитель ораторского искусства. Во время своих странствований по Элладе он имел шумный успех, как оратор, философ и наставник юношества. Согласно свидетельству Диодора (XII, 53, 2), он взимал со своих учеников высокую плату в 100 мин.

К книге III

[1] Т. е. вблизи царской резиденции.

[2] Во времена Ксенофонта греки были знакомы с географическими картами. Согласно преданию, первую в Греции географическую карту

изготовил философ Анаксимандр в первой половине VI в. Геродот (V, 49) рассказывает, что тиран Милета Аристагор прибыл в Спарту в 499 г., желая склонить спартанского царя Клеомена к походу на Сузы, и привез с собой «медную карту. . . , на которой . . .вырезан был весь круг земной, все моря и все реки». По этой карте Аристагор показал Клеомену весь путь от Сард в Сузы, объясняя ему, через какие области и народы он проходит. Однако подобные карты были, вероятно, очень неточны и широкого распространения они не имели. По крайней мере, географические представления греков относительно отдаленных от Эллады стран были еще в V в. до н. э. крайне неясны и сбивчивы. Так, Пиндар (4-я Пифийская ода), описывая возвращение аргонавтов из Колхиды по реке Фасиду (Рион), передает, что, плывя по реке вверх, они достигли Персидского залива. Из «Анабасиса» ясно, что наемники Кира картами не пользовались, так как со времени смерти Кира и измены Ариейя они чувствовали себя совершенно потерянными, не зная как выбраться из Вавилонии. При своем отступлении они все время прибегали к услугам проводников из числа пленных местных жителей.

[3] Далее Ксенофонт излагает свою краткую автобиографию до присоединения к войску Кира.

[4] Сократ — знаменитый афинский философ-идеалист, пользовался большим влиянием на афинскую молодежь высших слоев общества. Был обвинен в безбожии, совращении молодежи и в 399 г. приговорен афинянами к смерти. Ксенофонт был учеником Сократа и до конца жизни сохранил о нем благоговейную память. После казни Сократа Ксенофонт обнародовал свои «Воспоминания о Сократе», где всячески защищал Сократа против возведенных на него обвинений.

[5] Во время Пелопоннесской войны. См. Примеч., I, 11.

[6] В Дельфах (Средняя Греция, Фокида) находилось знаменитое святилище Аполлона, с прославленным оракулом. К дельфийскому оракулу Аполлона обращались за советами не только частные лица, но и представители государств, благодаря чему дельфийские жрецы пользовались немалым влиянием и в политической жизни Эллады.

[7] Согласно «указанию» Аполлона, особым покровителем Ксенофонта во время похода был Зевс-Царь (см. текст, VI, I, 22).

[8] См. текст, I, III, 1.

[9] По верованиям эллинов, их верховным богом был Зевс, который, как и бо́льшая часть других богов и героев, имел ряд эпитетов (добавочных наименований), подчеркивавших те или иные стороны его свойств и могущества. В зависимости от этих эпитетов дифференцировались и отдельные, местные культы одних и тех же богов. Зевс-Царь получил свое добавочное наименование в качестве верховного повелителя богов и людей. Культ Зевса-Царя, главным центром которого являлся город

Лебадейя в Беотии (см.: Павсаний. Описание Эллады, IX, 39, 3), был связан с оракулом и вещими снами, якобы посылаемыми смертным этим богом.

[10] Ксенофонту в то время было, вероятно, около 30 лет. Такой возраст считался в Афинах неподходящим для занятия должности стратега. Фукидид (VI, 12, 2) рассказывает, что когда 35-летнего Алкивиада избрали стратегом в Афинах, то Никий опротестовал этот выбор на основании молодости Алкивиада.

[11] Ксенофонт здесь вновь прибегает к сравнению, заимствованному из области атлетических соревнований. Призы выставлялись для обозрения перед началом игр. Агонотеты — устроители и судьи состязаний (агонов).

[12] У многих восточных народов, в том числе и у лидийцев, не только женщины, но и мужчины носили серьги, что не было принято у греков.

[13] Таксиарх — командир отряда, ближайший помощник стратега.

[14] По представлениям греков, гость был неприкосновенен для хозяина, пока он находился под его кровом. Права гостя ограждались религией, причем блюстителем священных уз гостеприимства считался Зевс-Гостеприимец (см. Примеч., III, 9).

[15] Чихание считалось у греков добрым предзнаменованием. Присутствующие обычно говорили чихнувшему: «Помоги, Зевс!».

[16] Имеется в виду поход персов 490 г., закончившийся их разгромом при Марафоне.

[17] Поход персов на Грецию в 480—479 гг. Греки тогда разбили персов в морской битве у Саламина и на суше при Платее.

[18] Трофеи — памятники победы, которые воздвигались на поле битвы после обращения врагов в бегство. Буквальный перевод слова «трофей» — памятник бегства. Трофеи обычно состояли из взятого у врагов оружия, навешенного на древесный ствол или столб.

[19] Лотофаги — лотосоеды — упоминаемое в «Одиссее» Гомера (IX, 82—104 и XXIII, 311) мифическое племя, питавшееся сладкими, как мед, плодами лотоса. Человек, однажды вкусивший этого плода, якобы забывал родину, отчий дом и семью и навсегда оставался в стране лотофагов.

[20] Ксенофонт высказывает здесь давнишние стремления греков к экспансии на восток. Эта же идея звучит затем в речах Исократа. Осуществил ее, как известно, Александр Македонский. См. статью.

[21] За греческим войском, как правило, следовали большой обоз и много нестроевых участников похода, число которых нередко превышало количество бойцов. Нестроевых участников похода Ксенофонт именует обычно одним словом «толпа» (ὄχλος). Сюда входили, во-первых, слуги (денщики), которые имелись не только у офицеров, но и у большинства, если не у всех, гоплитов. В походе слуги несли тяжелое вооружение гоплитов и вообще всячески их обслуживали. Кроме того, име-

лись носильщики для всякой клади, палаток, частного имущества бойцов и т. п. В толпу нестроевых входили и ремесленники, сопровождавшие войско, врачи, жрецы, обращенные в рабство пленные и т. д. По свидетельству Ксенофонта, при наемниках Кира было много женщин. Обоз состоял из повозок и вьючных животных, которые везли тяжести, в том числе продовольствие и фураж. При нем также имелось много погонщиков, возчиков и т. п.

[22] См. Примеч., I, 76.

[23] В войске наемников Кира на данном этапе похода, по свидетельству Ксенофонта, не было единоначалия. Стратеги были равноправны, и все вопросы решались ими на совещаниях большинством голосов (см. текст, VI, I, 18). Это утверждение Ксенофонта, видимо, не соответствует действительности и продиктовано желанием подчеркнуть свою руководящую роль. Диодор (XIV, 27) определенно называет главным начальником эллинского войска после смерти Клеарха спартанца Хирисофа, да и сам Ксенофонт говорит о своем подчинении приказам Хирисофа.

[24] В ближайшие годы после окончания Пелопоннесской войны победители лакедемоняне были фактическими хозяевами всей Греции и пользовались наибольшим почетом среди граждан прочих греческих государств. Ксенофонт, сам будучи афинянином и всегда открыто это признавая, считает, однако, нужным подчеркивать главенствующую роль лакедемонян (иногда, правда, не без некоторой иронии), а также собственное трудное положение как стратега — представителя побежденного и враждебного Спарте государства.

[25] Войско продолжает итти на север вдоль восточного берега Тигра.

[26] Критяне считались лучшими стрелками из луков среди греков, а родосцы — лучшими пращниками (Ф у к и д и д, VI, 25, 2; VI, 43).

[27] Описанные Ксенофонтом (III, IV, 7—12) развалины городов Ларисы и Меспилы находятся в области древней Ассирии. Лариса соответствует сохранившимся до нашего времени остаткам города у Кала, а Меспила — столице Ассирии Ниневии. Крепида — фундамент.

[28] Это произошло при Кире Старшем, царствовавшем с 559 по 529 г.

[29] Возможно, что основой для этой легенды послужило солнечное затмение, которое произошло в данной местности в мае 556 г.

[30] Вероятно, гробница одного из ассирийских царей.

[31] Многие издатели «Анабасиса» (Гемоль и др.) считают слово «скифские» позднейшей вставкой редакторов, и, повидимому, с полным правом, так как на протяжении всего рассказа о походе наемников Кира (начиная с III, III, 7) речь идет всегда о лучниках-критянах, а скифы нигде, кроме этого места, не упоминаются (см. текст, III, III, 7 и III, IV, 17).

[32] Эномотия — подразделение пехоты, численностью примерно в 25 человек. Пентекостия — отряд, численностью примерно в 50 человек.

[33] Геродот также неоднократно упоминает (VII, 223; VII, 22; VII, 56) о том, что воины персидской армии принуждались к бою, к походу и к работе ударами бичей.

[34] Наемники Кира, следуя вверх по Тигру, подошли к местности около современного города Езире, где путь вдоль реки преграждают подступающие к самому руслу высокие Курдистанские горы. Отсюда остановка и колебания греков относительно выбора дальнейшего направления пути.

[35] На территории персидской монархии обитало значительное количество племен, не подчинявшихся царю, не плативших ему регулярно дани и не поставлявших контингентов в персидское войско. По большей части это были племена, жившие в труднодоступных местностях — горных областях Малой Азии (см. Примеч., I, 17), в пустынях Аравии, Ливии, а также в степях Средней Азии. Как рассказывает Ксенофонт, кардухи (см. Примеч., IV, 3) иногда вступали в сношения с сатрапом близлежащей области и заключали с ним договоры.

К книге IV

[1] Это указание неточно; южный рукав верхнего Евфрата (современный Мурад-су) действительно протекает по Армении, недалеко от истоков Тигра, но истоки этого рукава находятся значительно дальше на восток. Стратеги направлялись на север, видимо, в надежде переправиться через Тигр и Евфрат у истоков этих рек, там где последние уже не представляли собой непреодолимого препятствия для пешехода (ср. текст, III, II, 22).

[2] Ночное дежурство в греческих войсках делилось обычно на три или четыре вахты.

[3] Область, заселенная кардухами, определяется довольно точно благодаря сведениям, сообщаемым Ксенофонтом. Южная ее граница проходила по Курдистанским горам в том месте, где эти горы вплотную подступали к Тигру. На севере область кардухов граничила с Арменией по течению притока Тигра Кентрита (современный Бохтан). Таким образом, кардухи населяли гористую область западного Курдистана. Жили они во времена Ксенофонта в богатых деревнях, расположенных в ущельях и складках гор, занимались земледелием, виноделием, скотоводством и имели развитое ремесло. Ксенофонт особенно подчеркивает изобилие изделий из бронзы (см.: H. v. d. Osten. Explorations in Hittite Asia Minor in 1929. Oriental Inst. of the Univ. of Chicago. Orient. Inst. Communi-

cations № 8(1929), p. 159, где описываются богатейшие рудные месторождения в местечке Эргани Маден по верхнему течению Тигра со следами эксплоатации их в глубокой древности). Так же, как и другие, описанные в «Анабасисе», племена северо-восточной Малой Азии, кардухи в своем социально-экономическом развитии достигли последних ступеней разложения родообщинных отношений. Они, видимо, имели племенные объединения, так как, живя в различных деревнях, на войне действовали сообща, отстаивая свою самостоятельность. Персы не могли подчинить их (см. текст, III, V, 16), но сатрап соседней с кардухами области иногда заключал с ними договоры и вступал в мирные сношения. Жители Армении не строили деревень в пограничной с кардухами области, опасаясь нападений (см. текст, IV, IV, 1). Во времена Страбона (начало I в. н. э.) кардухи, которые тогда назывались гордиеями, имели укрепленные города и славились как хорошие строители и искусные мастера осадных орудий. В эпоху эллинизма они были вынуждены подчиниться арменам (армены — жители Армении), а впоследствии римлянам (Страбон, XVI, I, 24).

[4] Прямые лохи — тактическое построение войска, соответствующее колонне. При таком построении боевая сила не образует по фронту непрерывных рядов, как при фаланге. Отдельные отряды (лохи) строятся таким образом, что имеют бо́льшую глубину, чем ширину. Затем лохи наступают, причем по фронту каждый из них отделен от соседнего значительным расстоянием.

[5] Греки считали тягчайшим преступлением оставление умерших без погребения. Поэтому после сражения победители и побежденные заключали перемирие для предания трупов земле.

[6] Способ хранения вина, практикуемый на Востоке и в настоящее время.

[7] Наемники Кира вновь вступают теперь на территорию, подвластную персидскому царю, и навстречу им снова выходит персидское войско под начальством сатрапа. То была восточная Армения — персидская сатрапия, которой управлял зять Артаксеркса Оронт. Западная Армения занимала, повидимому, область к югу от Эрзерума между обоими рукавами верхнего Евфрата (см. Примеч., IV, 15). Арменами назывался союз племен, обитавших в восточной и западной Армении. Впоследствии армены распространились дальше на восток, объединились с племенами, жившими за оз. Ван и у оз. Урмия, и образовали Армянское царство. Рассказ Ксенофонта о прохождении греческого войска через западную и восточную Армению содержит в себе чрезвычайно ценное для истории народов Закавказья описание образа жизни арменов на ранней стадии их социально-экономического развития. О происхождении армян и о ранней истории Армении см.: Акад. Я. А. Манандян. Крат-

кий обзор истории древней Армении. М.—Л., 1943. — Б. Б. Пиотровский. О происхождении армянского народа, 1946. — Г. Капанцян. Хайаса — колыбель армян. 1947.

[8] Древние писатели упоминают несколько племен этого имени, живших в пределах персидского государства. В «Анабасисе», очевидно, имеются в виду марды, обитавшие во времена Страбона в Армении (Страбон, XI, 13, 13). Согласно Птолемею (V, 12, 9), они жили к востоку от истоков Тигра.

[9] Под халдеями здесь следует понимать не южномесопотамских халдеев, а халдеев припонтийских, обитавших, повидимому, недалеко от юго-восточного побережья Черного моря, по соседству с колхами, в стране которых находился греческий город Трапезунт (см.: Б. Б. Пиотровский. Урарту. Ереван, 1944, стр. 328 сл.).

[10] Гиматий — плащ.

[11] Возлияние — вид бескровной жертвы богам. Часть вина из чаши проливалась на землю, причем призывались боги и произносились молитвы.

[12] По свидетельству Ксенофонта (Лаконская полития, 13, 8), в спартанских войсках было принято при виде неприятеля закалывать козу, причем флейтисты начинали играть на своих инструментах, а все воины возлагали на головы венки.

[13] Греки обожествляли явления природы, в том числе и реки. Умилостивительные жертвы приносились богу данной реки для того, чтобы он не противодействовал переправе. Подобные обычаи были и у персов. Геродот (VII, 113) рассказывает, что при переходе войска Ксеркса через Стримон «. . .этой реке маги принесли жертву, умертвив над ней белых лошадей».

[14] Греки, повидимому, ошибочно приняли приток Тигра Битлис за истоки Тигра.

[15] Река, которую Ксенофонт называет Телебоем, очевидно, является на самом деле южным рукавом Евфрата, современным Мурад-су. За ним начиналась область западной Армении, составлявшей по административному делению Дария 13-ю сатрапию Персидского царства (Геродот, III, 93). Правителем ее был уже не Оронт, пытавшийся помешать переправе греков через реку Кентрит (см. текст, IV, III, 4), а другой сатрап — Тирибаз.

[16] Начиная с этого пункта путь следования наемников Кира не вполне ясен. Указания Ксенофонта недостаточно определенны, отчасти, вероятно, из-за начавшегося снегопада. Перейдя Телебой, греки, видимо, направились на северо-запад, а затем, после столкновения с Тирибазом, прямо на север, стремясь как можно скорее пробиться через горы.

[17] Греки имели обыкновение перед гимнастическими упражнениями натираться маслом для придания коже большей эластичности.

[18] Амазонки — легендарные женщины-воины, с которыми связаны многие греческие мифы. В греческом искусстве амазонки обычно изображались вооруженными легкими секирами особой формы, встречающимися среди археологических находок в северо-восточной части Малой Азии и в Закавказье. Этим замечанием Ксенофонт обнаруживает некоторое знакомство с искусством (ср. текст, **VII**, VIII, 1; см. также: Киропедия, I, 2, 13). Ксенофонт, вероятно, помнил изображения амазонок и персов на знаменитых фресках Полигнота, Микона и Панэна в «Пестрой стое» в Афинах.

[19] Халибы — народность Малой Азии (см. Примеч., **IV**, 25), таохи — народность Малой Азии (см. Примеч., **IV**, 26).

[20] Если бы эллины продолжали отсюда путь в прежнем направлении, то они могли бы быстро добраться до берега Черного моря, находившегося от них на расстоянии примерно 150 км. Но они уклонились в сторону, может быть не желая переходить зимой горы, тянущиеся над долиной Евфрата, и, повидимому, пошли прямо на восток по равнине вдоль реки.

[21] Комарх — староста деревни.

[22] Помимо денежной подати, все подвластные Персии области обязаны были платить царю дань натурой. Армения славилась своими лошадьми (С т р а б о н, XI, 13, 7).

[23] У некоторых племен конь считался священным животным бога Солнца, почитавшегося греками под именем Гелиоса. Геродот (I, 216) рассказывает, что массагеты «. . .из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное». См.: Ш. Я. А м и р а н а ш в и л и. Две серебряные чаши из раскопок в Армади. Вестн. древн. истории (ВДИ), 1950, № 1, стр. 91 сл.

[24] Комарх, повидимому, намеренно повел войско не на север к морю, через страну халибов, а еще дальше на восток, к верхнему Араксу. Когда обман был открыт и комарх скрылся, то греки прошли без проводника в том же направлении еще 7 дней, пока не достигли Аракса, который носил в этих местах название Фазиса. Путь, которым следовали тут греки, неясен, тем более, что рассказ Ксенофонта в данном случае расходится со сведениями, сообщаемыми Диодором. По Ксенофонту, греки, дойдя до Фазиса, встретили на своем дальнейшем пути халибов и таохов, затем снова халибов, а по Диодору (XIV, 29) — хаев и фазианов, и пришли затем в Халдейскую область. Наконец, приложение к «Анабасису», составленное не Ксенофонтом (см. текст, **VII**, VIII, 25), также упоминает в этой связи халдеев. Так как таохи обитали, повидимому,

на равнине Карса, то надо думать, что эллины поняли свою ошибку и повернули от Фазиса на север и затем на северо-запад. Идя в этом направлении, они достигли реки Гарпаса (Чороха), вдоль которой и пошли, пока не прибыли к городу Гимниаде. Даже не зная точного направления их пути, приходится признать, что эллины, видимо, заблудились после перехода через Евфрат, напрасно потратили 7 недель, отклонившись далеко на восток, и в конце концов оказались в пункте, которого они могли бы достичь после перехода через Евфрат в 3—4 дня. Иначе восстанавливают маршрут греческого войска на данном этапе похода акад. Я. А. Манандян («О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья». Ереван, 1944) и В. Н. Худадов («Отступление десяти тысяч греков». Историч. журн., т. I, 1937).

[25] Наемники Кира при своем отступлении через северо-восточную часть Малой Азии дважды встретили на своем пути халибов (см. текст, V, V, 1). Получается впечатление, что халибы во времена Ксенофонта жили в двух различных областях двумя разрозненными группами, одна группа — на южных склонах Париадра, другая — на побережье Черного моря между моссинойками и тибаренами. В греческом литературном предании, связанном с юго-восточным Причерноморьем, видное место занимают приморские халибы, с которыми всегда связывается представление о добыче и обработке железа и серебра. Нередко халибы считались даже изобретателями железа. Основываясь на том, что греки локализовали халибов в различных местностях юго-восточного Причерноморья, еще К. О. Мюллер (Geographi graeci minores, примечание к Скилаку, стих 88) высказал предположение, что греки именовали халибами всех жителей юго-восточного Причерноморья, занимавшихся добычей металла, — предположение, с которым согласилась и Р. В. Шмидт [Металлическое производство в мифе и религии античной Греции. Известия ГАИМК (Государственная Академия истории материальной культуры), т. IX, вып. 8, 10, 1931, стр. 20; см. также: RE, Chalybes (Ruge)]. Однако при внимательном анализе античных локализаций халибов получается, что все они указывают на разные участки приморской полосы между Амисом и Трапезунтом. Здесь же, на определенном участке к востоку от города Котиоры (современный Орду), их помещает и Ксенофонт (см. текст, V, V, 1), причем он характеризует их как племя немногочисленное, подчиненное моссинойкам и занятое преимущественно добычей и обработкой железа. Говоря о горных халибах в разбираемом месте текста, Ксенофонт подчеркивает их воинственность и вообще характеризует их совсем другими чертами, чем приморских халибов. Объяснить существование в соседних областях двух племен или племенных союзов, совершенно различных по своему хозяйственному укладу и общему положению, но носящих одно и то же имя, можно либо за счет неточности

в тексте Ксенофонта, либо выдвинув предположение о том что халибы, на что указывает их занятие горным делом, были исконными обитателями юго-восточного Причерноморья, частично покоренными пришедшими туда в начале первого тысячелетия из более южных областей Малой Азии племенами (Ксенофонт, например, определенно говорит о том, что приморские халибы подвластны моссинойкам). Часть племени халибов откололась, ушла в горы и, живя в иных условиях, со временем усвоила и иные нравы и обычаи.

[26] Горное племя, обитавшее во времена Ксенофонта, повидимому, в районе истоков Гарпаса. В ассирийских надписях упоминается страна Дая-ени, а в надписях урартских царей конца IX и VIII вв. страна Диаухи, под каковыми названиями надо понимать страну тех же таохов. Урартские цари Менуа, Аргишти и Сардур вели длительные войны с этим, тогда могущественным и многолюдным, племенем, разрушая поселения и укрепленные пункты. Таохи платили урартийцам дань золотом, серебром, медью и скотом (см.: Б. Б. Пиотровский. О происхождении армянского народа, стр. 8 сл. — П. Н. Ушаков. К походам урартийцев в Закавказье. ВДИ, 1946, № 2, стр. 32 сл. — Г. А. Меликишвили. Диаухи. ВДИ, 1950, № 4, стр. 26—42).

[27] Так обычно именуются племена, жившие у р. Фазиса, современного Риона. Но фазианы, упоминаемые в данном месте «Анабасиса», — это, повидимому, племя, обитавшее по верхнему течению Аракса, также носившему в древности название Фазиса.

[28] Ксенофонт в «Лаконской политии» (II, 6) рассказывает, что спартанские юноши обучались воровству для того, чтобы они не слишком страдали во время голода. Тех юношей, которые попадались при воровстве, наказывали.

[29] Хирисоф указывает здесь на алчность афинских магистратов и, как спартанец, высмеивает демократические порядки Афин, одновременно намекая на принадлежность Ксенофонта к высшим слоям общества.

[30] Короткий кривой меч, которым были вооружены спартанские гоплиты.

[31] Упоминаемое многими античными авторами племя скифинов обитало в горной местности к югу от Трапезунта. По всей вероятности, то были потомки осевших в этих местах скифов, вторгшихся в Малую Азию из Прикубанья в конце VIII в. В отличие от большинства других племен этой области, скифины во времена Ксенофонта уже имели значительные города, как, например, упоминаемую в «Анабасисе» Гимниаду. О скифах в Передней Азии см.: Б. Б. Пиотровский. Урарту. Ереван, 1944, стр. 295—324.

[32] Местоположение этого города не определено. Судя по общему направлению похода наемников Кира, он находился в Байбуртской

котловине, около того места, где многочисленные мелкие речки — истоки Гарпаса (Чороха) — сливаются в одну реку (см. RE, Hymnias). Акад. Манандян в своей работе «О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья» (стр. 50 сл.) в связи с предполагаемым им маршрутом греков отожествляет Гимниаду с Ленинаканом.

[33] Так как Ксенофонт не называет имени враждебного скифинам племени, через земли которых повел эллинов проводник из Гимниады, то приходится предположить, что это тоже были скифины, которые враждовали со скифинами Гимниады.

[34] Диодор (XIV, 29) называет эту гору «Хений». Местоположение горы не поддается определению. Путь эллинов от Гимниады через земли скифинов, макронов и колхов (см. сл. примечания) к Трапезунту может быть намечен лишь приблизительно. По всей вероятности он шел по единственно доступному в этих краях перевалу через Северо-Анатолийские горы — перевалу Зигана.

[35] Племя макронов упоминается многими древними авторами, начиная с Гекатея Милетского (VI в.). Обитали они, повидимому, к юго-востоку от колхов. Страбон (VII, 548) говорит, что в его время их называли не макронами, а саннами. Эпизод с греческим воином, опознавшим свою родину в стране макронов, чрезвычайно ярко характеризует античное рабовладельческое общество.

[36] Племена колхов, от которых получила свое название юго-западная приморская часть Закавказья (Колхида), распространялись во времена Ксенофонта, как видно по «Анабасису», значительно дальше на запад, чем в более поздние века античности, занимая южное побережье Черного моря до Трапезунта и даже примерно на 100 км дальше на запад. О колхах и соседних им племенах см.: Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили и С. Джанашиа. История Грузии. 1946; см. также Примеч., V, 20.

[37] О меде, обладающем одурманивающими свойствами и встречающемся в областях юго-восточного Причерноморья, упоминают многие древние авторы (Страбон, Плиний и др.). По словам одних, он получал свои свойства от цветов рододендрона, по словам других — от цветов азалии. По рассказам современных путешественников, подобный мед и в настоящее время можно встретить в приморских городах этой области. Он — темного цвета, жидкий и горьковатый на вкус. Местные жители вываривают его и смешивают с сахаром, после чего мед становится безвредным. По-турецки он называется «delil-bal», т. е. одуряющий мед.

[38] Трапезунт — одна из древнейших греческих колоний южного берега Черного моря, находившаяся на месте современного города того же названия. Согласно греческой традиции, Трапезунт был основан колонией Милета Синопой (см. Примеч., V, 24) в середине VIII в.

[39] Кожи жертвенных животных часто служили у греков призами при состязаниях.

[40] Панкратий — состязание в беге и в кулачном бою.

К книге V

[1] Одиссей вернулся на свой родной остров Итаку на корабле феаков, где ему было устроено удобное ложе. Во время пути он пребывал в глубоком сне, не проснулся и тогда, когда феаки перенесли его на берег (Одиссея, XIII, 75—125).

[2] Анаксибий — наварх, т. е. командующий спартанским флотом, в 401—400 гг. В 400 г. был сменен, а в 389 г. направлен в качестве гармоста в Абидос (см. Примеч., V, 26). В 388 г. пал в бою.

[3] Пентеконтера — пятидесятивесельный корабль. Периэк — буквально «окрестный житель». Так назывались неполноправные граждане спартанского государства, пользовавшиеся личной свободой и правом на земельную собственность, но лишенные политических прав. Жить в самой Спарте им не разрешалось. По всей вероятности, они были потомками древних обитателей Лаконики, покоренных дорянами.

[4] Дрилы, вероятно, родственное колхам племя, обитавшее в горах близ Трапезунта. Подробную характеристику дрилов см.: М. Максимова. Местное население юго-восточного Причерноморья по «Анабасису» Ксенофонта. ВДИ, 1951, № 1, стр. 250—262.

[5] Дорифоры — копьеносцы.

[6] Керасунт — колония Синопы (см. Примеч., V, 24) к западу от Трапезунта. Название древнего города сохранилось в современном городе того же имени (Керасун), но весьма сомнительно, чтобы этот последний находился на месте древнего Керасунта (см.: Р. Х. Лепер. Экскурсия в Самсун. Изв. Русск. археолог. инст. в Константинополе, т. XIII, стр. 312 сл.).

[7] Очень распространенным у греков видом жертв было отделение в пользу богов десятой части прибыли, получаемой от того или иного предприятия, от доходов и военной добычи. Отделяемая для богов «десятина» употреблялась различно. Иногда на эти средства приносились жертвы, иногда они шли на содержание храмов или их украшение. Из десятины, отделенной от крупной военной добычи, часто сооружались статуи богов.

[8] Следующие параграфы «Анабасиса» содержат в себе второй автобиографический экскурс Ксенофонта. (Первый — см. текст, III, I, 4—10).

[9] Афины, подобно многим другим городам Греции, имели свою сокровищницу в дельфийском святилище. В сокровищнице хранились приношения Аполлону от афинского государства и от отдельных афинских

граждан. Сокровищница Афин в Дельфах, найденная при раскопках, представляла собой небольшой мраморный храм. Сохранились ее украшенные скульптурами метопы. Сокровищница построена около 520 г., в настоящее время реконструирована.

[10] После возвращения из похода Ксенофонт с остатками наемников Кира влился в состав спартанских войск, воевавших с персами в Малой Азии (см. текст, VII, VIII, 24). С 396 по 394 г. спартанскими войсками в Малой Азии предводительствовал спартанский царь Агесилай, и Ксенофонт стал его другом и близким помощником. В 394 г. Агесилай со своим войском возвратился в Грецию для ведения войны с враждебной Спарте коалицией, в которую входили и Афины. Ксенофонт последовал за Агесилаем и на стороне Спарты участвовал в битве при Коронее.

[11] Неокор — смотритель храма.

[12] За службу в спартанском войске Ксенофонт был приговорен в Афинах к вечному изгнанию с конфискацией имущества. В середине 80-х годов IV в. Ксенофонт по не известным нам причинам удалился от дел и поселился в предоставленном ему лакедемонянами имении в Скиллунте близ Олимпии, где жил до 370 г., занимаясь сельским хозяйством, охотой и литературой. В этот период он написал и «Анабасис».

[13] В Олимпии, где находился знаменитый храм Зевса, каждые четыре года происходили общеэллинские празднества и состязания; сюда стекались зрители и паломники со всей Эллады.

[14] Храм Артемиды в Эфесе — один из знаменитейших греческих храмов. Культ Артемиды Эфесской — одного из олицетворений плодородия — имел очень широкое распространение не только среди греков, но и среди некоторых других народностей, обитавших в Малой Азии, например у персов (см. текст, I, VI, 7). По всей вероятности, это был культ, в котором слились греческие и местные религиозные представления.

[15] Стела — каменная или бронзовая плита, которая ставилась на короткое ребро на могилах, у храмов и у других зданий. На стелах вырезались надписи и рельефные изображения; иногда они покрывались живописью.

[16] Моссинойки упоминаются многими древними авторами, начиная с Гекатея Милетского. Они жили в лесистых прибрежных горах, к западу от Керасунта. Название «моссинойки» является греческим словообразованием, означающим «люди, живущие в моссинах». Моссины — высокие деревянные дома этого племени. Как называли себя сами моссинойки — неизвестно. Страбон дает им другое, но тоже греческое имя — гептакометы — «живущие в 7 деревнях». Подробную характеристику моссинойков см.: М. Максимова. Местное население юго-восточного Причерноморья по «Анабасису» Ксенофонта. ВДИ, 1951, № 1, стр. 250—262

[17] Проксен — гостеприимец.

[18] Хоры греческого театра, сопровождавшие песнями и действиями игру актеров, во время своих выступлений выстраивались на орхестре в определенном порядке. При исполнении хоровых песен в перерывах между отдельными частями драматического действия оба полухора становились шеренгами друг против друга, причем отдельные строфы пелись то одной, то другой половиной хора.

[19] Амфора — сосуд с двумя ручками. О ловле в этих местах дельфинов на приманку см.: Страбон. География, XII, 2, 19.

[20] Племя, обитавшее по берегу Черного моря к западу от моссинойков. Согласно Геродоту (III, 94), тибарены во времена Дария входили в состав 19-й персидской сатрапии, но в эпоху Ксенофонта были самостоятельны, как и прочие соседние им племена. Персия этого времени не была в состоянии управлять бóльшей частью причерноморского побережья из-за недоступности местности и воинственности населявших ее племен. Некоторые современные ученые отожествляют тибаренов, с одной стороны, с тубалами — могучим племенем, с которым вели упорные войны ассирийские цари в то время, когда тубалы обитали в более южных районах Малой Азии, и, с другой стороны, с иберами — предками грузин. О тибаренах как одном из племен северо-восточной Малой Азии (мосхи, колхи, моссинойки и др.), пришедших к берегу Черного моря с юга и вошедших затем в состав картвельских (грузинских) племен, см.: акад. И. Д. Джавахишвили. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, 1939, № 4; там приведена и литература. Иного мнения держится Б. А. Куфтин, см. его работу: К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. Вестн. Музея Грузии, XII, B, 1941.

[21] Колония Синопы (см. Примеч., V, 24). Точное местоположение Котиоры на юго-восточном берегу Черного моря не установлено. Скорее всего, она находится на месте современного поселения Орду, где еще заметны остатки древней гавани (См.: W. Hamilton. Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia. I. London, 1842, p. 251). После основания Фарнакии около 189 г. бóльшая часть жителей Котиоры была переселена в этот город. Котиора потеряла свое значение и превратилась в небольшую деревню (Страбон, XII, 548).

[22] Торжественные шествия (πομπαί) происходили во время многих греческих религиозных празднеств. Обычно во время шествий к храмам несли изображения богов и священные приношения.

[23] Область в северной части центральной Малой Азии. Она входила в состав персидского царства, но во главе ее были оставлены персами местные вожди, так как Пафлагония добровольно подчинилась Киру Старшему. В войске Кира Младшего имелся сильный отряд пафлагон-

-ской конницы (см. текст, I, VIII, 5). Однако, как видно из последующего изложения Ксенофонта (см. текст, V, VI, 8), пафлагонские вожди времен «Анабасиса» не очень-то слушались своих верховных повелителей и действовали самостоятельно. Между прочим, они в это время, видимо, распространили свою власть далеко на восток и временно заняли северную часть Каппадокии, перейдя реки Ирис и Фермодонт, тогда как восточной границей Пафлагонии обычно считались низовья реки Галиса.

[24] Синопа — колония Милета, основанная, согласно греческой традиции, в VIII в., была самым значительным греческим городом северного побережья Малой Азии. Обладая единственной на этом побережье вполне надежной и притом двойной гаванью и выгодным местоположением (из Синопы сравнительно нетрудно было пересечь Черное море и достичь прямым путем Крыма; этот морской путь был освоен греческими мореходами еще в первой половине IV в.), она сосредоточила в своих руках значительную часть морской торговли на Черном море. С целью наиболее эффективной эксплуатации местного причерноморского населения и природных богатств его областей она основала ряд колоний на Черноморском побережье (Котиора, Керасунт, Трапезунт) и, как видно из «Анабасиса» (см. текст, V, V, 10), находилась с ними в необычных для античных метрополий и колоний отношениях. Тогда как греческие колонии обычно сохраняли со своей метрополией лишь религиозную связь и были в остальном совершенно самостоятельны, Синопа получала от своих колоний ежегодную дань, посылала туда своих наместников, за что и охраняла эти, сравнительно слабые, города от нападений извне.

[25] Вождь пафлагонцев. Так как в войске Кира находился отряд из 1000 пафлагонских всадников (см. текст, I, VIII, 5), то, повидимому, Корила был на стороне претендента на престол и, как видно из дальнейшего изложения Ксенофонта (см. текст, V, VI, 8), не выполнял повелений Артаксеркса.

[26] Общераспространенное значение этого термина — наместник, или военный комиссар, направляемый Спартой в греческие города для общего за ними надзора и охраны ее интересов. Однако Ксенофонт неоднократно употребляет этот термин для обозначения управителей или наместников, назначаемых и другими городами (например Афинами или Фивами, см.: Греческая история, IV, 8, 8; VII, 1, 43). Поэтому в данном месте текста несомненно имеется в виду управитель, назначенный Синопой в Котиору. Упоминаемые в дальнейшем изложении гармосты являются подлинными спартанскими наместниками.

[27] Гераклея Понтийская — один из крупных греческих городов южного Причерноморья, находившийся в Ахерузийском заливе на месте

современного города Эрегли. Колония Мегары Гераклея, в свою очередь основала на северном берегу Черного моря колонию Херсонес (близ Севастополя) и на западном берегу — Каллатий.

[28] Золотая монета города Кизика, равная $1^1/_2$ дарика.

[29] Это было в 416 г., во время Пелопоннесской войны (см.: Фукидид, VIII, 8, 39, 61, 62, 80).

[30] Народность в Колхиде.

[31] См. текст, V, VII, 13—17. Агораном — смотритель рынка.

[32] Борей — северный ветер; Нот — южный ветер.

[33] Личность посла считалась у греков священной и неприкосновенной.

[34] У эллинов послы, отправлявшиеся для переговоров к врагам, снабжались отличительным знаком — коротким, обвитым изображениями двух змей, жезлом. Бог Гермес — посланник богов — всегда изображался с подобным жезлом (керикеем).

[35] Согласно верованиям древних греков, преступления и проступки, нарушающие божеские и человеческие законы, оскверняли совершившего их человека, который вследствие этого становился «нечистым» и неспособным общаться с богами и «чистыми» людьми. Для того, чтобы освободиться от скверны, ему прежде всего надлежало «очиститься». Обряды очищения были весьма разнообразны. Одним из распространенных обрядов, помимо омовения, было жертвоприношение с последующим окроплением лиц, подлежащих очищению, кровью жертвы.

[36] Искаженное место в рукописи.

[37] Начальник гребцов давал сигнал к началу и концу гребли и наблюдал за ее темпом, находясь на носу корабля.

[38] У греков голосование происходило при помощи камешков или глиняных черепков, опускаемых в урны.

К книге VI

[1] Клина — ложе.

[2] Военная фракийская песнь; связанная с именем знаменитого царя фракийского племени одрисов Ситалка, царствовавшего во второй половине V в.

[3] Народность в Фессалии.

[4] Греческое слово «карпос» означает плод, следовательно карпейский танец можно понять как «танец сбора плодов» или «танец жатвы».

[5] Свидетельства некоторых античных источников (Поллукс и др.) подтверждают, что при исполнении персидского танца пляшущий то приседал, то выпрямлялся во весь рост.

[6] Священные процессии, участники которых пели пэан и одновременно изображали его содержание в танцах.

[7] Пользовавшийся широкой популярностью в Греции военный танец, исполнявшийся с оружием в руках. В Спарте этому танцу обучали мальчиков с пятилетнего возраста.

[8] Медимн — мера сыпучих тел; аттический медимн равен примерно 52.5 л. Керамий — глиняный сосуд, вместимостью около 2 ведер.

[9] Предсказание будущего по полету и крику птиц было одним из наиболее распространенных видов гаданий у древних греков.

[10] Имеется в виду Хирисоф. Преобладание Спарты в это время было столь определенным, что Ксенофонт считал недопустимым выбор военачальником не-спартанца при наличии спартанского кандидата.

[11] Имеется в виду разгром Афин в конце Пелопоннесской войны, в 404 г.

[12] Во время пирушек (симпосионов) греки выбирали председателя, который вел собрание. Остальные участники пирушки обязаны были подчиняться его приказаниям.

[13] Мифический корабль, на котором, согласно греческому сказанию, люди совершили первое далекое морское путешествие. На «Арго» плыли греческие герои (аргонавты), отправившиеся в путь из северной Греции в Колхиду за золотым руном (Миф об аргонавтах). По имени их предводителя Ясона назван был мыс южного побережья Черного моря, находящийся к востоку от реки Фермодонта. Взятый в прямые скобки в нашем переводе абзац «Анабасиса» явно неправильно включен в текст, так как мыс Ясона и устья рек Фермодонта, Ириса и Галиса находятся к востоку от Синопы. Только устье Парфения расположено между Синопой и Гераклеей.

[14] По свидетельствам древних авторов, племена мариандинов обитали с очень древних времен в северо-восточной части Вифинии, в областях, прилегавших к Ахерузийскому заливу, где находилась Гераклея. По всей вероятности они принадлежали к исконному населению Малой Азии. Мариандины находились в подчиненном положении у жителей Гераклеи. Античные писатели называют мариандинов постоянными поденщиками и рабами гераклеотов.

[15] Один из двенадцати подвигов народного греческого героя Геракла состоял в проникновении в подземный мир Аид, где, по представлениям эллинов, обитали тени умерших, и в похищении стража Аида — трехголовой собаки Кербера. Место спуска Геракла в подземный мир показывали и в других местах Эллады, где имелись глубокие пещеры. Ахерузийский мыс — это современный мыс Кап-Баба, где и сейчас находится пещера, с которой связаны местные легенды.

[16] Обычное мероприятие городов, ожидающих осады (см.: Фукидид, II, 13, 2; Геродот, V, 34).

[17] Греческая колония, основанная, вероятно, дорийцами в середине VII в. на европейском берегу Боспора, на том месте, где в настоящее время находится Стамбул. Исключительно выгодное местоположение при входе в Боспор придавало Византию большое торговое и военное значение.

[18] Так назывались племена, населявшие северо-западные области Малой Азии, к востоку от Боспора и примерно до р. Парфения. Впрочем, границы Вифинии не были постоянны и изменялись в различные эпохи древности. Согласно античной традиции, вифинцы не были исконными обитателями этой области, но пришли туда из европейской Фракии, переправившись через Боспор. Эта традиция подтверждается, между прочим, тем, что в европейской Фракии во времена Ксенофонта жило фракийское племя финов (см. текст, VII, II, 22). Ввиду фракийского происхождения вифинцев и вся их область часто именуется античными писателями азиатской Фракией, а вифинцы — фракийскими вифинцами. Исконными жителями Вифинии были, согласно древним писателям, бебрики, мисийцы и мариандины, с которыми пришлые вифинцы частично смешались.

[19] Метателя дротиков.

[20] Последовательность дальнейшего изложения в данном месте «Анабасиса» вызывает сомнения, ввиду чего некоторые издатели предприняли перестановку параграфов. В квадратных скобках отмечены номера параграфов согласно данной перестановке, а номера в круглых скобках сохраняют последовательность параграфов по тексту «Анабасиса».

[21] Т. е. удобный для стоянки кораблей.

[22] Представления древних греков о смерти требовали захоронения умершего в гробнице, у которой справлялся затем так называемый надгробный культ, «обеспечивающий покойнику спокойное пребывание в царстве теней». В случае невозможности предать тело земле, воздвигалась пустая гробница — кенотафий и культ справлялся перед ней.

[23] Сатрап Фригии. В то время как, следуя вдоль северного берега Малой Азии, наемники Кира имели дело с автономными или только номинально подчиненными персам племенами, а также свободными греческими городами, в Вифинии они вновь столкнулись с персидским войском Фарнабаза, стремившемся оградить персидскую сатрапию Фригию от нашествия эллинов.

[24] В истории античной военной тактики это первый известный случай применения резервов во время сражения.

[25] Текст испорчен.

[26] Диоскуры Кастор и Полидевк, сыновья Зевса, считались пре-

имущественно покровителями Спарты, но культ этих братьев был широко распространен по всей Элладе. Их считали богами-помощниками и заступниками людей, они особенно почитались мореходами.

К книге VII

[1] Фракийский царь. Свою биографию он рассказывает Ксенофонту (см. текст, VII, II, 32—34). Добившись с помощью наемников Кира возвращения отцовского царства, он, однако, продолжал находиться в подчинении у царя одрисов (см. Примеч., VII, 12) Медока (или Амадока). Из последующей его биографии известно, что после ухода от него греческого войска он в 399/98 г. послал в помощь воевавшему с персами в Малой Азии спартанскому военачальнику Деркиллиду отряд всадников и пельтастов. В 389 г. он восстал против царя одрисов Медока, но вскоре заключил с ним договор; текст договора частично сохранился до нашего времени. Через несколько лет после этого Севф вновь поднял восстание против преемника царя Медока Гебросельма, лишился своего царства, но затем вновь обрел его с помощью греков. Он умер в 383 г. О древней Фракии см.: W. Tomaschek. Die alten Thraker. Wien, 1893—1894. — Г. Кацаров. България въ древностата. София, 1926. — К. Иричек. История на Болгарите. София, 1929. — Хр. Данов. Западниат брег на Черно-Море в древностата. София, 1947.

[2] Эта гора находилась за Перинфом, на юге Фракии.

[3] Фракийская площадь Византия находилась посреди города, недалеко от рынка. Свое название она, по всей вероятности, получила после того, как некий греческий стратег Протомах воздвиг на ней трофей в честь победы над фракийцами.

[4] Имеется в виду Пелопоннесская война 431—404 гг. между Спартой и Афинами, закончившаяся полной победой Спарты.

[5] С тонкой иронией описывает Ксенофонт неудачную попытку Койратида получить начальство над наемниками Кира. Койратид — странствующий стратег — типичная для своего времени фигура. Он смотрит на войну как на ремесло, готов принять начальство над любым войском и воевать против любого противника, лишь бы предприятие сулило выгоду. В прошлом участвовал в Пелопоннесской войне в качестве помощника Клеарха, был взят в плен афинянами в Византии и перевезен в Афины, откуда бежал в Декелею.

[6] Область к северу от залива Золотой Рог, между заливом и Боспором.

[7] Навархи избирались сроком на один год, обычно в середине лета, без права переизбрания (см. Примеч., V, 2).

[8] Навклер — владелец корабля.

[9] Херсонесский полуостров соединяется с материком узким перешейком, заняв который, нетрудно запереть на Херсонесе любое войско.

[10] Одно из фракийских племен, по всей вероятности родственное вифинцам (см. Примеч., VI, 18).

[11] Согласно рассказу Фукидида (II, 29, 2), предок Севфа Тер (или Терес) вел свое происхождение от мифического Терея, женатого на Прокле, дочери афинского царя Пандиона.

[12] Меландиты, фины, транипсы — фракийские племена. Одрисы — самое могущественное из фракийских племен. Тер, предок Севфа, основал царство одрисов в районе северного течения р. Гебра (современной Марицы).

[13] Обычно лохаги получали двойное жалование солдат, а стратеги — двойное жалование лохагов.

[14] Фукидид (II, 97, 4) рассказывает: «Одрисы, как и остальные фракияне, установили у себя обычай, противоположный тому, который существует в персидском царстве, — лучше брать, чем давать, — и у них считалось более постыдным отказать в просьбе кому-либо, нежели получить отказ; обычаем этим одрисы, благодаря своему могуществу, пользовались больше других фракиян, так что нельзя было ничего добиться у них без подарков. Вследствие этого царство одрисов достигло большого могущества. Действительно, из всех царств Европы, лежащих между Ионийским заливом и Понтом Евксинским, оно было самым могущественным по количеству доходов и вообще по благосостоянию». Фукидид добавляет, что подарки подносились не только царю одрисов, но и правившим вместе с ним династам. Царь Севф, царствовавший после Ситалка, получал податей почти 400 талантов и столько же подарками.

[15] На складном стуле.

[16] Согласно объяснению Свиды, у фракийцев было принято окроплять одежды присутствующих недопитым во время тоста вином.

[17] Струнный музыкальный инструмент.

[18] Геродот (VII, 75) следующим образом описывает одежду фракийцев, входивших в состав войск Ксеркса: «Фракийцы имели на головах лисьи шкурки, на теле хитоны, а сверху длинные пестрые плащи, на ногах и кругом икр — обувь из козьей кожи». На греческих вазах часто встречаются изображения фракийцев в подобной одежде.

[19] Короткие плащи.

[20] Так называлась приморская область (и город) во Фракии, расположенная вдоль западного берега Черного моря. Страбон (VII, 6, 1) описывает ее как пустынную, каменистую береговую полосу, открытую для северных ветров и тянущуюся примерно на 700 стадий (стадий равен 177 м) от Кианей — островов, расположенных у входа в Боспор. Он подтверждает рассказ Ксенофонта о том, что все мореходы, терпевшие здесь

кораблекрушение, подвергаются грабежу со стороны местных фракийцев.

[21] Греческий город на северном берегу Мраморного моря, между Перинфом и Византием.

[22] После смерти Кира, Тиссаферн, наследовавший его сатрапию, приступил к покорению прежде подвластных Киру греческих городов, воспользовавшихся междоусобиями в Персии и объявивших себя свободными. В 400 г. Тиссаферн осадил город Киму. Греческие города, которым угрожали персы, обратились за помощью к Спарте, и последняя объявила войну Тиссаферну. Осенью 400 г. Спарта отправила войско численностью около 5000 человек под начальством Фиброна в Эфес.

[23] Ксенофонт намекает здесь на обещанное ему Севфом в начале переговоров о союзе недвижимое имущество в виде городов и укрепленных мест (см. текст, **VII**, II, 10; **VII**, V, 8).

[24] См. Примеч., V, 12.

[25] Текст «Анабасиса» в данном месте, видимо, испорчен, так как он не дает удовлетворительного смысла. Предложенные исправления допускают две возможности: либо Клеагор был живописцем, украсившим фресками храм в Ликее, либо, как и его сын, гадателем-жрецом, составившим книгу о сновидениях, посылаемых Аполлоном в Ликеях. Первое нам кажется более вероятным, хотя никаких других упоминаний о живописце Клеагоре из Флиунта в античной традиции не сохранилось. См. статью: L e o n h a r d, в журнале Athenische Mitteilungen, XXXIX, 1914, стр. 144 сл.

[26] Зевс Мейлихий — Зевс Милостивый. Главным местом культа этого бога были Афины, а самым большим праздником в честь Зевса Мейлихия считался праздник Диасий, во время которого приносились умилостивительные жертвы (см. сл. примеч.).

[27] При обычных жертвоприношениях богам только некоторые части закланных животных сжигались на алтаре, другие же отдавались жрецам, а третьи шли на угощение участников торжества. Но в некоторых случаях, например при умилостивительных жертвах, обычай требовал предания закланного животного огню целиком, т. е. жертвоприношения со всесожжением жертвы; для этого выбирался мелкий скот.

[28] Предок Гонгила из Эретрии, тоже по имени Гонгил, был изгнан из Эретрии за то, что являлся посредником между Ксерксом и спартанским царем Павсанием, замышлявшим предать Грецию персам. Ксеркс подарил ему в наследственное владение четыре города в Троаде. Гонгил — муж Эллады — правил этими городами по праву наследства. См. Примеч., **II**, 1.

[29] Персы как господствующая народность персидской монархии владели крупными поместьями в Малой Азии. Таким персидским помещиком был, повидимому, и Асидат.

[30] Гирканцы — подвластная персам народность, обитавшая у Каспийского моря.

[31] Племя в Армении.

[32] Кеты — народность в Малой Азии.

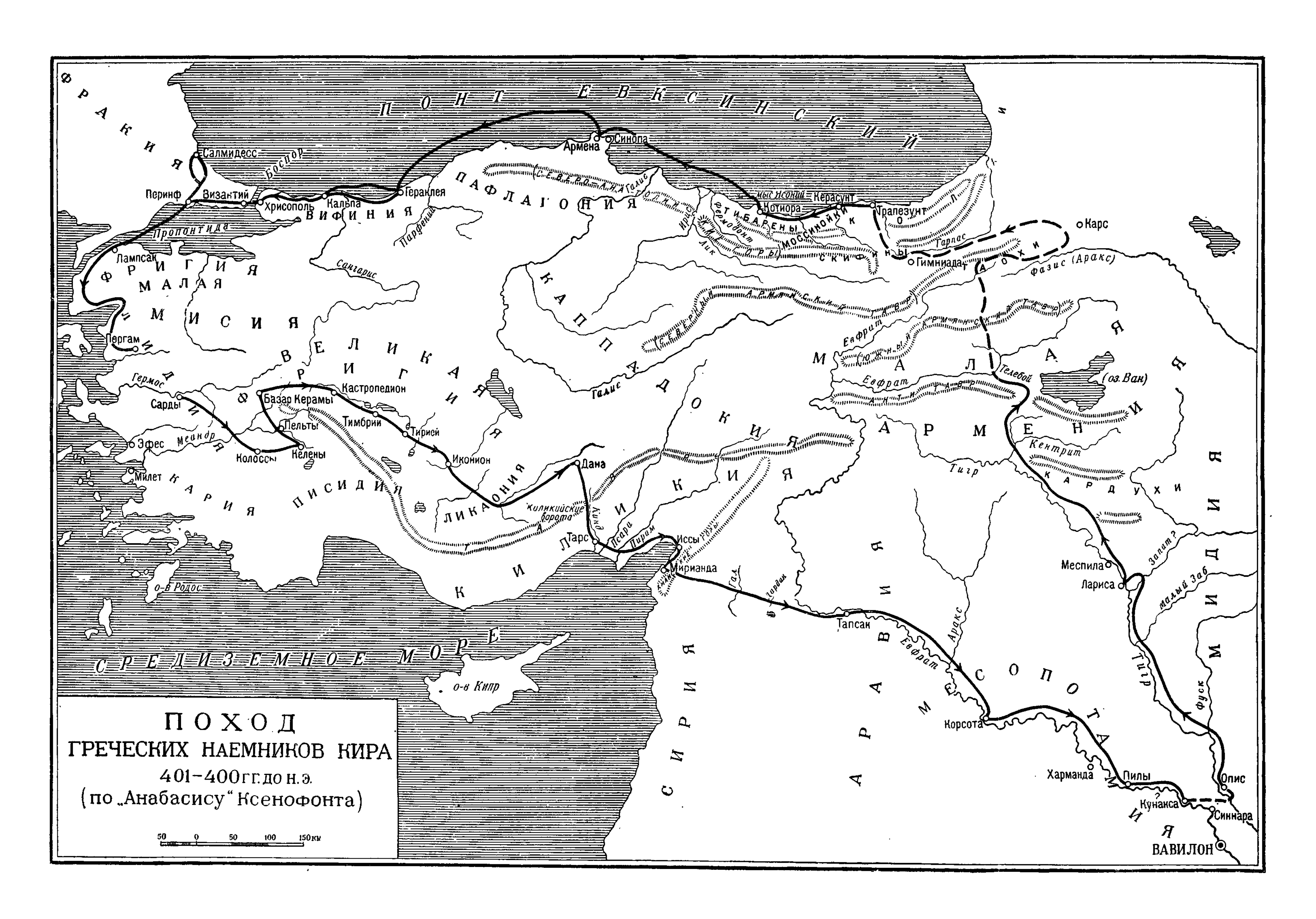
[33] Заключение «Анабасиса» с кратким повторением всего пройденного маршрута, по общему мнению всех современных ученых, принадлежит не Ксенофонту, а какому-то другому, хорошо осведомленному лицу. Приведенные здесь имена сатрапов и племен частично не согласуются с показаниями Ксенофонта.

ИМЕННОЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПОХОД
ГРЕЧЕСКИХ НАЕМНИКОВ КИРА
401–400 гг. до н. э.
(по „Анабасису" Ксенофонта)
50 0 50 100 150 км
ПОНТ ЕВКСИНСКИЙ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
ФРАКИЯ
ФРИГИЯ МАЛАЯ
МИСИЯ
ЛИДИЯ
ВЕЛИКАЯ ФРИГИЯ
КАРИЯ
ПИСИДИЯ
ЛИКАОНИЯ
КИЛИКИЯ
ВИФИНИЯ
ПАФЛАГОНИЯ
КАППАДОКИЯ
АРМЕНИЯ
МАЛАЯ АРМЕНИЯ
СИРИЯ
АРАВИЯ
МЕСОПОТАМИЯ
МИДИЯ
КАРДУХИ
ТАОХИ
СКИФИНЫ
ТИБАРЕНЫ
МОССИНОЙКИ
Салмидесс
Перинф
Византий
Хрисополь
Кальпа
Гераклея
Армена
Синопа
Котиора
Керасунт
Трапезунт
Гимниада
Карс
Лампсак
Пергам
Сарды
Эфес
Милет
Колоссы
Келены
Пельты
Базар Керамы
Кастропедион
Тимбрии
Тирией
Иконион
Дана
Тарс
Иссы
Мирианда
Тапсак
Корсота
Харманда
Пилы
Кунакса
Синнара
Опис
Ларисса
Меспила
ВАВИЛОН
Боспор
Пропонтида
Сангарис
Парфений
Галис
Ирис
Фермодонт
Лик
Гарпас
Фазис (Аракс)
Евфрат
Телебой
(оз. Ван)
Кентрит
Тигр
Запат?
Малый Заб
Фуск
Аракс
Гермос
Меандр
Киликийские ворота
Кидн
Псара
Пирам
Хал
Даргон
мыс Ясоний
о-в Родос
о-в Кипр

СОДЕРЖАНИЕ

Анабасис

Приложения

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Е. Б. Томсинская*
Корректоры *О. Г. Крючевская* и
Н. А. Храмцова.
Технический редактор *Р. С. Певзнер*

*

РИСО АН СССР № 4805. Подписано к печати 14/XII 1951 г. М-40231. Тираж 5000. Бумага $70 \times 92/_{16}$. Бум. л. $9^3/_8$. Печ. л. 21.93 + 1 вклейка. Уч.-изд. л. 15.4. Зак. № 204. Цена в переплете 13 р. 75 к.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12

